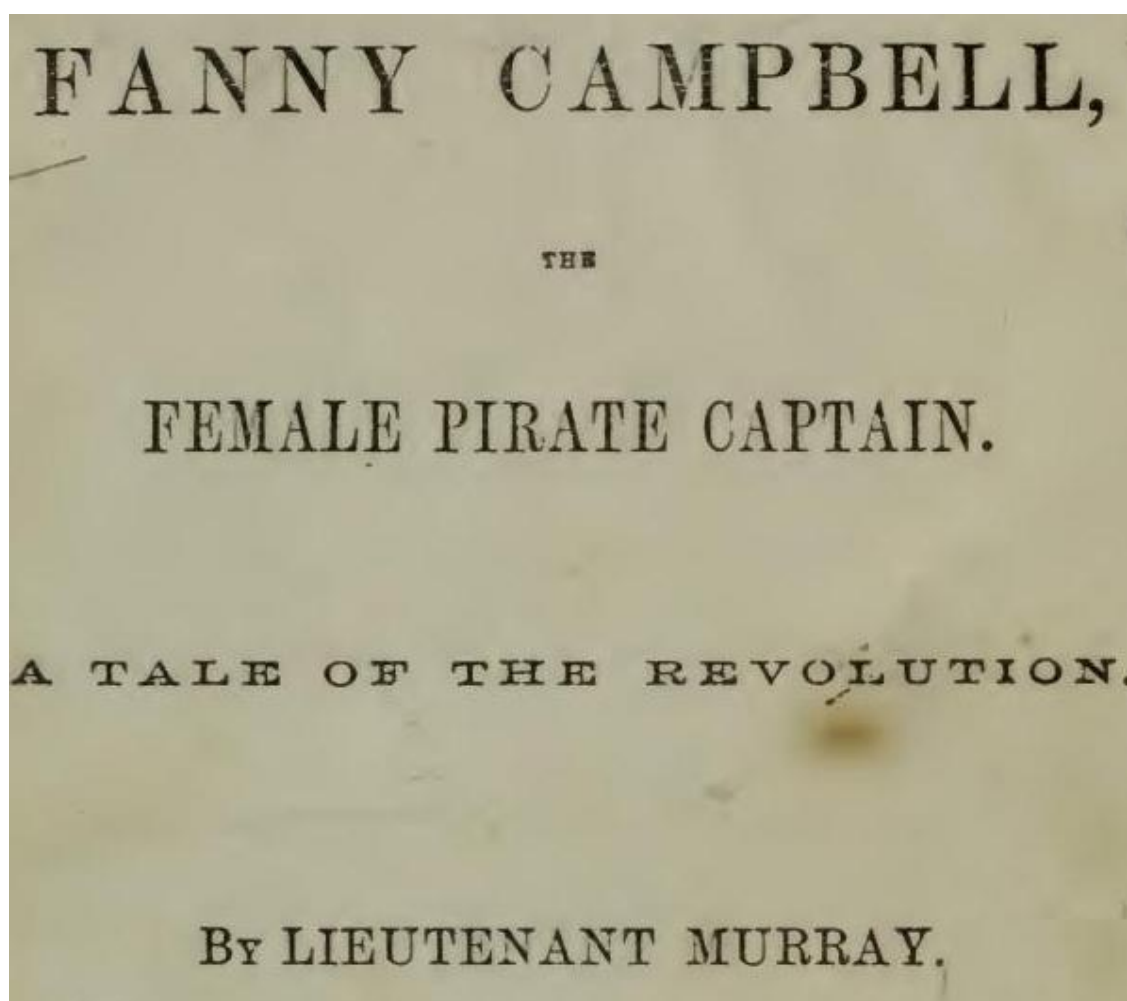

Фанни Кэмпбелл, женщина-капитан пиратов: Повесть о революции

Мэтьюрин М. Баллу

Электронная книга проекта "Гутенберг" Фанни Кэмпбелл, женщины-капитана пиратов: повесть о революции

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Фанни Кэмпбелл, Женщина-капитан пиратов: Повесть о революции

Автор: Мэтьюрин М. Баллу

Дата выхода: 22 ноября 2014 г. [Электронная книга № 47430]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Создано Дэвидом Уиджером на основе изображений страниц, щедро предоставленных интернет-архивом

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ФАННИ КЭМПБЕЛЛ, ЖЕНЩИНА-КАПИТАН ПИРАТОВ: ПОВЕСТЬ О РЕВОЛЮЦИИ" ***

ФАННИ КЭМПБЕЛЛ, *ЖЕНЩИНА-КАПИТАН ПИРАТОВ*

Повесть о Революции

Автор : Мэтьюрин Мюррей Баллу

1844

НЬЮ-ЙОРК:

Э. Д. ЛОНГ И КОМПАНИЯ, КНИГОТОРГОВЕЦ

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ФАННИ КЭМПБЕЛЛ.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

У всех книг должно быть предисловие, поскольку писателю наверняка есть что сообщить читателю относительно сюжета рассказа или какой-то связанной с ним темы, чего он не может сделать в рассказе. Это своего рода доверительное общение между автором и читателем, которого он на мгновение берет за петлицу и старается благосклонно отнестись к своему рассказу. Мы из тех, кто очень доверяет первому впечатлению, и поэтому рассчитываем, что читатель, по крайней мере, начнет наш рассказ непредвзято. Он с первого взгляда поймет, что наш издатель вынес свое суждение с похвалой, учитывая превосходную манеру, в которой он выпустил это произведение, и понесенные большие расходы.

Нам нужно сказать несколько слов о предмете этого рассказа. Это очень романтический случай, но не более, чем многие другие, инциденты которых произошли в волнующие времена Революции и которые с тех пор получили санкцию истории. Нам потребовались значительные затраты, чтобы выяснить события нашего рассказа, которые были радостно встречены нашим либеральным издателем.

ФАННИ КЭМПБЕЛЛ.

ГЛАВА I.

ЛИНН В СТАРЫЕ ВРЕМЕНА. ХАЙ-РОК. РЫБАЦКАЯ ДЕРЕВУШКА. ВОЛНУЮЩИЕ СОБЫТИЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ РЕВОЛЮЦИИ. НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАШИХ ПЕРСОНАЖЕЙ. УИЛЬЯМ ЛОВЕЛЛ. ФАННИ КЭМПБЕЛЛ. ГЕРОИНЯ. КАПИТАН КОРОЛЕВСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА РАЛЬФ БЕРНЕТ. РЕВНОСТЬ ВЛЮБЛЕННОГО.

Городок Линн, штат Массачусетс, расположенный на берегу Атлантического океана, на расстоянии примерно десяти миль от столицы Новой Англии, был местом многих происшествий самого романтического характера. Действительно, его история изобилует сюжетами, больше похожими на романтику, чем на факты. Здесь есть "Пещера пирата", "Прыжок влюбленного", "Темница грабителя", и все они находятся на расстоянии пистолетного выстрела друг от друга. История его ранней индийской истории также носит чрезвычайно интересный характер, и в целом этому месту суждено стать бессмертным только по этим причинам.

В той части города, которая известна как "Вуд-Энд", есть огромная гряда камней, возвышающаяся перпендикулярно склону холма, обращенного к океану, известная далеко и близко под названием Хай-Рок. Этот гранитный массив имеет очень своеобразную форму; передняя часть резко поднимается почти на сто футов, в то время как задняя часть глубоко врезана в возвышенность, а вершина образует равнину вровень с высотой холма и прилегающей равниной сзади. Это место издавна славилось обширной и красивой перспективой, которую оно открывает. С его вершины, с которой открывается вид на окруженный скалами Нахант в южном направлении, открывается великолепный вид на Атлантику и полосу побережья шириной почти в тридцать миль. На наших берегах нет места, где море разыгрывало бы более дикую и торжественную панихиду, чем на скалистом полуострове Нахант; длинный соединяющий пляж является здесь ареной гневного волнения из-за постоянных и сильных волнений широкого океана.

На расстоянии примерно десяти миль на юго-западе лежит Бостон. Сначала взгляд всегда останавливается на густом дыму, который окутывает его, сквозь который отчетливо видны шпили многочисленных церквей и возвышающийся над ними благородный Государственный дом. Поверните еще дальше на Запад, и вы увидите основную часть промышленного городка Линн с его живописным скоплением белых коттеджей и фабрик, кажущихся миниатюрными. Снова поверните на северо-запад, и в нескольких милях за городом Линн раскинется процветающая маленькая деревушка Согус. Полный вид на Север полон древесной красоты, представляя собой поле лесных вершин почти безграничной протяженности. На северо-востоке сквозь открывающиеся холмы и деревья видна вода в гавани Салема, в то время как сам город скрыт из виду, напоминая о далеком виде Адриатики с высоких Аппенин, которые возвышаются у самых ворот прекрасного города Флоренции.

Это краткий обзор обширных перспектив, которыми может насладиться посещение Хай-Рока в наши дни, не говоря уже о довольно тихой рыбацкой деревушке Свомпскот и панораме парусных судов, которые всегда украшают вид на море.

У подножия скалы несколько лет назад жила знаменитая гадалка, известная под именем 'Молл Питчер', прозвище, данное ей жителями города, настоящее имя которой так и не было установлено. Она дожила до замечательной старости, и до дня ее смерти посетитель, который "перекладывал ее ладонь широкими ломтями", был уверен, что получит взамен какую-нибудь правдивую или вымышленную легенду о соседях. Многие из нас и по сей день с удовольствием вспоминают свои визиты к странной старой гадалке из Линна, что у подножия Хай-Рока.

Мы были так внимательны при описании этого места, поскольку это место рождения двух людей, которым предстоит сыграть важную роль в истории, которую мы собираемся рассказать, и отчасти потому, что мы любим это место, где мы провели много часов наших мальчишеских дней. Особенности места рождения человека оказывают большое влияние на формирование характера и предрасположенности. Ассоциации, которые окружают нас в детстве, имеют двойное значение для наших нежных и восприимчивых умов в то время, по сравнению с теми, что будут в последующие дни, когда характер более сформирован и возмужал, а ум стал более суровым и негибким. Следовательно, нам надлежит особо остановиться на месте рождения и связях с теми, кому предстоит сыграть главных героев драмы, о которой мы рассказываем.

Около семидесяти лет назад у самого подножия Хай-Рока жили несколько семей истинно пуританского толка, образовавших небольшое сообщество. Мужская часть деревни была занята рыбаками, в то время как время женщин было занято сушкой и консервированием рыбы и другой домашней работой, которая выпадала на их долю. Район, похожий во всех деталях, за исключением того, что он был гораздо менее обширным, на нынешний город Суомпскот, который расположен всего в трех-четыре мили от того самого места, которое мы сейчас описываем, и жители которого, выносливые и трудолюбивые люди, и по сей день "сплошь рыбаки".

Дата, на которую мы ссылаемся, была как раз началом возникновения основных причин разногласий между колониями и метрополией; временем, когда проницательные и вдумчивые люди предсказывали грядущую борьбу между Англией и ее североамериканскими владениями. Оппозиция колоний единому Закону о гербовом сборе, и в особенности жителей Массачусетского залива, как назывался Бостон и соседняя провинция, уже стала настолько энергичной и всеобщей, что у британского парламента была только альтернатива принудить к подчинению или отменить закон, что в конце концов неохотно было сделано. И все же продолжающиеся акты произвольного угнетения, навязываемые парламентом народу, такие как принятие законов о том, что колонисты, обвиняемые в преступлениях, караемых смертной казнью, должны быть отправлены в Англию для суда присяжных, состоящих из иностранцев, и подобные им отвратительные и неконституционные акты довели людей до отчаяния и постепенно подготовили их к последующим поразительным событиям, которые заставили удивляться всю Европу и трепетать саму Англию!

Резня на Стейт-стрит, знаменитая сцена чаепития, во время которой возмущенные жители Бостона сбросили в воду залива триста пятьдесят ящиков с чаем, тысячи мелких актов тирании, совершенных солдатами короны; закон о Бостонском порту, блокирующий гавань Бостона, - все это последовало в быстрой последовательности, каждое из которых было лишь камнем на пути

к грядущим великим событиям. Таковы были сцены в Лексингтоне, Конкорде, Банкер-Хилле и на многих ожесточенных и кровавых полях Революции, пока эти Соединенные Штаты Америки не были признаны *свободными и независимыми!*

На смелые и предприимчивые характеры этих людей повлияли как описанные нами времена, так и трудолюбивый характер их работы. Опасности, которые часто окружали дома женщин, порождали суровый и мужественный нрав даже у тех представительниц слабого пола, которые составляли часть сообщества, и в целом оно состояло из суровых и бесстрашных духов. В начале нашего рассказа о 1773 году было две семьи, которые занимали один просторный и удобный коттедж в маленьком районе, который мы описали. Это были семьи Генри Кэмпбелла и Уильяма Ловелла, обоих рыбаков, которые вместе плавали на надежном рыболовном судне. Их семьи состояли из жен и по единственному ребенку у каждой - Уильяма и Фанни, и родители искренне надеялись и обещали, что дети, когда достигнут соответствующего возраста, будут соединены друг с другом. Да и обрученные со своей стороны ни в коей мере не были против такого соглашения, ибо они любили друг друга с привязанностью, которая росла с годами, с самого раннего детства. Казалось, что путь истинной любви, по крайней мере, для них пройдет гладко, несмотря на старую поговорку об обратном.

Уильям почти полностью вырос на борту судна своего отца и был настолько хорошим моряком, насколько это возможно с точки зрения опыта. Сейчас ему было девятнадцать, у него была твердая, энергичная, мужественная фигура и непринужденная джентльменская осанка; его лицо, когда с ним знакомились, было определено красивым; демонстрируя дух, отвергающий всякую опасность, он был молод, пылок и обладал богатым воображением и с трудом переносил ограничения профессии своего отца, которая отнимала у него много времени; его щедрый и честолюбивый ум стремился к какому-то более высокому призванию, чем профессия скромного рыбака. Он редко бывал на берегу, за исключением суровых зим, которые рано наступают и задерживаются допоздна в этих северных широтах. ; но тогда этого сезона все ждали с удовольствием. Долгие зимние вечера они счастливо проводили с Фанни, пока она усердно занималась каким-нибудь женским занятием, в то время как он, возможно, читал вслух какую-нибудь поучительную книгу или интересную сказку, или они слушали какую-нибудь историю о старой войне Франции и индейцев от своих родителей, которые были участниками ее опасностей и лишений. Затем также был всесторонне обсужден вопрос о нынешнем состоянии перспектив и интересов колоний, а также о притеснениях правительства метрополии. Таким образом, время шло, пока Уильяму не исполнилось девятнадцать лет, когда он решил, как он сказал, смело попытать счастья, и после получения разрешения, которое неохотно дали его родители, он договорился о том, чтобы отправиться из Бостона в какой-нибудь чужой край в качестве моряка. Дальнее путешествие в те дни действительно было приключением, и предпринималось оно сравнительно редко.

Уильям Ловелл побывал в Бостоне и сел на торговое судно, направлявшееся в Вест-Индию, а оттуда в какой-то более отдаленный порт, и теперь вернулся в коттедж, чтобы сложить свой маленький узелок с одеждой и попрощаться со своими старыми товарищами и друзьями, а также попрощаться со своими родителями и с той, кого он любил с нежностью, не имеющей аналогов среди тех, с кем он общался. Именно эта любовь породила честолубие, которое двигало им, и желание приобрести опыт и финансовую состоятельность.

Это было вечером накануне отплытия, теплой летней ночью, когда они с Фанни взобрались на вершину Хай-рока. Они уселись на грубую каменную скамью, высеченную в цельной скале рукой краснокожего человека или, возможно, какой-то расы, предшествующей даже им, и долго и молча оба смотрели на далекое море. Было очень спокойно, и ласковые волны лишь слегка касались скалистых берегов Вэлианта и разбрасывали маленькие струйки серебристых брызг по черной массе Эггбока. Луна, казалось, вышивала причудливые узоры серебряного кружева на синем океане, который почти не колыхался, так мягки были волны его широкой груди под волшебным воздействием. Это было около семидесяти лет назад, годы тяжелого труда, радости и печали, годы улыбающегося мира и яростной войны, три десятка и десять лет назад, и все же в течение двенадцати месяцев я сидел на этой скале, да, на том самом камне, и смотрел на то же серебристое море, и созерцал ту же тихую, серебристую сцену; смотрел на те же окованные железом берега, и черную и хмурую громаду Эгг-Рок, которая все еще там, как будто выставила часового на берегу, и все же в достаточной степени находится во владениях Нептуна, чтобы прийти к убеждению, что это не так. он служит седому старому богу, а не духам земли.

Фанни Кэмпбелл была девушкой благородной наружности. Она не была похожа на ваших современных красавиц, хрупких и готовых упасть в обморок при первом виде рептилии; нет, Фанни могла грести на лодке, подстрелить пантеру, скакать верхом на самой дикой лошади в провинции или совершить почти любой храбрый и полезный поступок. И Фанни тоже умела писать стихи, нет, она не была нежной читательницей, ее образование не носило посредственного характера. Те незначительные преимущества, которые случай предоставил ей, были использованы до предела, и ее родители, находя, что у нее такой вкус, потакали ему в меру своих ограниченных средств. Таким образом, Фанни получила почти все преимущества, доступные в те дни. Раз или два в течение года она имела обыкновение проводить несколько недель в доме преподобного в Бостоне, с которым, как утверждал ее отец, были какие-то отношения. Находясь здесь, добрый человек обнаружил ее вкус и склонность к учебе и дал ей такие наставления, какие только смог, одолжив книги, чтобы развлечь и укрепить ее ум. Благодаря этим средствам Фанни действительно получила превосходное образование в то время, когда мы знакомим ее с читателем; ей было всего семнадцать лет. В свою очередь, она поделилась своей информацией с Уильямом Ловеллом, и таким образом эти двое обладали таким уровнем образования и рассудительности, который ставил их выше своих друзей по уровню интеллекта и заставлял равняться на них во всех вопросах информации и учености.

- Фанни, - сказал Уильям, - не пройдет и дня, как я буду далеко от тебя.

- Да, на много миль в море, Уильям.

- Но мое сердце останется дома.

-И мой оставит его.

- В надежном месте, Фанни.

- Я в этом не сомневаюсь, Уильям.

- Теперь, когда время действительно пришло, расставаться с тобой, Фанни, оказалось даже тяжелее, чем я предполагал.

- В конце концов, я не думаю, что мы должны сожалеть об этом, Уильям, потому что для тебя это, без сомнения, станет источником значительного улучшения, и ты знаешь, что это очень желательно для всех нас. Хотя мне жаль думать, что вы вот-вот покинете нас, я также завидую вам тому опыту, который вы обязательно приобретаете о мире, тому, чему книги не могут научить".

- Ты странная девушка, Фанни.

‘ Ты любишь меня меньше из-за того, что я говорю то, что чувствую? Уильям, у меня нет от тебя секретов.

‘Нет, нет, моя дорогая девочка, я только люблю тебя еще больше, но еще больше удивляюсь твоему храброму и благородному духу, рассудительности и мыслям, характерным для особ твоего пола и нежного возраста. Клянусь моей душой, тебе следовало быть мужчиной, Фанни.

— Если бы я был им, я бы сделал именно то, что ты собираешься сделать, - уехал за границу и повидал мир.

- А если бы у тебя дома тоже была Фанни, которую ты любил, ты бы ушел и бросил ее?

— Да, потому что, возможно, я, как и вы, не должен был знать, как сильно она любила меня.

Уильям пожал ей руку и на мгновение задумался, затем, повернувшись к ней, продолжил:

- Фанни! - позвал я.

—Нучтож,Уильям.

‘ Ты хочешь, чтобы я отказался от предложенного предприятия? Скажи так, дорогая, и я немедленно откажусь от него.

‘ Великодушное сердце, - сказала она, сначала положив свои сплетенные руки ему на плечо, а затем прижавшись к ним щекой, ‘ ни за что на свете. Хотя твоя Задница чересчур скупа во всем, что касается тебя, все же она предпочла бы, чтобы ты следовал своим желаниям. Нет, нет, я бы хотел, чтобы ты ушел.

- Нет, Фанни, до сих пор я не знал, как сильно люблю тебя, - сказал Уильям Ловелл, обнимая ее за талию и запечатлевая поцелуй на ее гладком белом лбу.

Фанни нелегко было растрогать до слез, но даже она сейчас небрежно смахнула единственную жемчужную каплю, скатившуюся из ее темно-синего глаза. (Ты когда-нибудь замечал, читатель, какая глубина в голубых глазах?)

- Я знаю, Уильям, ты часто будешь вспоминать нас здесь, дома, - сказала Фанни, - и думать, как горячо мы будем молиться о твоем благополучном возвращении. - И теперь слезинки, явно набравшись смелости от дрожащего голоса благородной девушки, отважились проявить себя смелее.

"Когда я забуду тебя, дорогая Фанни, или кого-нибудь из добрых друзей, которых я оставляю, пусть Небеса оставят меня".

Была полночь, когда они расстались, Уильям был честным и строго добросовестным юношей; воспитанный в строгом соответствии с кодексом пуританской веры, и когда он собирался отойти ко сну, он преклонил колени перед Небесами и долго и горячо молился о благословении Фанни, его родителей и всех остальных, а также о руководстве в его новом начинании. Затем, бросившись на свою койку, он вскоре крепко уснул.

Фанни тоже отправилась в свою комнату на ночь, но не для того, чтобы уснуть, о нет. Она преклонила колени перед престолом благодати и помолилась о том, чтобы Небеса ниспослали самые лучшие благословения на того, кого она любила, о его безопасном путешествии по широкому и бескрайнему океану. И о! столь пылкая молитва, исходящая от человека столь преданного, столь чистого и невинного, должна когда-либо найти отклик на Небесах. Сбросив свое опрятное и подходящее к случаю домотканое платье, она остановилась, чтобы смахнуть набежавшие слезы.

Мы описали личность Фанни, любезный читатель? Нет! Что может быть более подходящим временем, чем когда она одета только в такое простое и скромное покрывало, которое скроет ее прелести.

Фанни Кэмпбелл была того роста, который в наши дни назвали бы высоким для женщины, и все же она была не особенно высокой для здоровой девушки, которая ни дня не болела, родившейся и выросшей на свободном и бодрящем воздухе морского побережья. Ее конечности и фигура обладали той чарующей округлостью, которая, хотя и указывает на склонность *кподчеркиванию*, все же крайне далека от привычной полноты. Ее полная вздымающаяся грудь, ее совершенной формы конечности, ее округлые руки с ямочками - все говорило о чувственности личности, и все же в рамках самых тонких правил красоты. Художник должен был бы увидеть ее там, ее лицо было скромно скрыто вуалью, но в то же время демонстрировало ее формы с самой восхитительной отчетливостью; ее грудь вздымалась от эмоций, а руки были сложены и воздеты к Небесам. Черты лица у нее были в духе греческой школы, с коралловыми губами, которые растопили бы любого отшельника. Одному Богу известно, откуда у Фанни такие глаза, они могли соперничать с глазами черкешенки. Природа, казалось, наслаждалась, украшая ее всеми дарами, какими только могла одарить. Зубы у нее были ровные и белые, как жемчужины, а волосы очень темно-каштанового цвета, зачесанные на прямой пробор через лоб и собранные в скромный пучок на затылке, хотя по самой их текстуре было легко понять, что, будь они предоставлены самим себе, вились бы естественным образом.

Такой была Фанни Кэмпбелл.

Был один вопрос, который тяжело давил на сознание юного Ловелла, связанный с отъездом Фанни и его дома. Примерно за два месяца до начала нашего рассказа молодой британский офицер, капитан одного из королевских катеров, стоявших в Бостонской гавани, встретился с Фанни у ее родственников в городе и был сразу поражен ее необычайной красотой, а также восхитился своеобразным складом ее ума, таким смелым и независимым, но при этом в совершенстве сдержанным духом скромности. Он не стеснялся демонстрировать свое восхищение и, пока она была в городе, усердно оказывал ей те деликатные и джентльменские знаки внимания, которые не могут не оказаться приемлемыми для каждой женщины, руководствуясь должным чувством деликатности и благородными побуждениями. Сказать, что Фанни не была довольна вниманием капитана Бернета, было бы неверно. Он был умным и хорошо образованным человеком, чей вкус и манеры улучшились благодаря тому, что он много

повидал в мире, и, обладая наблюдательным характером, он накопил много приятных и полезных знаний, которые он прекрасно знал, как использовать с пользой. Фанни сразу привлекли его приятные манеры и тот объем информации, которым он, казалось, обладал, и, помимо всего прочего, она чрезвычайно любила море и все, что с ним связано, в то время как на эту тему Бернет был особенно красноречив.

Так прошло несколько недель, и Фанни довольно близко познакомилась с капитаном Королевского катера. Был только один пункт, по которому они существенно расходились во мнениях, и это касалось поведения правительства метрополии и их права взимать налоги и издавать законы для колоний. Фанни была красноречива по этому поводу и горячо и красноречиво отстаивала интересы своих соотечественников, в то время как Бернет, который был американцем по происхождению и чье сердце действительно было связано со своей родной землей, все же был вынужден поддерживать сторону, на которой он сражался. Тем не менее он не раз откровенно признавался Фанни, что ее красноречие едва не сделало из него "бунтаря". Наконец Фанни вернулась к себе домой, где капитан навещал ее несколько раз: до предполагаемого отъезда Уильяма Ловелла в его морское путешествие, о котором мы так недавно говорили.

Для Ловелла было очевидно, что Фанни была *довольна* королевским офицером, хотя он знал, что ее *любовь* была его собственной. Он не возвращался к этой теме во время интервью на скале, хотя все это время она была у него на сердце. Действительно, для него это был деликатный вопрос, о котором он никогда серьезно не говорил с Фанни. Он не сомневался в ее правдивости, но опасался, хотя и вряд ли настолько, что, возможно, в его отсутствие офицер попытается добиться расположения Фанни, и опасался он не с благой или благородной целью. 'Ибо,' сказал он себе, - чего может желать капитан королевского корабля от дочери бедного рыбака, как не принести ее в жертву своим низменным целям'. И все же Ловелл был так уверен в ней, которую любил, что решил даже не упоминать об этом, чтобы это не вызвало подозрений, в которых он не хотел признаваться самому себе. Но, тем не менее, он думал об этих вещах с некоторой тревогой.

Юному Ловеллу так и не довелось встретиться с капитаном Бернетом, поскольку он отсутствовал в море со своим отцом в те часы, которые тот выбирал для своих визитов в коттедж, и все это он узнал от самой Фанни, которая была слишком честна и бесстрашна, чтобы скрывать от него что-либо подобного характера, но рассказывала ему обо всех их отношениях, не подозревая, какую боль это ему причиняло. Капитан Бернет никогда не оказывал ей никакого внимания, кроме того, что один друг мог бы оказать другому, и ей никогда не приходила в голову мысль, что он стремится завоевать ее расположение. По-видимому, целью Бернета было поддерживать эту идею, поскольку он еще ни разу не позвонил ей, прямо не заявив, что дела привлекли его в непосредственной близости от коттеджа ее отца, и, таким образом, дело обстояло в то время, когда Уильям Ловелл готовился покинуть свой дом. Внимание Бернета к Фанни Кэмпбелл не вызвало никаких замечаний в семье, и Ловелл утешился этим вопросом, поскольку обдумывал такое положение дел. 'Они не видели ничего такого, на что можно было бы обратить внимание, тогда почему я должен беспокоиться?' Но, несмотря на все его убеждения в обратном, на его решимость не позволять этому вопросу раздражать себя, как это всегда бывает, он становился все более беспокойным по мере того, как ему самому казалось, что его целеустремленность возрастает.

ГЛАВА II.

ПРОЩАНИЕ. КОРОЛЕВСКИЙ КЕНТ. ПИРАТЫ. БИТВА. ЗАЧИСЛЕНИЕ На НОВУЮ СЛУЖБУ. ПРИТОНЫ ПИРАТОВ. ПОБЕГ ИЗ ОДНОЙ ТЮРЬМЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ДРУГОЙ. БЕРНЕТ И ФАННИ КЭМПБЕЛЛ. ПРИБЫТИЕ ВАЖНОГО ПОСЫЛЬНОГО. ТАЙНА. ПРЕДЛОЖЕНИЕ. НОВЫЙ ДРУГ И НОВЫЙ ПЕРСОНАЖ. РЕЧЬ КАПИТАНА. КТО БЫЛ ХОЗЯИНОМ.

Ранним утром, последовавшим за встречей на Скале, Уильям Ловелл поднялся с постели с первыми лучами утреннего солнца и, осторожно прокрадываясь к квартире Фанни, постучал в ее дверь; ответа не последовало; он постучал снова, ответа по-прежнему не было. Бедная девушка проплакала почти всю ночь, и теперь природа заявила о своем превосходстве, и ее усталое тело погрузилось в дремоту. Ловелл открыл дверь и тихо подошел к ее кровати. Там лежала Фанни, под веками каждого глаза дрожало по слезинке; одна покрытая ямочками рука, обнаженная до плеча, лежала на ее частично обнаженной груди, в то время как на другой ее голова покоилась в беспамятстве. Прекрасной картиной невинности и непорочности была Фанни Кэмпбелл, когда она лежала и спала таким образом.

‘ Бедняжка Фанни, ты плакала, пока не уснула, ’ сказал Ловелл, нежно обнимая ее за шею и нежно целуя в алые губы. Он снова сжал их, и на этот раз, видите? сновидица обнимает его за шею, и поцелуй был возвращен! но она все еще спала. Он прошептал молитву, тихую, горячую молитву о ее благополучии, затем мягко высвободился из ее объятий, сказал, с любовью глядя на нее: "Было бы лучше расстаться так, я не хочу ее будить", - и, еще раз поцеловав ее в губы, Ловелл оставил ее спящей в том же состоянии, в каком нашел.

Он попрощался с родителями, пожал руки нескольким своим друзьям, встававшим рано, и отправился в Бостон, откуда в полдень того же дня должен был отправиться в свое первое морское путешествие. Заходящее солнце того дня сияло на белых парусах судна, которое уносило его в море за много лиг от суши. Ловелл, чья жизнь много времени провела на воде, хотя и недалеко от дома, легко справился с возложенными на него обязанностями и показал себя умелым моряком. День за днем корабль держал курс на юг, пока не оказался в пределах мягкого и целебного климата Вест-Индии, великого Американского архипелага.—В те дни и даже в течение многих лет после этой даты эти моря были наводнены бандами безрассудных флибустьеров или пиратов, которые совершали набеги на морскую пехоту каждой нации, с которой они встречались; они буквально не уважали людей. Люди, командовавшие этими отрядами разбойников с самыми непостоянными фантазиями, иногда плавали под белой

лилией Франции, полумесяцами Турции, украшенным гербами и великолепными флагами Испании или даже под знаменем Церкви с Ключами от Рая, но чаще всего под кроваво-красным флагом, который обозначал их характер и говорил их противникам, с кем им приходится иметь дело.

Доброе судно "Ройял Кент" вошло в более мягкие широты и находилось в дневном плавании от Порт-о-Плат, когда в поле зрения появилось подозрительное судно, которое немедленно бросилось в погоню. Команда "Кента" перед мачтой состояла примерно из дюжины человек и двух или трех офицеров; но они были плохо снабжены средствами защиты от любого регулярного нападения вооруженного судна. Тем не менее, две шестифунтовые канонады были очищены от мусора в середине корабля и заряжены для использования; все орудия, числом шесть или восемь, были заряжены вдвое, и у каждого офицера была пара пистолетов, кроме того, на борту было достаточно сабель, чтобы снабдить каждого матроса одной.

С этим небольшим вооружением они решили дорого продать свои жизни, если потребуется, и незнакомец должен был оказаться пиратом, как они имели все основания предполагать.

Незнакомец теперь быстро приближался к ним, и все сомнения относительно его характера вскоре рассеялись, так как на верхушке мачты был поднят кроваво-красный флаг, а на "Кенте" тоже раздался пушечный выстрел. Этого капитан делать не собирался и сразу же после того, как Буканьер, ибо таковым он оказался, открыл по ним огонь. Выстрелы посыпались быстро и густо среди небольшой команды "Кента", которая, с интересом ответив на них из своих шестифунтовых пушек, которые были лучше нацелены, устроила устрашающую расправу на переполненной палубе "Флибустьера". Целью пиратского капитана, очевидно, было взять на абордаж "Кента", когда его численное превосходство должно было немедленно решить исход поединка в его пользу. Капитан "Кента" в течение некоторого времени изобретательно избегал этого, его небольшое вооружение все это время совершало кровавые расправы над его врагами.

Наконец, однако, были брошены веревки, и пиратский капитан поднялся на борт "Кента", сопровождаемый половиной своей команды головорезов, и решил исход поединка врукопашную. Американский экипаж сражался до последнего, несмотря на безнадежный характер сражения, ибо они прекрасно понимали, что лучше пасть в бою, чем подвергнуться почти неминуемой жестокой смерти, которая ожидала бы их, если бы они живыми попали в руки Буканьеров.

Таким образом, хотя капитан "Кента" был подавлен численностью, он уже прострелил голову главарю пиратов и еще одному противнику из оставшегося у него пистолета, в то время как его абордажная сабля выпила кровь из сердца не одного, прежде чем он почувствовал, что пронзен множеством смертельных ран; и таким образом каждый из команды сражался до тех пор, пока не осталось только троих, которые показали столь же смертельный бой с остальными, но теперь были обезоружены и лежали связанные и истекающие кровью на палубе. Одним из них был Уильям Ловелл. Он лежал, истекая кровью, как мы уже говорили, от множества ран, вместе с двумя своими товарищами, корабль теперь был полностью в руках Буканьеров. "Кент" оказался лишь жалкой добычей для флибустьеров, хотя и обошелся им так дорого. Забрав из нее все ценности, какие они выбрали, они затопили ее, и она затонула там, где лежала.

Молодой Ловелл и его товарищи были взяты на борт пиратского судна, и после совещания среди его руководителей им сказали, что их жизни будут сохранены, если они присоединятся к команде, в которой сейчас не хватает людей — Буканьеров побудили сделать это предложение отчасти потому, что пленники показали себя храбрыми людьми, а отчасти из-за их собственной слабости, после ожесточенной и кровопролитной схватки, которую они только что пережили, экипаж "Кента" фактически убил почти вдвое больше их самих, оставив в живых всего около пятнадцати человек из пиратской команды. Любовь к жизни сильна во всех нас, и Ловелл и его товарищи согласились на предложенные им условия, решив при первой возможности сбежать с корабля, однако в течение многих месяцев они были свидетелями сцен пролитой крови и злодеяний, которые у них не было ни малейшей возможности предотвратить.

Моря Вест-Индии со времен первых мореплавателей всегда были прибежищем пиратов и бесшабашных банд флибустьеров, и даже по сей день, несмотря на сильный флот национальных судов, которые американские и английские правительства держат на стоянках, все еще существуют организованные банды этих головорезов, занимающихся якобы рыбацким промыслом, но только ожидающих благоприятной возможности возобновить свое старое занятие. Ходят очень достоверные слухи, что в настоящее время на Тортагосе, острове, известном в ранней истории нового света и прославленном как в былые дни место встречи отважных скитальцев, которые в те дни часто посещали Вест-Индию, зарыто много богатств. Захватив свою добычу в соседних морях, буканьеры возвращались в свое любимое пристанище и там зарывали излишки сокровищ, а затем снова отправлялись в свои опасные и кровопролитные экспедиции, многие из которых неизбежно должны были погибнуть. Никто не знал, где было зарыто сокровище его товарища, следовательно, оно все еще может оставаться спрятанным в своем тайнике, месте, известном только духу усопшего Буканьера.

Тортагос совершенно необитаем и отделен от Хайти только судоходным каналом шириной около лиги, которому он принадлежит. Законы давно запрещают его заселение, но по какой причине, нам не сообщают. Здесь лежали кости бродяг, которые обычно встречались на острове, бок о бок со своим купленным кровью и бесполезным богатством. Публичный поиск спрятанной добычи никогда не проводился, и почему бы нам со временем не поискать какую-нибудь ценную информацию?

Судно, на которое Ловелл и двое его спутников были вынуждены завербоваться, совершало плавание в поисках добычи, с которой они могли бы справиться, с перспективой успеха и добычи, недалеко от острова Куба, в одну прекрасную ясную ночь, когда Ловелл и его друзья решили попытаться спастись бегством на сушу. В среднюю вахту, которая случайно выпала на долю этих троих, которым пиратская команда научилась безоговорочно доверять, полагая, что они довольны своим положением, они развернули судно по ветру и, закрепив руль посередине судна, взяли небольшую лодку, взяв с собой только несколько личных вещей, тихо выбрались из своей плавучей тюрьмы и после многих трудностей высадились в Гаване. Едва эти трое появились здесь, как их по подозрению бросили в тюрьму в ожидании суда за пиратство. Они были незнакомы с языком, на котором говорили на острове, у них не было там друзей, которые могли бы заступиться за них, и действительно, дело выглядело достаточно мрачно; при этом они сами не сильно сомневались в том, что их осудят по выдвинутому против них обвинению. День, в который их заперли в холодных, сырых и унылых камерах тюрьмы, наступил всего через год после того, как они покинули Бостонскую гавань на добром корабле "Ройял Кент". Снова и снова

они сожалели о том, что не упали на палубу собственного корабля, а не были убиты испанцами по обвинению в морском пиратстве.

В этом мучительном напряжении Ловелл вместе с Джеком Гербертом и Генри Бридом, его товарищами по плену, оставались почти шесть месяцев, прежде чем их вызвали на суд, а затем, поскольку против них не появилось достаточных доказательств, они были отправлены в тюрьму. Это было во времена войн и раздоров, и всякого рода опасности подстерегали острова и гавани Вест-Индии, и в толпе других проблем бедные пленники и их дело были полностью забыты. Таким образом, им, вероятно, предстояло оставаться, возможно, в течение многих лет, в заключении, едва ли более желанном, чем сама смерть, за исключением того, что в их груди все еще теплился единственный проблеск надежды на то, что когда-нибудь они смогут освободиться. О, светлая, рожденная небесами Надежда, ты - утешение для многих измученных сердец и опора для многих усталых и почти безутешных душ.

Находясь в заключении в этой живой могиле, мысли юного Ловелла часто возвращались к капитану королевского катера, который, как он знал, был знаком с Фанни и который причинил ему немало огорчений, когда он покинул свой теперь уже далекий дом. "У него будет достаточно времени и возможности вытеснить меня, - сказал себе Ловелл, - потому что Фанни может поверить, что я мертв, и, таким образом, уступить его настойчивости." "Да хранят ее Небеса", — подумал про себя Ловелл. "Боюсь, его мотивы никак не могут быть благородными".

В то время как Ловелл руководствовался своими чувствами в далекой тюрьме, драма все еще продолжалась дома и в семье Кэмпбеллов. Капитан Бернетт теперь чаще навещал деревушку Хай-Рок, и Фанни по-прежнему принимала его в тех же добрых отношениях, что и прежде, и они по-прежнему оставались хорошими друзьями. Если офицер королевской армии иногда пытался заговорить о любви, она заставляла его замолчать укоризненным взглядом или каким-нибудь шутливым ответом, который всегда оказывался успешным, и таким образом держала его, как он выразился одному из своих доверенных товарищей по флоту, в постоянном напряжении.'

"Черт возьми, — сказал он по упомянутому случаю своему товарищу, - я готов на все ради этой девушки, даже отказаться от службы, потому что я верю, что она действительно покорила мое сердце, если оно у меня есть - я никогда не подозревал, что оно у меня есть раньше, это точно".

- Тебе придется стать бунтарем, чтобы заполучить ее, Бернет, - сказал его друг, - если она такая сильная, как ты мне всегда говорил.

"Скажу тебе между нами, - сказал в ответ Бернет, - если бы я думал, что смогу таким образом завоевать сердце девушки, я бы завтра же присоединился к континенталам, и, более того, я должен сказать, что это единственный стимул, который можно было бы предложить мне для этого, хотя я верю, что они более чем наполовину правы".

- Ты серьезно, Бернет?

- Серьезно, клянусь честью.

‘До каких пределов доведет нас маленький бог в своем слепом служении?’ - спросил его друг. ‘Я полностью отказываюсь от тебя, Бернет. Это очевидный случай.’

- В чем я признаю себя виновным.

Внимание капитана Бернета к коттеджу и к Фанни стало настолько заметным, что местные сплетники — класс людей, которые знают все, и особенно больше о делах других людей, чем о своих собственных, — полностью привлекли его к Фанни и заставили ее безоговорочно отказаться от Уильяма Ловелла.

Прошло почти два года с момента первого заключения Ловелла и его товарищей, когда по счастливой случайности Джеку Герберту удалось совершить побег на борту судна, направлявшегося в Бостон, и, наконец, он благополучно добрался до своего дома. Ему было поручено передать послание родителям Ловелла и Фанни, если он когда-нибудь доберется домой, и он воспользовался первой возможностью, чтобы передать его.

Семья и друзья Уильяма Ловелла долго оплакивали его как погибшего, не услышав ни единого слова ни о нем самом, ни о судне, на котором он плыл, с момента его отъезда. Но Фанни не теряла надежды и настаивала, чтобы они наконец получили от него весточку, и теперь, когда они сделали это и знали, что он томится в испанской тюрьме, они все еще были благодарны за то, что ему сохранили жизнь, и у них появилась надежда на его окончательное освобождение и возвращение.

- И как эти испанцы обращаются с ним? - спросила Фанни дрожащим голосом, сверкая глазами, у посыльного Джека Герберта.

- Достаточно грубо, мисс.

- У него достаточно еды?

- Раньше они приносили нам еду раз в день, - последовал ответ.

- Но раз в день?

- Это все, мисс.

- И в чем же оно состояло? - спросила Фанни.

- Самые грубые, можете быть уверены, мисс.

На глаза Фанни навернулись слезы, когда она подумала о страданиях, которые Уильям тогда испытывал в иностранной тюрьме.

- В Гаване, на острове Куба, - задумчиво повторила Фанни. - Не могли бы вы описать порт, мой друг?

‘ Ну, это маленькая солнечная впадина, тоже не такая уж маленькая, и совершенно закрытая от суши, и охраняемая замком и входом в него, хотя, если уж на то пошло, в замке не всегда есть люди - во всяком случае, не в ту ночь, когда мы отправились туда на лодке. Это маленькое местечко, мисс, достаточно большое, чтобы вместить тысячу парусов, и все же не больше одного может работать внутри или снаружи одновременно. Сейчас он в руках испанца, у которого англичане забрали его некоторое время назад, но потом вернули обратно. В целом, это прекрасная гавань, если уж на то пошло, а что, мисс?

- О, мне было любопытно узнать об этом.

‘ Могу вам сказать, мисс, что это нечасто радовало наши глаза. Мы все видели это однажды, когда нас везли в огромной телеге, запряженной ослиами, ко двору генерал-губернатора, старого тирана!" и тут честный Джек Герберт сделал несколько пассов сжатым кулаком в воздухе, как будто он бил того же чиновника, о котором идет речь, прямо по ребрам и глазам.

- Все время в тесном заключении, - задумчиво произнесла Фанни, скорее для себя, чем для своей спутницы, или с целью добиться ответа.

- Достаточно близко, леди, поскольку мы никуда не выходили, экономя время, о котором я только что рассказал вам в команде "осел", - сказал Герберт, запыхавшись от напряжения, вызванного попыткой поколотить генерал-губернатора в воображении.

- Вы ознакомились с окрестностями? - спросила Фанни, все еще пребывая в задумчивости.

- Ну да, мисс, немного, когда я вышел.

— А тюрьма - она хорошо охраняется?

- Только тюремщиком, грубым седым старым испанцем, и тремя или четырьмя солдатами по разным углам стен.

- Послушай, добрый Герберт, не присоединился бы ты к экспедиции по освобождению своих старых товарищей? - оживленно спросила Фанни.

‘ А я бы не стал? возможно, я не страдал вместе с ними и не знаю, что это такое - быть запертым в сырой каменной тюрьме, где еды ровно столько, чтобы поддерживать твою жизнь и заставлять тебя жаждать большего; присоединяйся? да, завтра, мисс.

- Где вы живете в городе?

- Как раз у подножия Коппс-Хилл.

- Вас там можно найти, если понадобится?

"Да, мисс, самое большое в любое время".

‘ Что ж, добрый Герберт, возможно, ты скоро встретишь человека, который примет участие вместе с тобой в предприятии, которое принесет тебе не только имя, но и состояние. Вы будете готовы?"

— Что я получу - целое состояние?

"Да, и слава в придачу"

- Это было бы хорошей новостью.

-Никому об этом не говори.

- О, я мама, мисс, если хотите.

Вечером, следующим за получением новостей, принесенных Джеком Гербертом, Бернет нанес один из своих частых визитов в "гамлет" и услышал от Фанни всю историю поимки и заключения Ловелла. Он делал вид, что смотрит на Ловелла во многом как на брата Фанни. Зная, что она

выросла вместе с ним и что в детстве они играли вместе, он всегда благоразумно избегал каких-либо высказываний против него, о котором на самом деле не мог сказать ничего пренебрежительного, поскольку никогда его не видел и знал только через Фанни, которая часто упоминала о нем в связи со своими воспоминаниями о детстве и прошлой жизни. Капитан Бернет прекрасно понимал, что интерес Фанни к Ловеллу был немалого характера, и соответственно повел себя в этом вопросе. Очевидно, его политика заключалась в том, чтобы завоевать ее расположение постоянным и неослабевающим вниманием, и для достижения этой цели он не оставлял неиспробованными ни одного средства. По отношению к ее родителям он был либеральным и щедрым, но не настолько расточительным, чтобы вызвать неудовольствие, и каждый его поступок был подкреплён хорошим вкусом и осмотрительными суждениями.

Он терпеливо следовал каждому капризу фантазии Фанни и проводил с ней время, занимаясь тем, что, по его мнению, наилучшим образом соответствовало ее вкусу, и, короче говоря, атаковал ее в единственном уязвимом месте, если таковое имелось, которое заключалось в том, чтобы сделать себя приятным и постепенно необходимым для ее удовольствия, развлекая ее на все темы и поучая общим характером своей беседы. Он видел в Фанни любовь к приобретению знаний по любому предмету и особенно поощрял это всеми доступными ему средствами и действительно горячо полюбил ее благодаря этому общению, одна только красота лица которой впервые привлекла его внимание. Так прошло два года, в течение которых Бернет был частым гостем в коттедже, что отнюдь не делало его объектом безразличия Фанни, которая, однако, часто говорила ему, что относится к нему только как к брату. Столь далекий от того, чтобы быть обескураженным этим, Бернет, который любил очень горячо, даже считал это очком в свою пользу и с новой надеждой устремился к своей цели. Он был вынужден признать своему собственному сердцу, что любит ее безвозвратно и что без нее он никогда не сможет быть счастливым.

Он выслушал, как мы уже говорили, рассказ Фанни о заключении Ловелла в тюрьму и вскоре обнаружил, что она была заинтересована в исходе дела больше, чем он мог желать или, возможно, даже ожидать. Она долго и серьезно обсуждала с ним этот вопрос, откровенно прося его совета и помощи в этом деле. Он заявил, что ни в чем не может ей отказать, и между ними состоялся чрезвычайно интересный разговор, смысл которого может быть раскрыт в следующей главе. В тот вечер капитан Бернет покинул маленькую гостиную коттеджа и Фанни гораздо позже своего обычного часа, о чем мистер и миссис Кэмпбелл сообщили друг другу.

Примерно через неделю после только что упомянутого события мужчина, одетый в одежду простого моряка, постучал в дверь дома старой вдовы Герберт, расположенного у подножия Коппс-Хилл, 'Норт-Энд'. Аккуратно одетая женщина лет шестидесяти открыла дверь. Она все еще была здоровой и бодрой, несмотря на то, что над ее головой прошло три десятка лет. Утонченность цивилизации никогда не сказывалась на ее здоровье или крепком телосложении, поскольку она никогда не прибегала к тем средствам сокращения продолжительности жизни, которые практиковались в эти более продвинутые периоды утонченности. Никакие стесняющие и причиняющие боль корсеты никогда не уродовали ее прекрасную естественную форму, и ее ступни даже не втискивали в циркуль, слишком маленький для их размера, чтобы придать им изящные пропорции. Нет, нет, старые добрые обычаи провинции Бэй семьдесят и восемьдесят лет назад приводили к крепкой старости, долгой и полезной жизни со здоровьем, позволяющим наслаждаться жизненными благами.

- Я хотел бы повидать вашего сына, добрая женщина, - сказал незнакомец даме Герберт, когда она появилась в дверях.

"Джек, мальчик мой, - сказала пожилая леди, - вот друг, который хотел бы поговорить с тобой, подойди сюда, я говорю, Джек".

-Да, да, мама.

Сын готовил свой полуденный ужин, но вскоре ответил на звонок и появился в дверях.

‘ Вас зовут Джек Герберт? - вопросительно спросил незнакомец.

‘ Вот именно, ваша честь, ’ сказал Джек, потому что что-то в облике кливера незнакомца говорило ему, что он нечто большее, чем матрос с фок-мачты, возможно, капитан или морской офицер. Никто так не готов проявлять должное почтение к рангу, как Джек-тар, ибо он больше всего создан для того, чтобы чувствовать его силу.

‘ Насколько я понимаю, ’ сказал незнакомец, ’ вы выразили готовность присоединиться к предприятию по освобождению пары ваших старых товарищей по команде из испанской тюрьмы. Так ли это, мой честный друг?

- Да, ваша честь, я действительно говорил то же самое девушке Билла Ловелла там, в рыбацкой деревушке Хай-Рок.

— Что ж, я пришел по ее указанию, а теперь ты все еще придерживаешься своего первого заявления ей?

- Именно так я и делаю, ваша честь.

- Тогда пойдем со мной.

И Джек последовал за незнакомцем на вершину холма, с которого открывался прекрасный вид на гавань, более того, ее основание, окруженное разбросанными многоквартирными домами, заканчивалось в самом заливе.

- Видите вон тот бриг прямо под нами? - спросил незнакомец, указывая на хорошо оснащенное судно с таким же оснащением недалеко от берега.

- Да, да, сэр, он отплывает завтра.

- Если у нее появятся еще две руки.

- Я слышал об этом, сэр.

- Вы отправите корабль?

-В ней?

-Да.

-Не я.

- С хорошим жалованьем и надлежащим обращением? - продолжал незнакомец.

- Видите ли, она направляется в эти адские пиратские широты, - сказал Джек Герберт, - и я не собираюсь отправляться туда снова, разве что с хорошей командой и большим количеством вооружения.

- Значит, вам мешает *страх*, - насмешливо сказал незнакомец.

- Ну, не совсем так, ваша честь, но, видите ли, прыгать прямо в пасть акуле - бессмысленное искушение провидения.

— Послушай, дружище, я собираюсь поступить на это судно вторым помощником. Я направляюсь на Кубу, как и этот бриг. Она занимается своими делами, я - своими, то есть помогаю твоим старым товарищам сбежать из тюрьмы. Пока она идет моим путем, я иду ее, и, между нами говоря, не более того. Теперь, если вы доверитесь мне, я думаю, мы сможем выполнить эту задачу. Как вам нравится мой план?"

‘ Я не возражаю против того, чтобы использовать его для такой цели, ’ сказал Джек Герберт, ‘ только у него такой чертовски плохой капитан. У короля Георга никогда не было более верного представителя его собственного черного характера, чем английский капитан вон того брига. - Я знаю это, - уверенно сказал Джек. - Видишь ли, они все эти десять дней пытались затащить меня на борт.

— Но, мой добрый друг, я буду одним из ваших офицеров и позабочусь о вашем комфорте... Ну же, подумайте об этом получше, вы пойдете на корабль, а?

После некоторого колебания Джек ответил: "В данном случае я должен, будь я проклят, если могу вынести мысль о том, что эти честные ребята терпят там, на Кубе".

‘ Вот моя рука, честный человек, ’ сказал незнакомец. "Я пойду и внесу ваше имя в список пассажиров, а вечером снова встречу с вами, когда у меня будет более обстоятельный разговор с вами и я расскажу вам больше о моем предполагаемом плане поведения в предстоящем путешествии".

Незнакомец, кем бы он ни был, близко к сердцу принимал интересы Фанни и, очевидно, стал хозяином отношений друг к другу, а также всего вопроса о заключении молодого Ловелла в тюрьму.

Вскоре после того, как незнакомец расстался с Джеком Гербертом, направляясь к берегу, он проходил по одному из узких и извилистых переулков Норт-Энда, как тогда называлась эта часть города и как она известна по сей день, когда услышал стоны кого-то в беде. Он отыскал дверь низкого и бедно построенного дома, откуда доносились звуки, и, войдя, обнаружил бедную женщину, страдающую тяжелой болезнью, лежащую на соломенной подстилке. Рядом с ней сидел мужчина лет двадцати пяти, предлагавший ей те небольшие удобства и знаки внимания, которые были в его силах.

Комната была опустошена, и незнакомец мог видеть, что там царили нужда и нищета. Он спросил этого человека, чем он может им помочь и не может ли он раздобыть что-нибудь для страдальца, который стонал самым жалобным образом.

- Арра, теперь она уже в прошлом, - сказал мужчина.

- Пойди позови врача, - сказал джентльмен.

‘ Вызвать врача, что ли? И кто заплатит.

- Я позабочусь об этом, иди быстрее.

- Ты ведь заплатишь, правда?

- Конечно, поторопись, я говорю.

Врач прибыл немедленно, но сообщил им, что женщине осталось жить самое большее несколько часов, и, прописав легкое обезболивающее, удалился.

Незнакомец заплатил Доктору его гонорар, и, дав мужчине немного денег и попросив его купить все необходимое для его матери, он уже собирался покинуть убогую квартиру, когда мужчина сказал:

‘ Я благословляю тебя за то, что ты такой простак, каков ты есть. Где я мог бы быть после того, как нашел бы тебя, когда смог бы вернуть тебе долг, ты знаешь?"

‘ Не обращайтесь на это внимания, мой дорогой друг, это не имеет никакого значения. Я позвоню и увидимся утром.

- Так и поступайте, ваша честь, и долгих лет жизни всем таким, как вы.

Оставив бедного ирландца наедине с его благодарственными речами, незнакомец приблизился к берегу и, подав знак шляпой, отправил с брига шлюпку, чтобы доставить его на борт. Это был благородно выглядящий молодой моряк, и его манеры и осанка свидетельствовали о степени утонченности, не свойственной представителям его класса. Он был обычного роста, хорошо сложен во всех частях тела и выглядел так, словно его опыт моряка, должно быть, был приобретен на флоте, потому что, хотя его лицо имело смуглый оттенок, который всегда придает воздействие непогоды, было очевидно, что он никогда не работал у мачты. Он был молод, определенно немногим старше двадцати лет, но в мягком, но решительном выражении его лица чувствовалась властность, говорившая о более зрелом опыте.

Он был одет в синие матросские штаны и короткую бушлатную куртку, доходившую примерно до половины колена, за подкладкой которой внимательный наблюдатель мог бы разглядеть пару пистолетов и серебряную рукоятку ножа, сделанную таким образом, чтобы резать с обеих сторон, загигаясь наподобие турецкой вешалки. Когда он махал своей брезентовой шляпой, подавая сигнал брига, ночной бриз играл его короткими вьющимися волосами, отбрасывая их изящными завитками на лоб, который, защищенный шляпой, которую моряк постоянно носил, был белым, как алебастр, и составлял странный контраст с загорелыми щеками и открытой шеей.— В совокупности вы бы назвали его переодетым королевским офицером.

Шлюпка приняла его, и вскоре он был на борту брига.

- Ну что, мистер Ченнинг, - сказал капитан судна, встретивший его, как только он поднялся на борт, - наняли ли вы человека, которого обещали найти для меня вчера?

- Да, сэр.

‘ Когда он присоединится к нам? мы отплываем с утренним приливом, ты же знаешь.

- Он будет на борту завтра утром в хорошую погоду, сэр.

‘ Не дайте ему потерпеть неудачу, сэр, потому что это полностью отдаст нас в наши руки, мистер Ченнинг. Действительно, жаль отплывать без полного состава, когда мы так почти его получили.

- Я снова увижу этого человека сегодня вечером, сэр, и удостоверюсь в нем.

- Это будет хорошо, сэр, - ответил капитан.

Этот разговор происходил на шканцах брига "Констанция", который водоизмещением около четырехсот тонн представлял собой самый красивый образец военно-морской архитектуры того времени. Она направлялась якобы в Вест-Индию, но план состоял в том (как мистер Ченнинг сказал Джеку Герберту тем вечером), что после приземления там она должна была отправиться в Англию.

Она была хорошо вооружена, имея "длинный том" в середине борта и полдюжины шестифунтовых пушек, а также команду, когда ее укомплектовали полностью, из двадцати человек перед мачтой. Она была задумана как сильный вооруженный торговец, и, имея каперские удостоверения, должна была захватить любое судно, принадлежащее врагам Англии (под флагом которых она плавала), при условии, что оно было достаточно сильным. Ее командир был тираном по своему нраву и сильно пристрастился к неумеренному употреблению спиртных напитков.

Его первым помощником был слабоумный молодой человек, первоначально принятый владельцами на борт в качестве своего рода суперкарга, поскольку он был сыном основного акционера. Третьим помощником был мистер Ченнинг, которого мы представили читателю, и который оказался единственным человеком на борту, заслуживающим доверия как офицер. Капитан почти полностью доверял своему первому помощнику, который, как мы еще увидим, был склонен возложить всю ответственность на своего заместителя.

На следующее утро мистер Чарминг, как и обещал, навестил бедного ирландца. Он узнал, что бедная женщина, его мать, скончалась ночью, и нашел ее сына с закрытым лицом в руках - само воплощение искреннего горя.

“Я соболезную тебе, мой добрый человек, — сказал Ченнинг, - но ты должен помнить, что твоя мать ушла в лучший мир, где она больше не будет знать нужды, боли и голода - ”где злые перестанут беспокоиться, а усталые обретут покой”.

- Вы в это верите? - спросил Терренс Муни.

"Несомненно, он особенно заботится о смиреннейшем из Божьих созданий, и в свое время он соберет всех своих детей домой", - сказал помощник капитана брига плачущему сыну покойного.

- И никакого чистилища.

- Если и есть какое-нибудь чистилище, мой дорогой, то оно здесь, на этой земле, где так много греха и вытекающих из него страданий.

- Арра, это консулин, чтобы убедиться, что все это правда, но прайст рассказывает об этом месте в могучей долине.

"Если бы он больше проповедовал о любви и доброте нашего небесного отца и меньше рассказывал об этих воображаемых местах, он служил бы делу своего создателя гораздо более верно и привел бы больше грешников к покаянию", - сказал Ченнинг.

- Разве я не был бы счастлив, если бы думал, что старая леди отправилась в Рай жить со святыми? - сказал Терренс.

- Поверь мне, мой добрый друг, она в безопасности в руках мудрости и силы, которые создали ее.

- Конечно, это утешает, но вот я, Терренс Муни, совсем без матери, уверен, что со мной будет?

Ченнинга осенила мысль, что нужен еще один человек для укомплектования гауптвахты.

- Как насчет того, чтобы пойти со мной в море за хорошую зарплату и безбедную жизнь, эй, Терренс? - спросил помощник.

‘ Конечно, меня здесь ничто не задерживает, кроме того, что я хочу увидеть, как старую женщину с почестями похоронят. Когда ваша честь выходит в море, если позволите?

-Сегодня утром.

- Это происходит прямо сейчас?

"С отливом".

"Арра, это достаточно скоро, чтобы быть уверенным, мог бы я попросить своих друзей похоронить ее с почестями прямо сейчас, но у меня нет денег".

"Вот вам несколько долларов, если этого хватит", - сказал Ченнинг, протягивая Терренсу немного денег для этой цели.

‘Сделай это, да? разве они не придут в себя после этого, и я не буду далеко, в то время как они будут заниматься этим".

- Что ж, тебе следует поторопиться, дружище.

‘ Вы все гинеросоты, ваша честь. Я сейчас все исправлю, и тогда я последую за вами на край света.

И Терренс Муни действительно организовал похороны своей матери, и после нескольких горьких выражений при расставании с ее телом он поднялся на борт брига, отправлявшегося в путешествие в Вест-Индию.

Мистер Ченнинг и Джек Герберт были на борту в положенное время, и с утренним приливом бриг поднял якорь и, расправив белые крылья, вышел в море. Яркое солнце великолепно освещало зеленые острова, которые усеивали гавань во всех направлениях, тогда они были намного больше, чем сейчас, и действительно, один или два маленьких полностью исчезли. Семьдесят лет стремительных приливов значительно уменьшили их в размерах, но не в красоте,

поскольку они все еще придают заливу живописную прелесть, которую не смог бы улучшить вкус художника. Флаг Святого Георгия развевался на верхушках дюжины военных кораблей, стоявших на якоре в гавани, и на ряде возвышенностей в городе. Едва эта сцена скрылась от глаз команды, как капитан вызвал их на корму, где обратился к ним со следующей краткой и очень уместной речью, характерной для этого человека.

‘ Мои люди, когда мне повинуются быстро и хорошо, я довольно умный человек, но когда мне мешают, тогда я ... я! так что берегитесь. Я здесь капитан, и мне будут повиноваться в точности. Вы достаточно быстро узнаете меня, если кто-нибудь из вас перейдет мне дорогу.—Ну вот, этого достаточно — теперь идите вперед.

"В нем есть дьявольски мало христианского, - сказал Терренс Муни своим товарищам, - и это то, что мы все сплошь басты?"

Матросы действительно пошли вперед, но они пробормотали между собой, что прекрасно знают, что за человек капитан, порождение самого дьявола, и бедняги смирились с множеством ударов и маленьким даффом. Капитан вскоре исчез внизу, а примерно через час после этого был наполовину пьян и спал.

Первый помощник капитана в течение нескольких дней оперативно выполнял свои обязанности, но вскоре начал ‘отлынивать’, и общее руководство бригам и ходьбой под парусами, как само собой разумеющееся, легло на Ченнинга, следующего по старшинству. Об этом никто не пожалел, потому что, хотя его приказы отдавались быстрым и решительным тоном и требовалось беспрекословное повиновение, все же его голос был музыкальным и добрым, и его приказы были почти предвосхищены оперативностью добровольной команды, которая вскоре полюбила его за великодушное отношение, которое он проявлял к их благу и судну.

В восьми днях пути от порта на борту брига произошел небольшой инцидент, который показал, кто на самом деле командовал экипажем "Констанцы". Капитан проводил большую часть своего времени в каюте, курил, пил и дремал, коротая время, и таким образом лишь рассеянно поглядывал на матросов, несмотря на свое хвастовство с самого начала.— Однажды днем, когда с северо-запада дул довольно сильный бриз, помощник капитана спал в своей каюте, предоставив управление бригам своему помощнику, в то время как капитан был занят почти так же, как обычно. Через некоторое время помощник капитана проснулся и вышел на палубу. Желая загладить свою явную небрежность хотя бы видимостью осторожности, он, поднявшись на палубу, поднял глаза вверх и приказал убрать рифы с фок- и грот-марселей.

Команда в изумлении переглянулась, ибо даже самому бедному матросу на борту было очевидно, что ставить на бриг еще какие-либо паруса было бы отнюдь не пристойно, а разумнее было бы вообще свернуть парусину. Ветер весь день дул свежий, и теперь, когда наступила вторая половина дня, ночной бриз начал добавлять своей силы к ветру, который дул весь день, пока бриг под двумя упомянутыми парусами и теми, что были зарифлены, не запрыгал по волнам со скоростью гонщика. Помощник капитана повторил свой приказ во второй раз, но ответа от команды не последовало, и они с угрюмыми лицами разбрелись в разные стороны.

- Мистер Ченнинг, - сказал помощник, - эти люди взбунтовались, сэр.

- Я вижу это, мистер Баннинг.

- Что же делать, сэр? - спросил я.
- Ты все еще считаешь, что поднимать парус правильно?
- Таков был приказ, сэр.
- Вон там, на носу, - сказал Ченнинг тоном, возможно, на тон ниже, чем был у него обычно, - поднимитесь наверх и уберите рифы с фок- и грот-марселей, веселые ребята, вон там, с усилием воли, я говорю.

Едва приказ слетел с губ второго помощника, как проворные фигуры двух десятков человек легко вскочили на ванты, повинувшись приказу.

- Как это получается, что люди подчиняются вам, а не мне, мистер Ченнинг?

"Мистер бэннинг, как вы, должно быть, видите, дует довольно свежий ветер", - последовал ответ, и, возможно, на бриге сейчас слишком тесно поднимать новый парус, но если вы считаете, что это уместно, люди *должны* это сделать, сэр.

"Что ж, подвергайте ее какому угодно допросу", - сказал помощник капитану Ченнингу, покидая палубу, немало огорченный только что разыгравшейся сценой.

Ченнинг скорее жалел, чем винил своего товарища-офицера, и поэтому был полон решимости во что бы то ни стало выполнить его приказ; кроме того, он был не из тех, кто ослабляет бразды правления дисциплиной, хотя экипаж его очень любил. Он понимал, что неуместно ставить больше парусов как на бриге, так и на команде, но не ему или им судить в таком вопросе, когда на палубе находится старший офицер. Благодаря здравому смыслу Ченнинга ошибка вскоре была исправлена, и прекрасное судно, бороздящее волны, по-прежнему шло своим курсом в безопасности, под присмотром более могущественной силы, чем кто-либо другой на борту, грациозно наклоняясь под воздействием освежающего бриза.

ГЛАВА III.

УЛОВКА КАПИТАНА, МЯТЕЖ! НОВЫЙ КОМАНДИР. ПОПЫТКА ПОКУШЕНИЯ. РОКОВАЯ И КРОВАВАЯ СЦЕНА. ПАРУС, ХО! ВРАГ. ФЛАГ СОСНОВОГО ДЕРЕВА. МОРСКОЙ БОЙ И ПОБЕДА.

Весь экипаж брига "Констанция", за исключением капитана, первого помощника и повара, были американцами, если не считать Терренса Муни, который был таковым в душе, и капитану удалось добиться этого, чтобы он мог отвезти их домой в Англию и получить денежное вознаграждение за каждого, кто будет немедленно принят на службу в британский военно-морской флот. Он прибыл в Бостон всего за несколько недель до своего отплытия в нынешнее плавание с командой своих соотечественников, с которыми он также сыграл ту же шутку, доставив их на королевский корабль, стоявший в Бостонской гавани. Это была тяжелая участь для большинства из них, которые с такой же охотой были бы замурованы в стенах тюрьмы. В качестве утешения они сказали, что им придется служить всего около трех лет! И это мужчинам, которые оставили семьи дома, к которым они рассчитывали вернуться через несколько недель. Принуждать человека к каким-либо обязанностям - подлый поступок, и подлой должна быть служба, требующая совершения таких поступков.

Капитану "Констанс" удалось нанять достаточное количество американцев для работы на его корабле, предложив очень высокое жалованье и под предлогом совершения рейса только в Вест-Индию и обратно, поскольку они не знали о его предательстве по отношению к бывшей команде. План капитана в данном случае состоял в том, чтобы, достигнув своего порта в этих широтах, притвориться, что он выяснил то, что делало для него абсолютно необходимым немедленное отправление в Англию, намереваясь успокоить команду обещанием немедленного возвращения и увеличения жалованья. Капитан думал, что об этом предательстве известно только ему и его первому помощнику, но он ошибся, поскольку Ченнинг объявил Джеку Герберту, как читатель, вероятно, помнит, пункт назначения брига вечером накануне их отплытия из Бостона. Таким образом, было очевидно, что Ченнинг полностью понимал предлагаемое предательство и что он намеревался обратить его в свою пользу, иначе он не поднялся бы на борт, зная то, что он сделал.

Североамериканские колонии тогда находились в состоянии войны с метрополией, бриг был британским бригом, а Ченнинг - американцем. Его сердце горячо забило за дело своей страны, он огляделся вокруг: там было двадцать человек, все, кроме одного, его соотечественники, которых вот-вот предадут в руки их врагов. Его разум был полон решимости, и он сказал себе, что этого не будет! К счастью, он подслушал, как капитан и первый помощник поздравляли себя с тем, что за день до зачисления Герберта в армию они почти получили полный комплект людей, и таким образом он стал хозяином их тайной цели предательства.

Бриг уже сменил холодные северные ветры на солнечные бризы Юга и находился, по подсчетам Ченнинга, примерно в дне плавания от Кубы, когда он решил, что хороший бриг "Констанция" должен перейти из рук в руки и из британского стать американским судном. Это было смелое предприятие; два величайших греха, которых моряка учат бояться, - мятеж и пиратство - смотрели ему прямо в лицо. Он не намеревался вовлекать в сделку ни одного члена экипажа, но решил предпринять попытку завладеть судном в одиночку и без посторонней помощи. У него были две причины для этого: во-первых, он был слишком хорошим сторонником дисциплины, чтобы вмешиваться в дела тех, кто был ниже его, и он предвидел, что если он однажды познакомится с ними в деле о заговоре, то больше не сможет пользоваться их уважением. С другой стороны, он чувствовал, что не имеет права вовлекать их в навлекаемую опасность и что с его стороны было бы гораздо благороднее совершить то, что должно было быть сделано его собственными руками — после этого, если он добьется успеха, к нему смогут присоединиться

те, кто почувствует к этому расположение. Однажды рано утром Ченнинг спустился в каюту капитана, которого он застал только что вставшим с постели. Подойдя к столу, он завладел парой пистолетов, лежавших на нем, а также кортиком, висевшим на стене; затем, повернувшись к капитану, который еще не совсем проснулся, он сказал: "Капитан Браунлесс, вы мой пленник!"

‘ Сэр? ’ переспросил изумленный командир. ‘ Вы мой пленник! ’ повторил Ченнинг. ‘ Мятаж? ’ вопросительно переспросил капитан, и мрачная хмурость, подобно туче, сгустилась над его раздутым вакханальным лицом. - Да, поднимите мятеж, если вам угодно.

"Клянусь Небом, но мы будем сражаться за это", — сказал капитан Браунлесс, который был человеком не без храбрости - храбрым, как животное или дикий зверь храбр, защищая своих, но не благородно.

‘ Оставайтесь, сэр, ’ сказал Ченнинг, хладнокровно взводя курок пистолета и приставляя его к груди капитана. "Если ты попытаешься покинуть эту каюту, ты покойник!"

Капитан в отчаянии опустил на стул. "Будьте миролюбивы, сэр, - сказал Ченнинг, - и я поклянусь, что лично вам не причинят вреда; но попробуйте хотя бы издать звук или оказать сопротивление, и вы будете отправлены в вечность со всеми вашими грехами на вашей голове".

Затем Ченнинг направился в каюту второго помощника, но только после того, как надежно запер капитана в его собственных апартаментах.

- Бэннинг, с сожалением вынужден сообщить, что ты мой пленник, - сказал Ченнинг помощнику, связав ему руки так же, как капитану.

‘ Эй? что, мятеж? воскликнул перепуганный мужчина. - Да, запрет и пиратство, если хотите.

‘ О! пощадите мою жизнь, - взмолился дрожащий трус. - Никакой опасности, сэр, если вы будете вести себя тихо.

‘ О, я ничего не буду делать, ’ продолжал помощник. - Покажи свое послушание, помолчи сейчас.

Затем Ченнинг запер Бэннинга в его каюте и поднялся на палубу. Он оставил Джека Герберта у руля и отвечать за корабль; теперь он послал его вперед, чтобы приказать команде пройти на корму, туда, где он стоял, поскольку хотел поговорить с ними.

- Ну что, ребята, - начал Ченнинг, обращаясь к команде,

‘ У меня есть для вас кое-какие новости. Капитан обезоружен и заперт в своей каюте в качестве моего пленника; как и мистер Бэннинг, помощник капитана.

Я сделал это, потому что твердо решил сам завладеть этим бригом. Это британский бриг, вы все, или почти все, американцы; я тоже американец, и этот бриг должен принадлежать американцам. Я один несу ответственность за то, что было сделано. Теперь у вас нет капитана. Сколько из вас будут плавать под моим началом?"

"Все—все", - последовал ответ со всех сторон.

‘ Спасибо вам, мои люди. Я предоставляю мистеру Герберту — заметьте, в будущем это будет мистер Герберт, — рассказать вам о предательстве, которое было предложено свалить на вас. Он также будет моим заместителем, и ты будешь повиноваться ему так же, как ты когда-либо повиновался мне. Я изменю курс брига и направлюсь к Сан-Доминго, где высажу капитана, помощника капитана и тех из вас, кто не желает присоединиться ко мне. Затем я отправляюсь в экспедицию по освобождению пары американцев из испанской тюрьмы. После этого, что ж, посмотрим, что будет дальше — возможно, несколько призов или что-то в этом роде.

Джек Герберт уже рассказал своим людям о своем заключении и побеге из тюрьмы в Гаване, а также о том, что Ловелл и его товарищ в настоящее время находятся там под стражей, и когда они услышали, что их новый капитан выразил решимость освободить их, если это будет возможно, они единодушно и сердечно присоединились к этому предприятию.

- Ура, ура! - воскликнули они хором, это был единственный способ выразить свое удовлетворение.

‘ А теперь запомните меня, ребята, ’ сказал Ченнинг, ‘ я думаю, вы все знаете меня и без того, чтобы я произнес вам такую речь, какая была у нас при выходе из Бостонской гавани. Я *am* капитан, что вы все признаете, и то, что я тот, кому *будут* повиноваться, я полагаю, вы все знаете, а также то, что в глубине души я забочусь о комфорте и благе каждого из вас. Я буду рассматривать их, пока мы плывем вместе, и, я думаю, вас это устраивает...

- Троекратное ура капитану Ченнингу! - прервала команду команда, и бриг задрожал от эха сердечных голосов этих старых морских волков, у которых теперь был на уме командир.

- Хватит, - сказал Ченнинг, поднимая руку, призывая к тишине. - Теперь приступайте к своим обязанностям, и позвольте мне видеть вас такими же ревностными в их исполнении, как и прежде.

- Есть капитан, с которым можно жить и умереть, - сказал Терренс Лунатик.

Бриг продолжал следовать своим курсом и теперь находился как раз поравнявшись с роковым рифом из скал, известным как ‘Серебряные ключи’. Их опасная близость мало встревожила находившихся на борту “Констанс”, поскольку они ничего не знали об их характере и, по счастливой случайности, благополучно миновали их. Этот хорошо известный риф сейчас нанесен на каждую карту, но с тех пор он стал местом захоронения многих доблестных кораблей и благородной команды.

Ченнинг выбрал своих офицеров из команды, сделав Джека Герберта своим первым помощником, как мы уже видели; ему повезло, что на борту были хорошие практичные моряки, которым ему не нужно было бояться доверять. Наступила ночь, и Ченнинг, оставив палубу на попечение Герберта, отправился в каюту, чтобы поспать несколько часов. Он был очень утомлен, даже почти вымотан, потому что почти не позволял себе отдыхать, почти постоянно находясь на палубе весь день и большую часть ночи.

Кок, как мы уже упоминали ранее, был единственным из команды, кроме Терренса Муни, помощника капитана, кто не был американцем по происхождению, и поскольку он, по-видимому, вместе с остальными приветствовал нового капитана с демонстрацией радости, ему было разрешено остаться на своем прежнем месте и на свободе. Теперь, хотя бывший

помощник Бэннинга сам был трусом, все же он мог интриговать и составлять планы, которые другие могли исполнить; и, получив свободу от Ченнинга, который считал его слабым, безобидным человеком, он взялся за работу, чтобы свергнуть его, если это возможно. Поэтому он сговорился с поваром, которого знал как безрассудного, кровожадного человека, убить Ченнинга при первой же благоприятной возможности. Этого человека почти не нужно было уговаривать, и, получив обещание солидной награды и повышения в должности в случае успеха, он взялся совершить это грязное дело.

Капитану Браунлессу также была предоставлена свобода на судне с определенными ограничениями по причине единодушного отношения экипажа к нему за его прежнее обращение с ними. Хотя Бэннинг, возможно, нашел в покойном капитане готовое оружие, к тому же храброе, все же в глубине души он так сильно недолюбливал его, что не стал бы вступать с ним в сговор даже в такой крайней ситуации. По этой причине о предполагаемом нападении на Ченнинга в ночь, когда мы только что говорили о том, что он вернулся в каюту спать, было известно только Бэннингу и коку.

Примерно в середине ночной вахты кок покинул свой гамак и тихо прокрался к капитанской каюте. В руке он держал длинный, острый нож, приготовленный специально для этого случая, которым он намеревался лишить жизни Ченнинга. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, он благополучно добрался до двери каюты, хотя и был несколько удивлен, обнаружив, что она приоткрыта и свет погашен. Кругом было темно, как сама ночь, но повар доверился своему знанию обстановки и молча пошел ощупью дальше, как вдруг почувствовал, что его рука коснулась теплого мужского лица, и в следующее мгновение эти двое сцепились смертельной схваткой, каждый с ужасающей точностью наносил удары ножом в темноте!—Шум, вызванный таким образом в кают-компании, сбил часть вахты с палубы с корабельными фонарями, когда их глазам предстало ужасное зрелище!

На полу каюты, залитые кровью, лежали кок и капитан Браунлесс. Оба искали место для одного и того же предмета, намереваясь лишить жизни Ченнинга, и каждый думал, что его враг в руках, пока не принесли свет и не открыли им их положение; Ченнинг стоял со взведенным курком в каждой руке, готовый защищаться в случае необходимости, но теперь, увидев истинное положение дел, он хладнокровно вспомнил, что их стало на двоих меньше, и приказал убрать тела.

‘ Черт возьми, и спасение капитану, - сказал Терренс Лунатик. ‘ Разве он не под святым покровительством? и какой смысл пытаться убить человека, на стороне которого святые? Арра, прости, какая ты тяжелая, - сказал он, помогая выносить тела.

Покойные капитан "Констанцы" и кок прожили всего несколько часов после описанного нами отчаянного конфликта, и вскоре их тела были преданы пучине. Подозрение сразу же было предъявлено Бэннингу как подстрекателю повара, и потребовался суровый авторитет Ченнинга, чтобы удержать команду от нападения на него и прямого убийства. Через несколько последующих дней со своим имуществом он был высажен на острове Сан-Доминго; таким образом, экипаж брига и офицерский состав полностью состояли из американцев, и теперь на нем не было ни малейшего противника, с которым можно было бы справиться врагу. Ченнинг почувствовал себя хозяином положения, когда огляделся вокруг и не увидел никого, кроме своих соотечественников, с которыми у него были общие интересы. Он не собирался подвергать себя какому-либо ненужному риску, такому как попытка завладеть призом или иным

способом, до своей попытки освободить заключенных в Гаване. Но когда бриг быстро несся курсом к только что названному испанскому порту, голос вахтенного наверху прозвучал в ликующем крике:

- Эй, паруса!

- Куда подальше? - спросил капитан.

- Прямо по курсу, сэр.

- И что же ты из этого заключаешь?

- Я вижу только ее верхние паруса, сэр, она возвышается, как большой корабль.

Курс брига был изменен на один или два румба южнее, и вскоре странный парус, дюйм за дюймом приближавшийся к горизонту, стал отчетливо виден с палубы. Очевидно, это была барка водоизмещением около пятисот тонн, имевшая вид английского торгового судна.

- Мистер Герберт, - сказал капитан, - что вы видите вон там, на парусе?

- Британский барк, сэр, - сказал

- Без сомнения, но вы думаете, она вооружена?

"Она ниже по пояс, чем мы, сэр, и все же я не могу точно разглядеть палубу, сэр", - был ответ второго помощника.

- Бегите на передние кроны деревьев, сэр, и возьмите с собой этот бинокль.

- Есть, сэр, - сказал Герберт, вскакивая на снасти, чтобы получше разглядеть незнакомца, который теперь быстро приближался к ним.

- Вон там, за деревьями, - окликнул Ченнинг, дав Герберту время хорошенько рассмотреть незнакомца.

‘Ау, ау, sir.’

- Ты можешь разглядеть ее вооружение?

- На палубе у него пять или шесть каронад, сэр, но я не могу разглядеть ничего крупнокалиберного.

- Этого будет достаточно, сэр.

Это было равносильно тому, чтобы сказать: "Вы можете спускаться, мистер Герберт", - и Джек спустился на шканцы.

‘Мистер Герберт, на грот-мачте вон того баркаса развевается флаг Святого Георгия. Не показать ли нам им флаг колоний? Как ты думаешь, стали бы они на это пялиться?’

‘Не сомневаюсь, сэр, он никогда не был в этих широтах, но где его достать, сэр?’

- Я позаботился об этом.

Сказав это, Ченнинг удалился в каюту, но вскоре вернулся на палубу с флагом, на котором была изображена сосна.

- Поднимите это наверх и стреляйте из пистолета, сэр.

- Есть, есть, сэр, - и вверх взвился скромный флаг североамериканских колоний.

Едва это было сделано, как барк с вызовом выстрелил в сторону брига. "Констанция" не производила впечатления вооруженного судна, если смотреть на нее издалека, и ее порты были закрыты, и действительно, она казалась намного ниже своих истинных размеров из-за того, что низко сидела в воде, а высота ее пояса скрывала вооружение. Даже "длинный том" в середине корабля был так увешан канатами и другим корабельным снаряжением, что, если бы не внимательный наблюдатель, никто бы его не обнаружил. Капитан английского барка, очевидно, рассчитывал сделать его легкой добычей и поэтому начал стрелять из бравады задолго до того, как оказался на расстоянии ружейного выстрела из своего собственного легкого металла.

- Уберите "длинного тома", - сказал Ченнинг.

Снасти были сняты с креплений, а палуба вокруг них очищена от куч мусора и всех окружающих препятствий.

- Мы сыграем с ним в длинные шары, мистер Герберт, - сказал капитан брига, - и это мы можем сделать с полной безопасностью, если ваши предположения относительно его вооружения верны.

"Я еще больше убежден в этом, сэр, из-за того факта, что он бросил в нас эти маленькие пули с того расстояния, которое у него есть", - сказал Герберт.

- Именно так, без сомнения, выйди вон туда и присмотри за ружьем, не пропусти ни одного выстрела, они нам понадобятся все.

- Да, да, сэр, - ответил расторопный и послушный Герберт.

Герберт наводил ружье, и хотя он был отличным моряком, но в артиллерийском деле у него было очень мало опыта, если вообще был. Таким образом, его первый выстрел пришелся в воду где-то на полпути между двумя судами. Следующий разорвал воду примерно в четверти мили впереди барка, а следующий - в половине расстояния за кормой. Когда он заряжал в четвертый раз, Ченнинг весело окликнул его, сказав: "Ты засек угол возвышения, Герберт, теперь стреляй прямо между этими двумя последними, и у тебя будет цель".

- Есть, есть, сэр, - сказал оскорбленный помощник капитана, который не мог не быть немного огорчен своим невезением, хотя это было для него в новинку.

Бах! снова раздался выстрел "длинного тома", и Герберт, вскочив на лафет пушки, приподнялся над поясом "Констанции", чтобы посмотреть на эффект выстрела. Едва тяжелый грохот орудия затих с подветренной стороны, как стало видно, что с палубы барки в великом изобилии полетели щепки.

"Отличная работа, мистер Герберт, - сказал капитан. - Теперь вы взяли курс, не дайте пистолету остыть, сэр".

Затем длинный том завел беседу самого убедительного характера с командой барка, которая была вынуждена получать выстрел за выстрелом с брига, не имея возможности ответить на комплимент, поскольку "Констанция" находилась в стороне от попадания мелкой дроби. На бригае был флюгер, а она была лучшим моряком, поэтому сама выбрала себе позицию. Это была игра, которая не могла длиться долго, и в конце концов барка, получив серьезные повреждения в такелаже и потеряв нескольких человек из команды, была абсолютно вынуждена спустить свой флаг или быть потопленной там, где она лежала. Несколько выстрелов с "Констанцы" попали в нее около ватерлинии, и она также так сильно пострадала в своем такелаже, что попытка к бегству оказалась безуспешной. Капитану баркаса было нелегко сменить английский флаг на тот, которого он не знал и о котором никогда раньше не слышал, но суровая необходимость была непреложной, и гордый флаг Святого Георгия был приспущен на сосне американских колоний.

Это был один из первых случаев, если не самый первый захват в открытом море так далеко от нашей собственной страны скромного, но победоносного флага колоний. Тогда это было дитя, а теперь оно выросло до полного роста мужчины и гордо плавает в любом море, неустрашимое бок о бок с равной честью и равным уважением со стороны метрополии. Кто мог предсказать его будущую славу и могущество? Те, кто сражался под этим флагом, мало мечтали об этом, но Небеса были на стороне правых, и они одержали победу. Гордость метрополии должна была подвергнуться падению, ее высокомерие должно было получить явное порицание, и это должны были сделать зависимые от нее колонии в Северной Америке.

Это было сделано!

Барком был "Джордж из Бристоля", и, если бы мы сочли это важным для нашего рассказа, мы могли бы легко доказать читателю подлинность этой помолвки между бригам "Констанция", попавшим в руки американцев, и барком "Джордж", торговым судном из Бристоля, Англия. Флаг из соснового дерева никогда прежде не развевался в морях Вест-Индии, и рука капитана Ченнинга была первой, кто подставил его ветру и развевался под его складками в этих морях вечного лета.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИЗА, ОЧЕРЕДНОЙ МЯТЕЖ. СУДЬБА ЛИДЕРА. ПЛАН ОСВОБОЖДЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ. ЭКСПЕДИЦИЯ. ГАВАНА. РЕЗУЛЬТАТ. ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ. НОВЫЙ ОФИЦЕР.

В то время, когда "Констанция" покинула бостонский порт, военные действия уже были результатом притеснения британским парламентом американских колоний; действительно, город уже был осажден континентальной армией под командованием генерала Вашингтона. Сражения при Лексингтоне, Конкорде и Банкер-Хилле привели к всеобщему обращению к оружию со стороны каждого искреннего сына свободы. Хотя главнокомандующий генерал Хоу (ген. Гейдж был заменен) не признавал, что он был *осажден*, но говорил о своем положении и положении армии как о расположении только на зимних квартирах, хотя он прекрасно знал, что все сообщения со страной были полностью отрезаны, и что даже по воде он не мог рассчитывать на безопасное прибытие провизии, если только под сильным конвоем. В то же время на его собственном столе ощущалась нехватка свежей провизии, в то время как солдаты страдали как от этого, так и от нехватки топлива, которого было так мало, что они были вынуждены разрушать небольшие деревянные жилища и превращать их в дрова для костра. На самом деле британский гарнизон испытывал все неудобства осажденного города. Американцы уже снарядили несколько каперов, конечно, плохо вооруженных, но они были укомплектованы молодыми и неукротимыми людьми, чья решимость и сознание справедливости своего дела делали их почти неуязвимыми, и они действительно казались всегда победителями. Захваченные ими провизия и боеприпасы часто оказывали материальную помощь Вашингтону и армии, собравшейся на окраинах города. Они были лишь неэффективно снабжены продовольствием и одеждой, а что касается боеприпасов и военного инвентаря; каждый захваченный таким образом предмет был совершенной находкой для их ограниченного запаса, в то время как в военном снаряжении их врагам нечего было желать, их запасы были в изобилии.

Мы не обязаны полагаться исключительно на исторические книги и старые заплесневелые записи в поисках информации, относящейся к этой важной эпохе в нашей национальной истории, нет. Среди нас есть седовласые старики, чьи глаза еще не затуманились, а дух по-прежнему горит ярко; люди, которые рано получили воспитание у основания свободы и которые пролили свою кровь за дело своей страны. Они расскажут вам об этих событиях, которые происходили в их дни и в их поколении и в которых они сыграли свою роль. Они расскажут вам о трудностях и превратностях судьбы народа, борющегося за свободу, и о почти невероятных страданиях, которые с радостью переносили все во имя великого и святого дела, за которое они взялись.

Когда мы осознаем положение дел в то время, когда бриг покидал Бостон, мы увидим, что Ченнинг был полностью оправдан в захвате судна, с которым он таким образом столкнулся. Капитан барка был не готов к встрече с таким врагом и принял бриг за одного из бродячих пиратов того времени, которые в то время бороздили тропические моря, но когда он обнаружил, что он сбросил свой флаг с капера американских колоний, как ему сообщили, его ярости не было предела; он был вне себя от страсти.

- Я бы предпочел утонуть там, где лежал, или быть схваченным самым свирепым пиратом на океане, чем вручить флаг Святого Георгия мятежнику, - сказал он.

"Ситуация находилась вне вашего контроля, - ответил капитан Ченнинг, - и вы, конечно, виноваты в этом не больше, чем были бы, если бы подняли свой флаг перед пиратом, как вы предполагали".

- Слабое утешение, - презрительно сказал разъяренный англичанин.

- Тем не менее, это лучшее, что я могу предложить, - последовал ответ.

‘ И что вы собираетесь делать с нами теперь, когда завладели ими? - спросил капитан барка. ‘ Повесьте нас всех на рее? а?"

- С вами будут обращаться как с военнопленными, сэр, - последовал мягкий ответ.

Пленников закрепляли и продолжали спускать вниз, когда Терренс Муни поднялся на шканцы, где стоял, сняв шляпу, вертя ее в руках, пытаясь привлечь внимание своего командира, который, наконец, заметив его, спросил:

- Ну, Терренс, теперь все ясно.

- Прошу вашей чести, у меня здесь с вашего разрешения человек, который хочет покинуть бриг, сэр, - ответил ирландец.

- Новобранец? - спросил Ченнинг. - и из числа заключенных; нет, Терренс, нам нужны только наши соотечественники, если, конечно, это не один из ваших, которые, по крайней мере, сердцем с нами.

- В том-то и дело, ваша честь, что он ирландец до мозга костей.

- Если это так, Терренс, и ты будешь отвечать за его хорошее поведение, мы регистрируем его имя, и ему заплатят вместе с остальным.

- О, долгих лет жизни вам и всей сечи, - сказал Терренс.

Честный хибернианец буквально танцевал от восторга. По одному из тех странных капризов судьбы, которые иногда случаются, он встретил среди заключенных старого школьного товарища или, скорее, горожанина, поскольку Терренсу никогда не нравилось учиться в школе. Этот человек был очень рад присоединиться к своему товарищу и служить на гауптвахте в интересах колонистов.

Экипаж приза состоял из четырнадцати матросов и трех офицеров. Один из последних был убит на месте во время боя, а трое из первых. Капитан Ченнинг извлек урок из своего предыдущего плавания, который он не скоро забудет. Теперь он разделил команду своего приза, поместив половину экипажа на каждое судно в строгих условиях. Среди них были двое, представившиеся американцами и охотно принявшие предложение присоединиться к команде брига. Ченнинг с трудом мог позволить себе обойтись без своего первого помощника Джека Герберта, но он решил назначить его командиром баркаса с шестью членами экипажа брига для работы на нем, которым помогали двое американцев, только что названных как присоединившихся к

"победителям". После этого Герберту было приказано держаться как можно ближе к гауптвахте, чтобы они могли действовать сообща, когда это будет сочтено необходимым.

‘Джордж бристольский’ оказался богатым призом. У нее был большой запас стрелкового оружия и боеприпасов, помимо значительной суммы денег в звонкой монете, а также небольшой груз фруктов, и она направлялась в порт Бостона, только что приняв свой груз.

Теперь оба судна обозначали остров Куба. Ченнингу, который не был знаком с этими морями, посчастливилось найти среди своей команды пару надежных людей, которые в течение нескольких лет занимались торговлей в Вест-Индии в качестве моряков. Эти люди оказали ему большую услугу в этом случае в качестве пилотов.

На следующий день после захвата барка Ченнинг стоял у поручней "Констанс", глядя в сторону барка, который следовал за ним в кильватере, как вдруг он заметил суматоху на палубе, и, взяв свой бокал, он легко разглядел, что там была драка или, по крайней мере, какое-то необычное волнение. Верхние паруса брига были спущены, судно легло в дрейф, и, сев в лодку, Ченнинг направился к барку, который сейчас подходил к тому месту, где стояла "Констанция". Подойдя к борту, он услышал громкие голоса спорящей команды и крики о помощи или пощаде, раздававшиеся кое-кто на палубе. Команда, очевидно, была так увлечена, что не заметила приближения Ченнинга, который действительно поднялся на борт приза до того, как его заметили. Каково же было его удивление, когда он обнаружил Джека Герберта, своего первого помощника, которого он только что назначил командиром баркаса, связанным и истекающим кровью на палубе, в то время как двое людей, которых он выделил из своей собственной команды, стояли над ним, защищая его от дальнейшего насилия со стороны остальной команды! Он прыгнул на палубу между двумя партиями с пистолетами в обеих руках и лицом, на котором решимость сияла, как звезда.

- Мятеж? - спросил он полувопросительно.

— Видите ли, ваша честь... - осмелился вмешаться один из мужчин.

- Тогда мир, - сказал Ченнинг. - кто назначил вас представителем этого корабля?

- Мы подумали, ваша честь, - начал другой.

‘Останься, парень, никаких оправданий, их нет. Развяжите этого человека, - сказал он таким низким и музыкальным голосом, что можно было подумать, что это репетируется фарс, а не кровавая сцена. Но окружающие видели по голубым глазам, которые следили за каждым их движением, что они *должны* повиноваться. Помощника быстро отвязали, и матросы отпрянули подальше от этого места, сбившись в кучку и громко ворча. Внезапно один из этих последних, словно решив устроить какую-то пакость, прыгнул к канату румпеля и, достав из кармана нож, собирался перерезать его, когда Ченнинг, чей быстрый глаз следил за ним, сказал: "Стой здесь, что бы ты сделал?"

- По моим подсчетам, сэр, вы недостаточно стары, - дерзко заявил мужчина, - чтобы командовать двумя кораблями одновременно.

‘Держись здесь, я говорю, - продолжал Ченнинг. - Перережь эту веревку, и ты оборвешь свое собственное существование. А теперь режь, если хочешь, - сказал он, направляя пистолет на мужчину.

Этот человек был одним из экипажа, получившего приз, и ложно выдал себя за американца. Теперь он остановился на мгновение, словно в нерешительности, а затем перерезал канат, отчего корабль сразу же развернулся, но это был смертельный сигнал мятежника. Ченнинг, сделав шаг или два к нему, послал мяч прямо ему в сердце, мужчина издал ужасающий крик агонии и боли и прыгнул в море трупом.

‘ Кто здесь есть, кто желает разделить судьбу этого человека? Кто станет примером для остальных?’ - спросил Ченнинг все тем же низким музыкальным тоном, в то время как его глаза сияли живым огнем, а палец лежал на спусковом крючке другого пистолета. Двое или трое мужчин упали на колени и молили о прощении.

- Ты вполне заслуживаешь звания помощника капитана ярда, - сказал он.

"Пощадите нас!" - кричали они; один или двое, мельком увидев своего покойного товарища, который все еще плавал рядом, дрожали от страха.

- Это будет зависеть от вашего дальнейшего поведения, - последовал ответ.

Вскоре Ченнинг узнал, что англичанин, которого он только что застрелил, был причиной всех неприятностей и что он своим маслянистым языком отвлек остальных от их обязанностей. Они набросились на Герберта, когда он потерял бдительность, и связали его. В момент прибытия Ченнинга на борт они обсуждали уместность лишения жизни помощника капитана и собирались освободить пленников, находившихся внизу. Двое, стоявшие над помощником капитана, не участвовали в заговоре и были полны решимости защищать его, насколько это было в их силах. Мятежники были доставлены на борт "Констанс" и обменены на такое же количество членов ее команды, после чего Ченнинг немедленно освободил их, сказав при этом, что если они хотят попробовать себя в какой-либо подобной игре под его присмотром, они вольны начать, как только примут решение, их постигнет та же участь, что и их покойного товарища. Но они понимали, с кем имеют дело, и стремились своим готовым подчинением любому приказу и рвением выполнять свой долг показать, что они действительно сожалеют о своем недавнем поведении.

Можно было не опасаться нового прорыва; мятежники были подавлены как делом, так и духом. Никто не мог винить капитана тайпа за его поведение, и никто из его команды в глубине души не делал этого. Это был критический момент, один неверный шаг привел бы к потере всего и, возможно, стал бы сигналом к его собственной смерти. Было время не для буйства, а для хладнокровных и решительных действий, которые восстановили его авторитет и показали людям, что с ним шутки плохи. Страсти не проявлялось. Ченнинг ни на мгновение не терял самообладания. Нет, он говорил, возможно, на тон ниже, чем обычно, но в его словах, обращенных к этим людям, была пугающая отчетливость, в которой нельзя было ошибиться.

Капитан Ченнинг не намеревался входить в Гаванскую гавань со своими судами, но предложил поискать тихую якорную стоянку снаружи, затем войти в гавань ночью с командой выбранной лодки и попытаться освободить Ловелла и его товарища по несчастью. Поэтому суда были доставлены на якорную стоянку за пределами гавани и скрыты от наблюдения подъемом на дружественный холм. Затем Ченнинг послал за своим первым помощником Джеком Гербертом, и было решено предпринять попытку освободить заключенного той же ночью.

- Ты уверен, что помнишь местность? - спросил Ченнинг Герберта.

- Каждый дюйм, - сказал Герберт.

- А палата тюремщика?

- Это у входа по левому борту.

- Ты думаешь, что сможешь безопасно управлять самолетом?

- Да, сэр, насчет того, чтобы знать дорогу.

‘ Это все. Я знаю твое мужество, Герберт.

- Спасибо, сэр, - сказал Джек.

‘ Что ж, тогда я сяду в лодку сегодня вечером, в десять часов, и войду в гавань с вашими шестью хорошо вооруженными людьми. Сначала мы разделимся здесь, после приземления, — сказал Ченнинг, доставая из кармана небольшую схему, на которой была изображена тюрьма и прилегающая территория, нарисованная по памяти Гербертом, и указывая на заднюю часть тюрьмы. ‘ Мы должны разделиться здесь и, обходя каждую группу с разных сторон, заставить замолчать часовых, охраняющих разные углы. Это должно быть сделано как можно тише, без шума, вы понимаете, который уничтожил бы все”.

- Да, сэр, и обрушьте на нас всю казарму.

Как только часовые замолчат и войдут в палату тюремщика, я думаю, больше проблем не будет. Вы считаете мой план хорошим и практичным, мистер Герберт?

- Как раз то, что нужно, сэр.

- Многое будет зависеть от нашей осмотрительности.

- Все, сэр.

- Это должно быть внушено мужчинам.

‘ Я их хорошенько разучу, сэр, прежде чем мы начнем, ’ сказал Герберт. - У нас будет одно большое преимущество: эти проклятые испанские часовые половину времени спят на своих постах, и если мы прибудем вовремя, то сможем застать их врасплох, и это будет половина выигранного сражения, сэр.

‘ Вы помните, в котором часу меняется охрана? - спросил Ченнинг.

- Дайте подумать; по-моему, в восемь, двенадцать и четыре.

- Мы должны успеть прибыть примерно к часу ночи, к тому времени полуночная стража будет удобно устроена для дежурства, - сказал Ченнинг.

- Именно так, сэр, этот парень будет храпеть к тому времени, когда я буду связан.

- Я отберу людей с брига, мистер Герберт, и вы сможете подняться на борт, сэр, примерно в половине десятого, хорошо вооруженные.

- Одной лодки будет достаточно, сэр?

- Во всех случаях лучше, чем вдвоем, и мы должны оставить приличный отряд на попечение заключенных, за которыми нужно присматривать.

- Совершенно верно, сэр, - ответил Герберт.

"Я предпочел бы иметь шестерых избранных людей, и притом хороших, чем втрое большее число, чтобы предпринять подобное предприятие", - сказал Ченнинг.

Таким образом, капитан и его помощник расстались, чтобы снова встретиться в назначенный час для рискованного предприятия.

Мягкий и прекрасный климат Кубы больше похож на Елисейские поля поэтического рождения, чем на воздух, образующий острова океана. Поистине прекрасно благотворное влияние мягкого зефира, которым дышат эти тихие моря. Когда вечер опустился на колени и накинул свой широкий плащ на сушу и море, два корабля стояли бок о бок, с подветренной стороны острова, в то время как молодой командир с явным нетерпением ожидал наступления часа начала предполагаемого предприятия. Наконец, в назначенный час на борт баркаса прибыл Герберт, и люди, отправленные на службу, были снабжены оружием, а шлюпка с Гербертом у руля теперь стояла у борта брига, ожидая появления Ченнинга.

Вскоре он появился из каюты, одетый в белые брюки и подходящий к случаю сюртук. Вокруг талии у него был перевязан тяжелый шелковый пояс, за который была заткнута пара абордажных пистолетов, а на боку висела легкая, но надежная абордажная сабля. На голове у него была изящная бархатная шапочка, и он выглядел честным мужественным моряком, каким и был. Он быстро спустился в лодку и, заняв свое место на корме, спросил мистера Герберта:

- Весла заглушены, сэр?

- Есть, есть, сэр!

-И все по порядку?

- Все, сэр, согласно приказу.

- Оставайтесь, - сказал Ченнинг, - стюард, подайте мне пару пистолетов и сабель на столе в каюте; этим пленникам может понадобится оружие, если мы их освободим.

- Все готовы, сэр? - спросил Герберт капитана.

-Слушаюсь, сэр.

- Отчаливаем! - скомандовал Герберт.

- Все чисто, сэр.

- Уступите дорогу, мужчины, держитесь крепче, все вместе.

Эти приказы были отданы в быстрой последовательности и незамедлительно выполнены; и лодка со скоростью стрелы устремила к месту своего назначения.

Путь от якорной стоянки двух судов до входа в Гаванскую гавань был долгим, но время было хорошо рассчитано, и устье реки было достигнуто в желаемый момент. Лодка сразу же

заскользила из открытого моря в тихую, не имеющую выхода к морю гавань, никому не мешая. Они держались ближе к берегу и вскоре достигли места, выбранного для высадки.

Здесь мы не можем не сделать паузу, чтобы сказать несколько слов о широкой и всегда красивой бухте, где флотилия судов может спокойно стоять на якоре и вход в которую одновременно может пропустить только одно судно. Кто не слышал о знаменитом замке Моро, который по сей день охраняет вход в Гаванскую гавань? Кто когда-нибудь сможет забыть грубый хриплый оклик "Моро", который перешел в сказочную котловину за ее пределами? Берега, хотя и не особенно крутые, все же очень красивы. Высокие величественные пальмы и другие тропические деревья, нежная мягкость и красота листвы и зелени, яркое сияющее небо и палящее солнце - все это напоминает вам о том, что вы находитесь в стране вечного лета. Вы переноситесь в своем воображении в то время, когда уставший от наблюдения барк Колумба впервые был встречен волнующим душу криком: "Эй, земля!"

И когда же доблестный авантюрист и первооткрыватель покоился с миром на солнечном острове Куба!

Оставив только одного члена команды присматривать за лодкой, Ченнинг и его второй помощник тихо и никем не замеченные подкрались к тюрьме, в которой содержались Ловелл и его товарищ; но когда они приблизились к ее хмурым стенам, послышался тихий оклик сонного часового на восточном углу: "Кто там?"

На этот призыв никто не ответил, и Герберт шепотом приказал мужчинам держаться поближе.

- Я заставлю этого парня замолчать, - сказал он Ченнингу.

Вскоре Герберт оказался совсем рядом с ним, ползая на руках и ногах, и едва прозвучал второй вызов, как он прыгнул на солдата сзади и, уперев колено ему в середину спины, мгновенно пригнул его к земле. В следующее мгновение шейный платок часового был прижат к его горлу, чтобы он не поднял тревогу, и по заранее подготовленному сигналу Герберта команда прибыла на место и связала его. Остальных троих солдат застали спящими, как и было предсказано, и каждому бесшумно заткнули рот кляпом. Их взяли связанными по рукам и ногам и поместили в маленькое помещение охраны перед тюрьмой под присмотром одного из матросов. Остальная часть группы, возглавляемая Гербертом в качестве гида и Ченнингом, их командиром, отправилась на поиски квартиры старого тюремщика, которого вскоре заставили отдать ключи, и как только камера, в которой предположительно содержались двое молодых американцев, была отперта, появились двое мужчин с заросшими волосами лицами. Оба сразу узнали Герберта, но он с трудом мог поверить, что два несчастных существа перед ним были его покойными товарищами, но вскоре понял, что ошибки быть не могло, по крайней мере, в голове, и вскоре оказался в их теплых объятиях.

- Итак, вы наконец пришли, - сказал Ловелл, оправившись от избытка чувств.

- Я боялся, что, оказавшись дома, среди тех радостей и удобств, которые тебя окружают, ты вряд ли вспомнишь нас.

- Тебе следовало бы знать лучше, Билл, - сказал Герберт, вытирая глаза.

- Верно, я был к вам несправедлив, простите меня.

И они снова сердечно пожали друг другу руки, вытирая при этом слезы.

"Пойдем, мы теряем время", - сказал Ченнинг, пытаясь подавить свои эмоции от очевидных страданий, проявленных перед ним.

- Кто у нас здесь? - спросил Ловелл, указывая на Ченнинга.

‘ О! это капитан, которому ты всем обязан, потому что один я бы ничего не смог сделать. Будь я проклят, если я не забыл о хороших манерах, — сказал честный Джек Герберт, - позвольте мне представить вас - капитан Ченнинг, это мистер Ловелл, сэр, а это его товарищ, ради освобождения которого вы проделали такой долгий путь.

-Ваш покорный слуга, джентльмены, - сказал Ченнинг.

-Что могло вызвать такую щедрость? - спросил Ловелл.

- Нет, джентльмены, - сказал Ченнинг, - вы должны приберечь свою благодарность для человека, который послал меня, и помнить, что я всего лишь агент.

‘ Тогда вы самый преданный человек, - сказал Ловелл, тепло пожимая руку капитана, которая дрожала в его пожати. - Вам не холодно в тюремной сырости, сэр? - спросил Ловелл. - Мы к этому уже привыкли.

- Ну же, ну же, - сказал Ченнинг, - мы теряем время, да еще в этом месте, откуда так хочется сбежать.

Отряд поспешил из тюрьмы, лодка была быстро захвачена без каких-либо посягательств, и, благополучно погрузившись, они быстро вышли из гавани, направляясь к месту стоянки судов. Но едва лодка вышла из тихой гавани, как по грохоту барабана и звукам суматохи они поняли, что поднята тревога. Но теперь они были в безопасности и смеялись над шумом замешательства, который доносился до их машин над спокойной гладью моря.

Благополучно добравшись до брига, они вскоре погрузились на борт и, подняв якоря, сразу вышли в море. Первым действием капитана Ченнинга после прибытия на борт "Констанс" и после нескольких необходимых разъяснений относительно некоторых вопросов, касающихся брига, было назначение Уильяма Ловелла своим первым помощником и провозглашение его таковым перед своей командой.

ГЛАВА V.

ВЕРНЫЙ СТРАЖ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ. УЛОВКА. РАЗВЯЗКА. ПАРУСА! ДЛИННЫЙ ТОМ ВЕДЕТ ДРУГОЙ РАЗГОВОР. ЦЕННЫЙ ПРИЗ. ПЛЕННЫХ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ. ОГОРЧЕНИЕ ВРАГА.

Ченнинг обеспечил все удобства, которые бриг мог предоставить двум освобожденным американцам, проявив доброе и дружеское отношение к ним и сказав, что близко к сердцу принимает их интересы. День прошел в обычной рутине судна, пока оно держало свой северный курс. Молодой Ловелл и его товарищ по заключению, побрившись, переодевшись в удобную одежду и насладившись несколькими днями изобилия и сравнительного отдыха, выглядели как разные существа. Капитан Ченнинг, узнав о военном мастерстве и опыте Ловелла, как мы видели, назначил его своим заместителем сразу после прибытия на борт "Констанс"; с тех пор он почти полностью доверил ему управление кораблем и плавание под парусами, в то время как сам большую часть времени проводил в своей каюте внизу, очевидно, за изучением, чтением и т. Д.; появляясь на палубе, но редко и то лишь на короткий промежуток времени.

На четвертый день отплытия из Гаваны капитан Ченнинг сообщил из каюты, что желает видеть мистера Ловелла. Помощник капитана вышел немедленно, отдав честь молодому командиру с должным уважением, поскольку Ченнинг был строг в соблюдении всех правил поведения на борту корабля. Ловелл узнал о благородном поведении капитана во время плавания, о подавлении мятежа и о различных других вещах, которые побудили его искренне желать возможности выразить свое восхищение и уважение.

Но с момента своего прибытия на борт капитан, как уже было сказано выше, почти полностью оставался внизу, предоставив ведение дел своему первому помощнику, которому он, по-видимому, полностью доверял. Он редко появлялся на палубе, а если и появлялся, то в такой манере, что даже на мгновение пресекал все попытки завязать с ним разговор.

‘Капитан очень красив, вы не находите?’ - сказал Герберт однажды Ловеллу, когда во время ясного штиля тот покинул барку и поднялся на борт брига. ‘Очевидно, он заказан вашей девушкой там, в Линне, в деревушке Хай-Рок. Мне бы не хотелось иметь соперником такого юного героя, Ловелл, вот и все! - игриво сказал Герберт.

- Я пытался привлечь его внимание в течение нескольких минут с тех пор, как мы отплыли с Кубы, - сказал Ловелл, - но он так уютно устроился внизу, что его почти не видно, хотя для меня это комплимент, Герберт, ты так не думаешь?

- Конечно, сэр, потому что он вам достаточно доверяет.

‘Вот как я на это смотрю, Герберт. Но, по—моему, он суровый и кислый человек, и, должно быть, ему пришлось на что-то сердиться - он никогда не смеется.

‘Тем не менее, он джентльмен до мозга костей, - тепло сказал Джек Герберт, - соперник или не соперник, и у него крепкая выдержка, когда он на ногах. Да благословит тебя господь, Билл

Ловелл, он отправил этого мятежного англичанина в вечность ничуть не больше, чем я отправил бы собаку.

‘ Во всяком случае, я его должник, ’ задумчиво произнес Ловелл. ‘ Чтобы убедиться, что это так, ты можешь поблагодарить его за то, что в этот самый час не гниешь в этой проклятой тюрьме в Гаване. Что бы я мог сделать один? Совсем ничего; ему потребовалось составить план, и, если уж на то пошло, чтобы довести дело до конца.

- Как странно, что этот ирландец настаивает на том, чтобы спать у двери своей каюты *каждую* ночь после вахты; вы можете объяснить это?

‘ Видите ли, Терренс любит капитана за то, что тот был добр к его бедной старой матери, когда она была при смерти; что ж, видите ли, эти ирландцы помнят доброту не хуже лучших из нас. С тех пор как капитан Браунлесс и английский повар покушались на жизнь Ченнинга, этот человек, Терренс, не покидает места, где, по его мнению, спит капитан. Он говорит, что должен принять участие в следующем бою, и поэтому охраняет дверь.

- Верный парень, - сказал Ловелл.

На следующий день после этого разговора Ловелла, как мы уже говорили, вызвали в капитанскую каюту. - Мистер Ловелл, - сказал капитан, - присаживайтесь, сэр.

-Благодарю вас, сэр.

- Вы знаете, кто поручил мне оказать вам услугу, которую я оказал, освободив вас и товарища из тюрьмы? - спросил капитан.

‘ Мистер Герберт сказал мне, сэр, что именно она мне дороже всего на свете. Я уже несколько раз хотел, сэр, поговорить с вами на эту тему, но мне показалось, что я обнаружил нежелание поддерживать разговор с вашей стороны, сэр, и поэтому я удовлетворился тем, что смог узнать от мистера Герберта.

- Она хорошая девушка, сэр, и я вам отчасти завидую, - сказал капитан.

- Благодарю вас, сэр, я весь день с величайшим терпением выслушиваю ее комплименты.

‘ Боже мой, мистер Ловелл, неужели я не могу сам что-нибудь предпринять в этой области? Что вы думаете? - Сэр?

‘ Вам не кажется, что я мог бы добиться успеха с этой леди? Ловелл постоял в раздумье мгновение, а затем сказал с некоторым сомнением:

- Прошу прощения, сэр.

- За что вы просите прощения, мистер Ловелл? - спросил капитан.

- Я не совсем понимаю вас, сэр.

- Ты очень скучный.

- Боюсь, что да, сэр.

‘ Ну, скажем, например, если я подарю вам этот бриг со всем его оборудованием и вооружением, не согласитесь ли вы отказаться от "леди" и стать капитаном и владельцем самого быстроходного и лучшего каперского судна, которое выходит из колоний? Что скажете, мистер Ловелл?

Ловелл на мгновение задумался, не собираясь обдумывать сделанное ему предложение, но тут его осенила мысль, что человек перед ним был *покойным капитаном королевского катера Бернетом*, которого он никогда не видел и знал только по описанию. Что могло побудить его взяться за свое освобождение из тюрьмы?

"Я все понимаю, - сказал себе Ловелл. - Фанни заплатила за эту услугу ценой своей руки, и награда, которую он получит, станет смертельным ударом по моему счастью".

Лоувелл в волнении встал и торопливо зашагал по каюте; наконец, повернувшись к капитану, он сказал:

‘ Капитан Ченнинг, или как там вас зовут, прошу прощения, сэр, я не хотел проявить к вам неуважения, отнюдь, я уже глубоко ваш должник; но если бы любой другой человек сделал мне такое предложение, я бы боролся с ним до последнего вздоха. - Смерть, сэр, - сказал Ловелл, согреваясь от этой мысли, - разве из девушки сердца можно сделать товарный знак?

‘ Извините меня, мистер Ловелл, - сказал капитан, пытаясь подавить некоторые очевидные чувства по этому поводу, - но я хотел посмотреть, достойны ли вы такой хорошей девушки. Ибо позвольте мне сказать вам, сэр, что я здесь исключительно по ее просьбе.

- Я рад, сэр, такому объяснению, - с благодарностью сказал Ловелл, - но, боюсь, я никогда не смогу вернуть вам долг.

‘ Чем меньше говорить по этому поводу, тем лучше, мистер Ловелл. Мне платят из источника, с которым вы будете ознакомлены.

- Тем не менее я вам очень признателен, сэр, - сказал Ловелл, слегка дрожа от важности последних слов капитана.

- Полагаю, вы слышали о положении дел в Бостоне, мистер Ловелл, - спросил капитан, явно желая сменить тему разговора.

- Мне сказали, город осажден выходцами с Континента.

- Да, и в смертельно голодном состоянии.

"Мне не терпится принять участие в этой драме", - сказал Ловелл.

‘ Герберт, несомненно, рассказал вам о делах "Лексингтон Конкорд энд Брид". Американцы, по крайней мере, научили королевские войска тому, что у них нет подлого врага в лице колонистов и что хваленое приданое королевской армии не является непобедимым. Мы оставили континентальную армию, растянувшуюся от Роксбери до Кембриджа на двенадцать миль, под командованием Вашингтона, которого поддерживали Патнэм, Ли и другие наиболее способные люди провинции, собравшиеся вместе. Скоро там начнется напряженная работа, если она уже не началась, ’ сказал капитан.

‘И все это время я бездельничал в испанской тюрьме’, - сказал Ловелл. - Мне не терпится, сэр, присоединиться к славному служению свободе.

- Я тут подумал, - продолжал Ченнинг, - что вон та барка станет неплохим приобретением для сил колонистов, и к тому же у нас на борту довольно много пороха и стрелкового оружия, в которых так нуждается осаждающая армия.

‘Совершенно верно, сэр, без сомнения’, - сказал в ответ Ловелл. - По моим расчетам, мы будем у побережья через несколько дней и, возможно, надеемся наткнуться на какое-нибудь английское судно, за которое сможем получить приз.

- В первую очередь мы должны остерегаться самих себя, мистер Ловелл, - сказал капитан, - потому что бостонская гавань буквально кишит военными людьми.

— Прошу прощения, сэр, но...

- Что "но", мистер Ловелл?

- Я как раз собирался спросить вас, сэр, встречались ли мы когда-нибудь раньше.

‘Я полагаю, вы видели меня каждый день, мистер Ловелл, с тех пор, как прибыли на борт "Констанс". Я, конечно, видел вас.

- Я имею в виду, сэр, некоторое время назад.

- Возможно, мы встречались в Бостоне.

"Возможно, это и так", - сказал Ловелл, но, честно говоря, я никогда не знал, чтобы лицо производило на меня такое впечатление".

- Надеюсь, вы довольны своим капитаном, сэр.

‘Конечно, капитан ... Извините меня... или, скорее, мою кажущуюся дерзость, но на самом деле я был немного погружен в свои мысли. Да благословят меня Небеса, сэр, вы достаточно похожи на семью Кэмпбелл в Линне, чтобы быть ее членом.

‘Мне сказали, что я довольно смуглый для американца. Семья, о которой вы говорите, необычна в этом отношении?

- Вовсе нет, сэр.

- Тогда в чем же сходство?

— Это тот самый вопрос, который так озадачивал меня последние пять минут, сэр, потому что если бы у вас был более светлый цвет лица...

- Итак, сэр?

— Я... я... Боже Небесный, — сказал Ловелл, - как это похоже на нее?

- Что еще вас озадачивает, мистер Ловелл?

- Я думал о доме, сэр, - задумчиво произнес Ловелл.

- Надеюсь, приятные мысли.

- О да, - рассеянно ответил Ловелл.

- Вы, кажется, чему-то удивлены, мистер Ловелл,

— Да, сэр, это... - сказал Ловелл, уставившись на капитана с широко открытым от удивления ртом.

- Уильям! - позвала.

- Фанни! - позвал я.

Они тут же заключили друг друга в объятия.

- Моя собственная Задница, - сказал Ловелл.

"Всегда принадлежу тебе", - последовал ответ.

- Храбрая девочка, это почти чудо!"

- Без благословения Небес все это провалилось бы, Уильям; тогда возблагодарим Небеса за счастливый исход.

‘ Но я не могу поверить, что женщина, всего лишь двадцатилетняя девушка, могла совершить то, что сделала ты, Фанни; как это возможно? Ты совершила то, что сделало бы честь морскому капитану, - и он снова прижал ее к своей груди. "И я был здесь, на этом гауптвахте, с тобой все эти четыре дня, и мое сердце не говорило мне, что я рядом с тобой; как это может быть правдой?"

- Неудивительно, что ты считал меня смуглым, как негр.

- Я ни разу не подозревал, что ты цветной.

- Это пятно нанесено для более совершенной маскировки.

"Сделано превосходно".

- Так оно и оказалось, раз уж оно обмануло тебя, - сказала Фанни, смеясь сквозь слезы радости.

— Это было хорошо задумано, моя благородная девочка, - сказал Ловелл, - и эта одежда тоже - я никогда не видел тебя более интересной.

Фанни умудрилась покраснеть даже сквозь густой оттенок коричневого, оттенявший бронзу ее красивых щек. А когда женщина выглядит интереснее, чем когда предают скромный цвет добродетели. Это радуга, идущая от сердца, показывающая, что оно не подвержено злу и горечи мира.

- Мне надеть это до конца путешествия? - спросила Фанни.

"Не просите у меня привилегий, - сказал Ловелл, - вы по-прежнему здесь хозяин и командир и, я надеюсь, останетесь таковым".

— Я тоже подумал, что будет лучше, даже абсолютно необходимо, если я продолжу маскироваться до нашего прибытия в порт.

‘ Это, конечно, так, ’ сказал Ловелл. ‘ Но скажи мне, Фанни, как ты могла получить знания, которые продемонстрировала в этой чрезвычайной ситуации? ибо я волен признаться, что вы также плавали на этом бриге и командовали этими буйными ребятами, как мог бы это сделать я с многолетним опытом.

‘ Я скажу тебе, Уильям. Вскоре после твоего отъезда из дома, мое сердце принадлежало морю, и я совершал почти все поездки с отцом в течение всего сезона, пока полностью не освоился с управлением шхуной, которая, как ты помнишь, представляла собой половину брига по оснастке. Я также прочел все морские труды, какие только смог раздобыть, "Из любви к морю", где, как я знал, ты был, но никогда, даже в самые романтические моменты моей жизни, я не предполагал, что эти знания окажут мне ту услугу, которую они оказали. У нашего доброго друга преподобного мистера Ливингстона из Бостона я научился навигации, причем практически, потому что, как вы знаете, он много лет был моряком. С тех пор опыт и удача довершили остальное.

- Ты был самым способным ученым.

- Скажи, что скорее охотно, Уильям.

- Я могу сказать и то, и другое, и говорю искренне.

- Упрямая, как всегда, - игриво сказала Фанни.

- Но почему ты скрывался от меня все эти четыре дня?

‘ Я так много времени проводил внизу, чтобы дать вам возможность почувствовать себя совершенно свободным, прежде чем вы поймете, что это ваша Задница освободила вас при поддержке щедрой и активной команды. Я полагал, что так будет лучше по многим причинам, и думал, что буду счастлив поступить именно так. Сейчас я, как и прежде, появлюсь на палубе, и вы увидите, насколько усердны и умелы эти ребята. Ты бы поверил в это, Уильям? я действительно верю, что они любят меня, хотя временами я напускаю на себя суровость, - и тут Фанни нахмурилась так свирепо, как только могла, в качестве объяснения.

‘ Как они могли не любить тебя, Фанни? - Как они могли не любить тебя? - спросил Ловелл, нежно обнимая ее и запечатлевая поцелуй на ее губах.

- Ну, хватит, - сказала она, мягко разжимая его объятия. - *Ты* не должен ни на йоту снижать свое уважение или дистанцию, Уильям, находясь на палубе и перед людьми, иначе у нас может возникнуть еще один мятеж; будь осторожен, называя меня капитаном Ченнингом, не забывайся.

- Я запомню, поверь мне.

Затем они вдвоем проследовали на шканцы, причем Ловелл проявил обычное уважение к своему командиру.

- Парус поднят! - крикнул впередсмотрящий протяжным голосом, характерным для приветствия.

- Куда подальше? - быстро спросил капитан,

Уильям Ловелл не мог скрыть своей нервозности, опасаясь, что Фанни выдаст себя; теперь, когда он знал секрет другой маскировки, он опасался, что она может быть раскрыта в любой момент. Но недостатка не было ни в чем; она была совершенна даже во всех мелочах морского языка.

- Два румба по правому борту, - ответил впередсмотрящий.

Фанни взяла бокал и несколько минут холодно разглядывала незнакомца.

- По-моему, англичанин, - обратилась она к Ловеллу, имея в виду незнакомца.

- Я представляю ее такой, - последовал ответ.

"Еще неизвестно, бежать нам или сражаться", - сказал капитан Ченнинг (ибо так мы по-прежнему будем называть Фанни, которая оставалась прежней для команды). - "Это должно быть быстроходное судно, на которое "Констанция" не сможет выделить марсель".

Два судна быстро приближались друг к другу, и вскоре стало ясно, что незнакомец был английским судном водоизмещением около пятисот тонн и, следовательно, намного крупнее "Констанс", а то, что оно к тому же было вооруженным судном, вскоре стало совершенно очевидно, потому что внезапно из его носа вырвалось облако дыма, и вскоре по воде до брига донесся глухой тяжелый пушечный выстрел.

- Покажите им эту сосну, мистер Ловелл, это то, чего они хотят.

- Есть, есть, сэр, - сказал помощник, немедленно выполняя приказ.

Но не успел флаг колониального конгресса подняться в воздух и развеяться на ветру, как с "незнакомца" над морем прогремел еще один выстрел, и на этот раз тоже выстрел; но пуля пролетела далеко от брига и его спутника, подняв струю брызг, когда она ударилась о море и погрузилась в его глубины.

Капитан и первый помощник несколько мгновений о чем-то серьезно беседовали, после чего капитан, повернувшись к команде с сияющим духом лицом, сказал: "Уберите "длинный том" и приготовьтесь к бою".

Дюжина охотных матросов быстро выполнила приказ, и вскоре помощник капитана занял свой пост у орудия, чтобы руководить им, но только после того, как он шепотом убедил Фанни покинуть палубу и укрыться внизу.

‘ Что? прятаться внизу? - спросила Фанни. - Нет, нет, я уже видела эту игру раньше.

‘ Вот и весь разговор, ’ сказал Терренс Муни, когда был отдан приказ убрать оружие. ‘ Просто дайте мне этот переkreщенный флаг Англии, чтобы я мог посмотреть на врага, и я буду сражаться весь день, включая время на еду и все такое. - Да, болваны, - сказал он, раздеваясь до рубашки и мастерков, чтобы поработать с пистолетом. Терренс любил англичан примерно так же, как его сатанинское величество любит святую воду, и не больше, поверьте нам.

- Тише там, на носу, - сказал Ловелл, услышав громкую речь Терренса, который довольно шумно обращался к команде на баке.

- Да, да, ваша честь, - покорно ответил Терренс.

- Лунатик, иди сюда, - позвал Ловелл, отчасти рассерженный шумом.

- Да, да, сэр, - продолжал усердный ирландец, быстро и почтительно повинуюсь зову.

- О чем это ты там ворчишь, форвард, а?

‘ Всего лишь молюсь, ваша честь, перед тем, как отправиться в бой. Это Священное Писание, я полагаю, сэр, не так ли, мистер Ловелл?’

- Ты боишься, Терренс?

- Боишься, ты сказал, что я боюсь?

"Это то, о чем я спросил"

"Ваша честь шутит"

- Нет, сэр, вы сказали, что были на молитве, следовательно, я подумал, что вы, возможно, страдаете от страха, Терренс; безусловно, разумный вывод.

‘ Ах, ни дьявол, ни святой не могут напугать Терренса Муни, ваша честь; просто дайте мне лучшее место у ружья, и вы увидите, как я боюсь. Ох, боишься, что ли?’

- Я вижу, с тобой все в порядке, Терренс, в глубине души ты храбрец.

- Не могли бы вы попросить капитана Ченнинга спуститься сюда, на шкафут, ваша честь? - спросил Терренс, ободренный тем, что любезная манера, в которой Ловелл разговаривал с ним, была немного более фамильярной, чем обычно.

‘ И зачем, пожалуйста? зачем ему покидать шканцы?

‘ Видите ли, ваша честь, он ведет себя так, что людям захотелось бы услышать музыку его голоса здесь, внизу. Что ж, если не считать присутствия вашей чести, будь я проклят, если я когда-нибудь слышал такой сиплый голос. Как вы думаете, мистер Ловелл, святые на Небесах будут говорить добрее или приятнее, чем он? - серьезно спросил Терренс.

- Я не знаю, - сказал Ловелл, невольно заинтересовавшись. - Ты задаешь странные вопросы, Терренс. - И он занялся пистолетом, как будто не обращал внимания на слова ирландца, хотя на самом деле каждое из них было факелом, затронувшим струны его сердца.

- Видите ли, ваша честь, - почтительно продолжал Терренс, - если бы он только спустился сюда, то, видите ли, был бы защищен по пояс, вместо того чтобы стоять наверху, ожидая, когда в него будут стрелять эти негодяи.

Ловелл оценил добрый вдумчивый настрой, вызвавший это предложение, и сам начал чувствовать себя весьма неловко из-за незащищенного положения Ченнинга.

- Вон там, на носу, - сказал в этот момент капитан, - у вас там все готово с ружьем?

- Да, да, - сказал Ловелл.

— Спокойно, огонь!

Бриг задрожал до самого киля от отдачи орудия. Ловелл был менее неопытен в вопросах артиллерии, чем Герберт, и его первый выстрел, в отличие от выстрела честного Джека, попал в палубу "Незнакомца", наполнив воздух вокруг осколками, а экипаж - ранениями.

‘ Ура! - ликующе воскликнул Терренс Муни, отрываясь от чистки пистолета, чтобы посмотреть, как действует "Железный вестник". "Возможно, вы захотите принять еще несколько таких таблеток; в любом случае для приема требуется небольшое количество".

‘ Держите ее подальше, ’ сказал Ченнинг рулевому брига. "Отличная работа, мистер Ловелл, этот выстрел был сделан как нельзя лучше, и еще один точно в то же место — это жизненно важное место.

‘ Держите ее подальше, я говорю, - продолжал Ченнинг, обращаясь к человеку у руля. "Вот именно — держите ее так", - его целью по-прежнему было пройти на таком расстоянии от противника, чтобы помешать ему направить свои маленькие пушки на бриг; с самого начала было очевидно, что у него нет орудий, равных тем, что находятся в средней части брига.

Джек Герберт находился на барке с подветренной стороны "Константина", на расстоянии легкой досягаемости. Вскоре его голос был услышан на борту брига.

"Бриг-а-хой!"

"Да, да, чего тебе не хватает", - спросил Ченнинг в свою трубу.

‘ Может, мне прицелиться и сделать несколько выстрелов в незнакомца, сэр, из моих коротких ружей? Оружие взорвется само по себе, если мы не воспользуемся им в ближайшее время!"

— Нет-нет, мистер Герберт, держитесь подальше от вашего нынешнего курса, у нас нет людей, которых мы могли бы потерять в ближнем бою.

Если бы у нас был хороший экипаж, мы могли бы позволить себе спуститься туда и устроить галантное шоу, шагая рука об руку.

- Да, да, - сказал разочарованный Герберт, удаляясь.

Длинный том, который "Констанция" несла в середине корабля, оказался теперь, как и в прежних случаях, ее спасением; ибо, хотя противник был хорошо оснащен оружием, амуницией и также хорошо укомплектован персоналом, все же у него не было металла достаточного веса, чтобы справиться с бригам на расстоянии, с которого начался бой.

Эту дистанцию Констанция благодаря хорошему управлению сохраняла на протяжении всего контракта. Выстрелы с брига творили ужасные вещи на борту "Незнакомца"; почти при каждом выстреле "длинного тома" из корпуса вылетали щепки, в то время как ее собственный безрезультатный выстрел не достигал намеченной цели. Неравный бой продолжался, таким образом, но вскоре корабль, который серьезно пострадал как в корпусе, так и в оснастке, а также в результате гибели четырех человек из его команды и ранения других, подобно барку, захваченному "Констанцией" в Вест-Индии, счел абсолютно необходимым спустить свои знамена в знак покорности.

Затем бриг повернул на расстояние оклика от приза и приказал прислать шлюпку с капитаном на борту. Этот приказ был незамедлительно выполнен, и Ловелл с полудюжиной вооруженных

до зубов людей был отправлен на борт, чтобы официально вступить во владение кораблем. Ловелл, выполняя этот приказ, обнаружил на борту "приза" одного человека, заполучить которого ему стоило большого труда, и который слегка ранил двоих из команды "Констанс", прежде чем был усмирен. Этот человек оказался помощником капитана призового судна, и он сказал Ловеллу, что, хотя капитан нанес удар, он этого не делал, и что они должны были потопить корабль раньше, чем он это сделал бы. Но вскоре моряки надежно связали этого человека и поместили в безопасное место.

Приз оказался ценным и направлялся из Ливерпуля в Бостон с припасами и боеприпасами для королевской армии. Правительство метрополии еще не было проинформировано о том, что колонисты снарядили каперов и что они должны были так скоро обзавестись ими, чтобы сражаться с ними как на море, так и на суше; поэтому они доверили транспортировку соответствующих припасов торговому судну большого класса, защищенному только вооружением судов ее тоннажа и торговли. Они обязательно имели при себе несколько пушек, чтобы защититься от дерзких пиратов, которых призы соблазняли бродить по океану и которые постоянно подстерегали суда такого класса.

Хотя команда "приза" состояла из пятнадцати человек, не считая офицеров, все же мы видели, что это количество ничем не могло им помочь против врага, который мог сражаться с ними "вне досягаемости опасности", и, таким образом, корабль попал в руки Ченнинга, превратив его командование в довольно маленький флот.

Из-за небольшого числа рабочих и большого количества заключенных он ожидал каких-то неприятностей и поэтому предпринял все меры предосторожности, чтобы предотвратить их. Для достижения этой цели заключенные были закованы в цепи, что во многом противоречило чувствам Ченнинга, но он чувствовал себя обязанным уступить обстоятельствам дела. Вскоре вся команда была занята ремонтом нового приза, чтобы иметь возможность привести его в порт. Когда это было сделано за несколько часов, Ловелл принял командование кораблем, только что добавленным к маленькой флотилии. Ему крайне не хотелось оставлять Ченнинга одного на гауптвахте, но был отдан приказ, чтобы каждый из призов находился как можно ближе к "Констанце" на расстоянии оклика, и поскольку, к счастью, погода была умеренной, хотя и несколько холодной, это было легко выполнено.

Бывшая команда "Констанцы" теперь была разделена так, что на каждом судне было всего по восемь человек, в то время как заключенные фактически удвоили это число! Здесь действительно не хватало рабочих рук, даже больше, особенно если учесть своеобразную оснастку и способ управления судном в те дни. В наши более современные времена многочисленные удобства, которые изобретательский гений применил при постройке и нахождении кораблей, сделали управление ими сравнительно легкой задачей и для гораздо меньшего количества рук, чем считалось необходимым семьдесят лет назад. Какие замечательные перемены произошли даже за полвека в искусстве мореплавания. Плавучие замки каждой нации уже бросают вызов как ветру, так и приливу, и суда, для управления которыми раньше требовалось двадцать пять человек, теперь хорошо обслуживаются четырнадцатью или пятнадцатью.

Капитан и команда "нового приза" были огорчены не меньше тех, кто находился на барке, когда обнаружили, насколько малочисленными они были окружены. Их ярость была безграничной и открыто выражалась, и хотя они были тесно связаны, все же Ченнинг был постоянно готов и

начеку, чтобы они не попытались восстать и захватить гауптвахту. Несомненно, именно его постоянная бдительность спасла его от этой катастрофы, поскольку было очевидно, что заключенные постоянно ждали благоприятной возможности. Английский капитан "последнего приза" ни в малейшей степени не мог примириться со своим положением, думать, что он должен, выражаясь его собственными словами:

"Сдались чертову мальчишке—мятежнику".

Но весь его гнев был напрасен, ибо бдительная охрана, охранявшая его и заключенных, хотя и в небольшом количестве, в связи с тем, что они были надежно заключены, делала бесполезными любые попытки сопротивления или освобождения самих себя. Они натирались и пускали пену, но это было все, что они могли сделать, потому что были похожи на разъяренных зверей в зверинце, полностью запертых в клетке.

ГЛАВА VI.

СВИРЕПЫЙ ХАРАКТЕР. ПОПЫТКА СЖЕЧЬ ГАУПТВАХТУ. КОНСУЛЬТАЦИЯ. ПРИГОВОР. ПОЛИЦЕЙСКИЙ! МЕЧТА. СУД. СЛОМЛЕННЫЙ УПРЯМЫЙ ДУХ. БЛАГОРОДНЫЙ АКТ ПРАВОСУДИЯ! ДОСТОИН ПОДРАЖАНИЯ!

На следующий день после этой последней удачной поимки на борту "Констанцы" произошло событие, закончившееся драмой особого интереса.

Там был крупный сильный мужчина, заместитель командира только что захваченного приза, которого перевезли на гауптвахту для безопасного содержания. Это был человек замечательной мускульной силы, и все отметили его при первом появлении на борту как пленника, который причинил столько неприятностей на борту "приза", прежде чем его схватили и связали. Для дополнительной безопасности его содержали отдельно от остальных заключенных не только потому, что он оказал сопротивление Ловеллу после сдачи корабля, но и потому, что было подслушано, как он несколько раз угрожал уничтожить судно, на котором он должен был находиться. Этот человек, как мы уже говорили, обладал замечательной физической силой, и поэтому он был, по возможности, заключен в более надежное заточение, чем остальные его товарищи, но, несмотря на все это, во второй половине дня, следующего за его пленением, ему удалось освободиться от пут и места заключения, которое находилось на баке брига.

Когда его обнаружили, он собрал большую кучу соломы и других горючих материалов, которым фактически передал огонь, и носовая часть судна была бы объята пламенем еще через пять минут, если бы не своевременное обнаружение попытки пленника одним из членов экипажа "Констанцы". Первый человек, сделавший открытие, и немедленно попытавшийся потушить пламя, был слегка ранен своим собственным ножом англичанином, которого мы описали, и который таким образом пытался отправить в вечность всю команду вместе. Наконец, после жестокой борьбы его снова схватили и поместили туда, где за ним можно было наблюдать более пристально, чем раньше, и таким образом, чтобы сделать его побег во второй раз невозможным.

Поведение заключенного всем показалось самым кровожадным и мстительным, и команда громко призвала капитана Ченнинга подать ему пример. Политика также убеждала его в необходимости этого, поскольку для самых ничтожных людей на борту было очевидно, что большое количество заключенных, содержащихся на гауптвахте, если их не остановить каким-нибудь решительным актом правосудия, попытаются восстать и завладеть гауптвахтой. Этот вопрос настолько взволновал умы экипажа, что они скорее требовали, чем просили немедленного наказания человека, который таким образом мог бы полностью уничтожить их. В связи с этой чрезвычайной ситуацией Джеку Герберту и Уильяму Ловеллу было предложено каждому из их отдельных команд прибыть на борт "Констанс", чтобы встретиться с капитаном и посоветоваться, пока маленькая флотилия находилась в дрейфе. После довольно продолжительного обсуждения этой темы Ченнинг сказал: "Значит, вы считаете, джентльмены, что казнь этого человека необходима?"

- Я бы вздернул его в течение часа, - сказал Джек Герберт

"Я сожалею о необходимости, - сказал Ченнинг, - но я должен признать, что безопасность наших жизней и жизни гауптвахты, похоже, требует этого".

- Несомненно, - ответили оба.

‘ Я смотрю на это дело так, ’ продолжал Ловелл. "Мы подобны людям, живущим над пороховой шахтой; малейшая искра огня, соприкоснувшаяся с этим порохом, отбросит нас всех в вечность; есть один, кто открыто ищет возможности поднести спичку; должны ли мы теперь хоть на мгновение поколебаться и лишить его силы?"

- Это единственный способ взглянуть на предмет, - сказал Герберт, - и к тому же наиболее рациональный.

‘ Тогда вопрос решен, джентльмены, - задумчиво произнес Ченнинг. - И этот человек должен умереть!

Так было решено, и они расстались до часа, назначенного для казни заключенного.

День был тихий и мягкий для этого времени года; три судна едва достигли более холодных широт среднего побережья, и день был поистине замечательным для того времени года, о котором мы говорим. Маленький флот находился на расстоянии оклика друг от друга. Теплое солнце освещало мягко вздымающуюся грудь океана, как румяная щека дамы на груди своего возлюбленного. Все на брига было устроено со скрупулезным соблюдением порядка и опрятности, и лица каждого матроса казались задумчивыми. Даже честный Терренс Муни

выглядел встревоженным и серьезным из-за своего лица, которое обычно так сияло добрыми чувствами и добротой ко всем окружающим. Время от времени он одергивал свои панталоны и, поднимая взгляд к какому-нибудь устройству корабельного такелажа, зловеще качал головой, как бы говоря, что происходит что-то такое, что не вполне соответствует его одобрению, а затем, по-видимому, пытался забыть беспокоившую его мысль, громко насвистывая какую-нибудь ирландскую песенку. Как читатель уже видел, было решено, что заключенный, о котором идет речь, должен быть казнен на рее, и хотя это было известно только из уст в уста старшим офицерам, тем не менее умный глаз команды наблюдал за приготовлениями, которые были обязательно сделаны, с полным пониманием их цели.

Благородная команда, теперь, когда они увидели, что событие действительно вот-вот произойдет, выглядела печальной и удрученной, ибо, хотя любой из них пошел бы в бой с шуткой, в пылу кровопролития и со справедливостью своего дела в сердце, убил бы своего врага, не задумываясь; однако здесь они собирались совершить совсем другое деяние, над которым у них нашлось время поразмыслить. Они собирались хладнокровно отправить собрата в вечность, и каждый акт подготовки лишь усиливал холод в сердце, который чувствовал каждый человек. Да, сама их природа бунтовала против предполагаемого *убийства*, ибо таким всегда должно казаться преднамеренное лишение человека жизни. Это ужасно - отнимать жизнь, которую мы не можем дать; и мы одни из тех, кто подвергает сомнению ее справедливость даже в крайних случаях, за исключением случаев самообороны.

‘Мне чертовски нравится эта работа, - сказал Терренс Муни одному из своих товарищей по кают-компании. ‘ Это навлечет несчастье на наш милый маленький бриг, если человек будет болтаться за шею там, наверху, где нужны только блоки и веревки. Ааа, честное слово, зачем мне было вчера вечером осушать хвост дьявола, если не ради всего этого дела с полицейскими в ярде?’

‘ И разве я тоже не дрался, ’ продолжал Теренс, сделав пару поворотов между палубами, где он теперь наблюдал за пленными, ‘ и разве я тоже не дрался, - сказал он, - что бриг, скажем, угодил носом в водосточную трубу и сильно ’обгорел', выпив соленой воды, и что он бы сразу свалился за борт, но капитан Ченнинг каким-то образом держался в напряжении? Араб, черт бы меня побрал, если бы не "что-то не так".

- А не связано ли все это, конечно, с делом о повешении? посадил своего спутника, ирландца, который присоединился к бригу с первым призом.

- Может быть, и так, и на это очень похоже, - продолжал Теренс, - но у меня были опасения, мой мальчик, насчет того, чтобы бросить старую женщину и не остановиться, чтобы посмотреть, как ее аккуратно похоронят и предадут земле.

- Это было не совсем строго, Теренс.

‘ И как я вообще мог с этим поделаться? Разве капитан Ченнинг и бриг не должны были отплыть в тот самый час, когда я согласился? чтобы быть уверенным, я ничего не мог с этим поделаться.

- Это ты сам превратишься в Иону и проглотишь всех нас, - сказал его спутник полусерьезно.

- Теперь ты далеко, - сказал Теренс, - и не приставай ко мне.

Торжественная тишина теперь царила на бриге, который едва продвинулся вперед ни на фут, грациозно поднимаясь и опускаясь на долгих тяжелых волнах Атлантики. — Мы уже говорили, что было спокойно, да, было очень тихо, ибо даже море, казалось, затаило дыхание в ожидании стать свидетелем какого-то нечестивого деяния. На борту "Констанцы" не было заметно ни единого признака жизни, за исключением степенного рулевого, да и смерти тоже, хотя для наблюдательного глаза, останавливающегося на этом сложном, но изящном переплетении канатов и снаряжения, был виден единственный кнут, прикрепленный к рычагу фок-реи. Один конец был заведен внутрь, в то время как другой проходил по рею через блок и спускался на палубу. Этот единственный канат, расположенный таким образом, поведал честным морякам историю, которая заставила их лица выразить печаль, нет, почти *страх*, о котором мы упоминали. Должно было совершиться страшное деяние, и они должны были стать его исполнителями.

‘ Мне совсем не нравится это дело, ’ сказал капитан. Ченнинг Ловеллу.

"Я рассматриваю это как важную обязанность", - последовал ответ.

- Может быть, и так, - задумчиво произнес Ченнинг.

- Несомненно.

- И этот бедняга должен быть повешен? - спросил капитан.

- Итак, мы решили, - сказал Ловелл.

‘ Это ужасно, Уильям, так хладнокровно лишать человека жизни. Кто бы мог подумать, что моя рука когда-нибудь окажется моей, или что я когда-нибудь отдам приказ, который должен лишить человека жизни. Я честно заявляю вам, что вряд ли способен на такой хладнокровный поступок.

- Нет, наберись смелости, Фанни, - сказал Ловелл (они были одни в каюте). - До сих пор ты поступала благородно, теперь сделай все, как подобает.

- И это будет благородный поступок?

- Всегда благородно выполнять свой долг.

- Значит, отсрочки нет?

‘ Я считаю это абсолютно необходимым для нашей безопасности. Парень даже заявил, что, если у него будет другая возможность, он совершит то же самое снова. Значит, безопасно ли, что он останется в живых?"

- Приговор справедлив, - сказала Фанни.

- Мужайся, Фанни, скоро все закончится.

‘ Да, но это ужасное дело. Ловелл, ты понимаешь это?

- Да, конечно, но, думаю, мы решили, что так будет лучше.

Превозмогая все свои женские чувства, Фанни собралась с духом и приказала привести пленника к ней. Вскоре он появился, крепко связанный, во главе пары человек из команды. Он был благородным образцом мужчины по своему физическому сложению. Хорошего роста, с широкой и полнокровной грудью, с тяжелыми, но хорошо сформированными конечностями. Его волосы были короткими, черными как смоль, и плотно прилегли к голове. Он вошел, угрюмо глядя на пол каюты, напоминая загнанного льва, его огромное мускулистое тело раздувалось от ярости, когда он почувствовал, что его связывают. Он стоял перед капитаном брига, который сидел в большом мягком кресле, а по обе стороны от него стояли Ловелл и Герберт.

Это была сцена странная и вызывающая особый интерес. Этот огромный мужчина, похожий на Геркулеса, стоял перед этой мягкосердечной девушкой, приговоренной к смертной казни. Ее глубокая душа, казалось, читала сокровенные мысли заключенного через синеву ее прекрасных глаз. Ее голос не дрожал, рука была твердой, и в душе она была мужчиной. Женское чувство, которое так недавно пробудилось в ее груди, было изгнано, и ничего, кроме суровой справедливости, нельзя было ожидать от этих губ, демонстрировавших в тот момент целеустремленность и характер, которых Ловелл никогда раньше там не замечал.

- Заключенный, - произнесла Фанни своим низким музыкальным голосом, но все же с необычайной отчетливостью, - знаете ли вы, что мои советники приняли решение о вашей смерти в отделении ярд-арм в течение этого самого часа?

"Я видел поднятый кнут, когда шел по палубе", - таков был многозначительный ответ заключенного.

- Вам нечего предложить, прежде чем мы приведем это решение в исполнение?

‘Ничего,’ ответил мужчина, по-прежнему не поднимая глаз от пола. ‘Представляется наиболее вероятным, что человек, находящийся на грани смерти, хотел бы выразить какое-то желание. Если они у вас есть, озвучьте их, и если они будут разумными, они будут удовлетворены’.

- У меня их нет, - последовал ответ.

- Заключенный, - продолжала Фанни, - у вас нет жены, детей, друзей?

Тут ее прервал стон англичанина, который показал, что она задела его за уязвимое место.

- Говорите, сэр.

- У меня есть и жена, и дети, - сказал он, не поднимая головы от груди, в то время как его широкая мужественная грудь вздымалась от явного волнения.

- И у вас нет никакой награды, которую вы могли бы оставить им, никакого желания выразить перед казнью? - спросила Фанни.

‘Никто! Они узнают, что я умер, *оставаясь верным!*’

‘Мне сказали, что вы угрожали этому судну и нам во второй раз с тех пор, как вас снова взяли под стражу. Это так?’

‘Так и есть: враги моего короля - это враги Бога, и я буду преследовать их до последнего вздоха. Ты мятежник, сэр капитан, и все эти вокруг тебя. Пощадили бы их, если бы я мог избавить от них

короля ценой собственной жизни? Нет!" За все это время он даже не поднял головы, но, словно униженный своими узами, по-прежнему смотрел в пол.

- Разве вы не приняли бы такое предложение, - сказала Фанни, - которое вернуло бы вашу жену в ваше лоно, а ваших детей - в ваши объятия?

Мужчина вздрогнул — его геркулесовы пропорции приняли позу, которая привела бы в восхищение художника. Его голова была высоко поднята, глаза жадно смотрели на капитана, и казалось, что он стал по меньшей мере на полголовы выше, чем раньше. Еще через мгновение его голова снова опустилась, как будто дух, который на мгновение воодушевил его, исчез, и ондаже засомневался, что правильно расслышал. Вернувшись в свое прежнее состояние, он ничего не ответил на вопрос, который так взволновал его.

— Скажи, заключенный, - продолжала Фанни, - хотел бы ты снова увидеть тех, кого ты оставил на своей родине, - свой дом, жену и детей, а также тех, кого ты любишь?

- Я встречу их на Небесах, - последовал спокойный ответ.

- И именно верность твоему королю толкнула тебя на этот ошибочный поступок? - спросила Фанни.

-Что еще может привести в движение британского моряка?

- Развяжите его! - приказала Фанни охраннику, стоявшему рядом с ним.

- Я командую этим судном? - спросила Фанни, вставая, обнажая шпагу и готовясь к бою.

- Конечно, сэр. - сказал один из мужчин. - Но, ваша честь, мы...

‘Вы слышите, ребята? Развяжите его!’

Ловелл и Герберт были к этому не готовы и не произнесли ни слова, пока охранник делал, как им было приказано. Еще через мгновение англичанин стоял перед ней на свободе, не связанный, на его красивом мужественном лице отразилось крайнее удивление, в то время как сам он стоял неподвижно от изумления.

- Думаю, я не ошиблась в вас, сэр, - сказала Фанни, обращаясь к подсудимому, - и, если я правильно вас поняла, нам лучше всего вести беседу с такими, как вы, *наравных* условиях. Теперь ты *свободен!*

- И с какой целью? - изумленно спросил мужчина.

- Я бы *поговорил* с тобой.

"Я внимателен", - сказал англичанин, демонстрируя своими манерами и речью степень утонченности, которой он раньше не проявлял.

‘ Знаешь ли ты, - спросила Фанни, - о притеснении, которое привело североамериканские колонии Великобритании к тому курсу, который они избрали? какие вопиющие обиды они претерпели; какое рабское и унижительное обращение они претерпели от рук злых советников короля?’

- Я знаю только, что североамериканские колонии восстали против своего законного короля, - угрюмо сказал англичанин.

‘ Вы не знаете, ’ продолжала Фанни, увлекаясь своей темой, ее темно-синие глаза сверкали оживлением и одухотворенностью, ‘ об оскверненных святилищах, опустошенных домах, упадке торговли и, как следствие, страданиях тысяч людей! Разве вы не знаете, что посланцы народа были изгнаны с трона, нанеся таким образом еще одно оскорбление? — Разве это не противоречило бы нашему английскому происхождению смиренно переносить все это, Если бы мы были достойны того рода, из которого исходим, разве мы не возненавидели их и не попытались собственными руками добиться справедливости?"

- Вы действительно сообщаете мне новости, - задумчиво произнес англичанин.

‘ Пусть этот дух мести больше не живет в твоей груди, ’ сказала Фанни, ‘ но сначала подумай, что заставило тебя прибегнуть к оружию, а потом суди, кто виноват. Если тебе покажется, что это колонисты, не позорь свою натуру, стремясь отомстить им каким-либо кровавым поступком; а если король, то больше не поднимай руку на этот народ".

- Я чувствую, что допустил ошибку! - сказал англичанин, благородно желая признать совершенную им ошибку.

- Итак, - сказала Фанни, - я знаю, что могу тебе доверять!

Англичанин бросился вперед, схватил протянутую руку Фанни и, горячо пожав ее, вышел из каюты, не сказав ни слова.

Фанни, обладавшая живым умом и рассудительностью, кое-что поняла об истинном характере заключенного, и после небольшого разговора, как мы видели, она укрепилась в своем предположении на этот счет. Она предпочла бы прибегнуть практически к любому средству, только не к казни этого человека, и, чтобы предотвратить это, была готова пойти на некоторый риск, доверившись ему.

Лечение оказалось благотворным. Упрямый дух был побежден добротой и разумом - единственным оружием, которое одно ответственное существо должно использовать по отношению к другому. Дух англичанина претерпел полную перемену; он отдал бы свою жизнь за капитана "Констанции"; и с момента своего освобождения был горячим сторонником дела американского народа, хотя никогда активно не участвовал в войне. Он не предал оказанного ему доверия, но верой и правдой прослужил простым матросом до конца путешествия.

Есть мораль, которую мы испытываем искушение изложить здесь, возможно, простая, но, тем не менее, великая, и все же, опасаясь порицания обычного читателя, который иногда без всякой меры осуждает эти моральные отступления, мы оставляем вывод, на который мы только намекнули, на усмотрение здравого смысла и проницательности читателя, но давайте осмелимся призвать к его рассмотрению.

Ловелл был поражен здравым смыслом и изобретательностью, которые Фанни проявила в этом трудном деле, и обнаружил в ней новую черту доброты и понимания, за которую ее стоило любить и уважать; и когда они снова остались одни, он спросил ее.

- Почему ты не рассказала мне об этом плане действий, дорогая Фанни? Неужели меня сочли недостойной доверия?

‘ Эта мысль не приходила мне в голову заранее, Уильям; ее подсказал момент, подсказанный благородной осанкой этого человека и чувствами, которые он выказал при упоминании своего дома и семьи. Тогда было достаточно легко увидеть, Уильям, что его сердце было на правильном месте и восприимчиво к влиянию доброты.

"Это невозможно было организовать лучше, - сказал Ловелл, - или проявить больше мастерства и здравого смысла человеческой натуры".

- Я освободила свое сердце от тяжелого груза ответственности, - сказала Фанни. - последние несколько часов я была совершенно несчастна.

- Ты поступила благородно, моя дорогая девочка.

- Что, сэр? - спросил я.

— Прошу прощения, сэр, я хотел сказать, что ваше поведение заслуживает всяческих похвал, капитан Ченнинг, - сказал Ловелл с притворным уважением.

- Если ты не будешь осторожен, Уильям, - сказала Фанни, - ты выдашь меня команде, и кто знает, каковы могут быть последствия?

‘ Верно, верно, ’ сказал Ловелл. - в будущем меня будут всячески уважать, положитесь на мою осмотрительность. Но у тебя нет никаких опасений, Фанни, относительно добросовестности этого человека, которого ты освободила?

‘ Ни в малейшей степени. Я боюсь не доверить ему свою жизнь.

- Дай бог ему честности, - сказал Ловелл, когда они расставались.

ГЛАВА VII.

РАЗГОВОРЫ НА КУБРИКЕ, НОВЫЙ ВРАГ, ПОГОНЯ, ШТОРМ. ДЕЙСТВИЕ. ИСХОД БОЯ. СЦЕНА НА БОРТУ ВРАГА. ТРЮК. СТРАШНАЯ ВСТРЕЧА. НЕОБЫЧНОЕ ОТКРЫТИЕ. ФАННИ В ПЛЕНУ. ЗАГЛЯНУТЬ К КЭМПБЕЛЛАМ У КАМИНА. РОДИТЕЛИ ДОМА.

Давайте посмотрим, как такой способ распорядиться с заключенным был воспринят обитателями бака, грубыми и выносливыми людьми, стоявшими у мачты. Терренс Муни стал, так сказать, своего рода лидером среди команды во всех отношениях. Во-первых, потому, что он, по-видимому, был необычайно одарен "болтовней", как говорят о разговорчивом моряке, а во-вторых, потому, что он был веселым, свободомыслящим, цельным человеком. Терренс был очень готов высказать свое мнение по любому поводу, ни в коей мере не стесняясь выражать его свободно, особенно в такое время и по такому случаю, как нынешний. Он всегда заступался за капитана, хотя, если уж на то пошло, в команде не было человека, который сделал бы то же самое. Но с другой стороны, Терренс Муни был особенно чувствителен в этом вопросе и наверняка ухватился бы за самый отдаленный намек, который только мог быть сделан, чтобы отразиться на нем.

« Кто же, кроме нашего капитана, мог это сделать? - уверенно спросил Терренс, имея в виду освобождение англичанина. - Просто скажите мне это; и с тех пор этот британец не стал совсем другим человеком, полностью. Арра, это наш капитан, который находится под священным командованием.

"Послушай, брат, - сказал старый деготь в ответ Терренсу и, в порядке выражения своего мнения, - что бы мои друзья ни говорили за или против меня, и каковы бы ни были другие мои достоинства, они не могут сказать, что я большой ученый, но, несмотря на все это, я думаю, что кое-что знаю о человеческой природе, и будь я проклят, если бы я не доверил этому большому англичанину спичку рядом с магазином, будь у нее столько отверстий, сколько у китайской джонки окон".

— Ну, — очень тихо сказал другой, - я действительно подумал, что капитан Ченнинг немного поторопился, когда узнал...

-Эй? Что, черт возьми, ты сказал? - яростно вмешался Терренс Муни. - Во всем виноват капитан. - и он сжал кулак размером с голову маленького младенца. - Где человек, который скажет это?

"Послушай, брат, - сказал преступник, - я говорю, что поначалу *действительно* мне показалось, что он немного поторопился, но потом ты видишь, что результат в порядке, и, без сомнения, капитан все это время находился в пределах досягаемости".

- Чтобы быть уверенным, что так оно и было, - сказал Терренс, понемногу остывая от гнева.

"Я видел такого же отличного моряка, как этот англичанин", - сказал третий, поднявшийся на один ярд на борту британского военного корабля по сигналу пушки, но он не спустился вниз, *этот человек изменился*, потому что, как видите, он спустился окоченевшим и мертвым, а следующий час кормил акул у борта. Теперь мне кажется, что лучшим наказанием должно быть такое, которое приводит человека в гавань раскаяния, а не такое, которое пробьет дыру в его заднице и потопит его прежде, чем он ее увидит.

‘Вот и весь разговор,’ сказал Терренс Муни. ‘Какой смысл вешать человека? худой, он вообще бесполезен ни для себя, ни для кого-либо еще. Черт возьми, это очень жалкое применение для человека.

‘Кто бы мог подумать, что у молодого человека, нашего командира, да благословит его Господь’, - сказал старый обветренный моряк, хватило милосердия и разборчивости выполнить эту работу. Я плавал по морю тридцать восемь лет и никогда не видел ничего прекраснее, сделанного в океане.

Тут Терренс захлопал в ладоши от восторга. У него было совершенное увлечение, своего рода *мономания* по отношению к капитану Ченнингу, и этот верный парень счел бы завидной участью в любой момент отдать за него свою жизнь.

- Ну разве он не сокровище, худышка? - спросил Терренс.

- Послушайте, товарищи, кому-нибудь из вас когда-нибудь приходило в голову, что наш капитан, в конце концов, *пират*, - сказал старый моряк.

-Эй? - Что это? - спросил Терренс. - Вы хотите, чтобы я убил вас сразу, мистер Болт, или какого черта вы обзываете капитана?

Я не хочу бросать тень на капитана Ченнинга. Нет, он капитан, под началом которого можно жить и умереть; с этим все согласятся. Но, предположим, товарищи по кают-компании, что британский военный корабль придет сюда из бостонской гавани, возьмет нас на борт и заберет хорошенькую маленькую Констанцию, как она это сделала бы? Я могу сказать вам, братья. Через час капитан Ченнинг уже болтался бы на рее того же военного корабля в качестве *Пирата!*”

‘Как, черт возьми, вы можете это понять?’ - спросил один из первых выступавших. ‘Разве колонии честно не воюют с англичанами? и действовали ли мы против какой-либо другой нации, кроме них? Конечно, мы перерыли то подобие тюрьмы в Гаване, вы знаете, но мы не причинили никакого вреда. Тюрьма есть тюрьма, а корабль есть корабль; понимаете, штурм тюрьмы не может быть пиратством.

‘Верно, брат, но разве наш капитан не был вторым на бриге "Констанция"? - спросил другой говоривший. - и разве он теперь не капитан этого судна по собственному почину, и разве бриг не его? Можете ли вы сказать, что все это означает? Мне кажется, это похоже на то, что военный трибунал назвал бы пиратством, вот и все.

"Возможно, и так; но, видите ли, мы не собираемся сдаваться, - сказал новый оратор, - и в этом вся разница в мире". Это замечание было встречено всеми с искренним смехом, и разговор принял другой оборот.

‘Давайте оставим эту тему, товарищи; бесполезно говорить об этом’, - сказал другой. - Ну-ка, чья сейчас очередь прясть пряжу?

- Да, чья очередь? - спросили несколько голосов одновременно.

"Давай, Брейс, - сказал один или двое мужчин, - это твое, так что просто встань на якорь рядом, вот здесь, на этом сундуке, и плати".

‘ Да, да, мои дорогие. Иди сюда, Терренс Лунатик, со своей болтовней, пока я буду плести сказку, слышишь, мальчик?

- Да, да, брат, продолжай, - добродушно сказал Терренс.

Несколько минут набирая во рту чудовищную порцию табака, тот, кому предстояло говорить, наконец спокойно приклеил ее к щеке, хорошенько заткнув языком, затем, приняв непринужденную позу, начал:

‘ Может быть, среди вас есть такие, кто приплыл туда, на Север, где так холодно, что человек не осмеливается ни мгновения постоять спокойно из страха замерзнуть насмерть. Нет? Что ж, тогда у меня есть, и я собираюсь рассказать вам об одном из таких круизов. Видите ли, мы были там, наверху, по какой-то уважительной причине, но по какой- я не знаю, поскольку наш капитан отплыл с запечатанными приказами, а матроса с фок-мачты не очень часто просветляет просмотр судового журнала капитана.

‘ Но король приказал кораблю отправиться туда, и на меня оказывали давление, поэтому я тоже был там. И там нас было триста таких славных парней, каких вы когда-либо видели, или которые когда-либо бегали по волнам, отмораживая пальцы на руках и ногах каждую вахту, и половину времени корабль был полностью закрыт льдами; и таким образом, я помню, мы оставались семь или восемь дней, вжавшись в лед так плотно, как только наш плотник мог уложить доску, ничего не было видно на мили в любом направлении, кроме одного длинного и почти бесконечного ледяного поля, время от времени морж или морская лошадь вылезали из воды и укладывались спать у небольшого озера. трещины, которые образовались здесь и сям по соседству с кораблем.

‘ Ну вот, однажды загремели большие пушки, и такой треск раздался среди замерзшего такелажа, что вы никогда не слышали; и вода, казалось, была в совершенном бешенстве подо льдом, как будто ей не очень нравилось жить под люками. Что ж, это продолжалось целую ночь и день, и я думал, что за это время мы должны были разлететься вдребезги; но капитан сказал, что мы так плотно сидели во льду, что это единственное, что нас спасло, в то время как я не мог не пожелать, чтобы у нас было немного больше места, хотя бы для того, чтобы освободиться ото льда и его проклятого натирания.

‘ Ну, на следующую ночь нас мотало до рассвета, когда мы обнаружили, что лед треснул и что мы идем навстречу шторму с огромной скоростью и почти безо льда. Мы шли все дальше и дальше, пока, наконец, не приблизились к другому полю, мы не могли обойти его стороной, поэтому искали самое безопасное место, где мы могли бы оставить корабль, чтобы переждать шторм, который сейчас был в самом разгаре.

Итак, мы вошли в воду и бросили якорь у крепкого льда, и через несколько часов шторм начал стихать, море успокоилось, и у нас вроде бы появилась возможность немного отдохнуть впервые более чем за сорок восемь часов, когда один из вахтенных наверху окликнул палубу:

“Корабль готов!”

Вы вполне можете предположить, что такой оклик тронул наши сердца, потому что мы уже более двух месяцев не видели парусов, кроме парусов нашего собственного корабля; и крику наверху

вторил каждый человек на корабле, и те, кто только готовился ко сну, поспешили на палубу, чтобы взглянуть на незнакомца, многие из них были полуодеты от нетерпения.

- Куда направляетесь? - спросил вахтенный офицер.

- Чуть дальше по левому борту, сэр, - доложил впередсмотрящий.

Все глаза были прикованы к точке, и действительно, примерно в трех милях с подветренной стороны от нас лежало судно, по-видимому, застрявшее во льдах и неспособное продвинуться хоть на малейшее расстояние. Парусов не было видно, и ее мачты больше походили на ветви дерева, чем на хороший, честно стоящий такелаж.

Наш капитан включил свои сигналы так быстро, как только смог, чтобы попытаться получить какие-то сведения от незнакомца, но на сигналы никто не обратил внимания, и, наконец, капитан выстрелил из ружья или двух, чтобы разбудить их, но ответного сигнала от незнакомца не последовало, и, наконец, капитан, потеряв всякое терпение, приказал взять ружье и выстрелить в нее, если мы действительно сможем добраться до нее там, где она лежала.

Пистолет был разряжен, и железо заскрипело по льду, то взметая в воздух ледяной дождь, то плавно скользя, но все это время со скоростью света, пока не врезалось в бок незнакомца, разбрасывая осколки, как это было со льдом раньше. Теперь все взгляды были прикованы к скипу, но на его борту не было заметно никаких признаков жизни. Ни на наш выстрел, ни на сигналы ответа не последовало. Одному или двум офицерам показалось, что они смогли разглядеть фигуру человека, или, скорее, ту его часть, которая виднелась над обшивкой корабля. Но он был неподвижен и не подавал никаких сигналов, если вообще был человеком.

- Итак, мы вернулись, и капитан решил на следующий день отправить экспедицию по льду к глухонемому кораблю. Это была опасная работа, и матросы не выражали особого беспокойства по поводу ее выполнения, потому что, видите ли, лед мог каждую минуту расступаться и менять свое положение, и были все шансы, что нас разлучат с кораблем, и, возможно, навсегда. Однако капитан выделил около двадцати человек, в число которых поместил меня, и отправил нас под третий Лаф посмотреть, что мы сможем разглядеть в незнакомце. Нам потребовалось почти три часа, чтобы пройти расстояние до корабля, так как нам предстояло обойти множество больших трещин во льду, но, наконец, мы приблизились к кораблю, когда "Лафф", по-прежнему не видя признаков жизни, начал подозревать, что над нами готовится какое-то предательство, и поэтому остановил людей и, разделив их на две части, решил взять незнакомца на abordаж одновременно с левого и правого борта.

- Мы взяли ее на abordаж, - продолжил Брейс, на мгновение остановившись, чтобы перекинуть свой фунт за другую щеку и сменить позу.

- Ну-ну, - раздалось сразу несколько встревоженных голосов, - что тогда?

‘ Ну, как я уже говорил, мы поднялись на борт по правому и левому борту, и что, по-вашему, было первым, что бросилось нам в глаза? Я вам скажу. Вы видите, что шкафут был настолько глубоким, что мы не могли видеть палубу, пока не поднялись на борт, а четверть, приподнятая лишь немного над палубой, тоже была скрыта. Итак, когда мы выскочили на палубу, за штурвалом сидел рулевой, застывший, его взгляд был устремлен в пустоту, но руки все еще сжимали румпель. Внизу, на шкафуте, на мотке твердого, как мрамор, каната сидели двое

матросов, а впереди, у подножия фок-мачты, скорчилась собака, окоченевшая как смерть. Мы подошли к ним и прикоснулись к ним, но они были похожи на мраморные глыбы, замороженные насмерть.

Внизу, в капитанской каюте, сидел тот, о ком Лафф сказал, что это, должно быть, был капитан. В руке он держал ручку, а рядом с ним стоял подсвечник, свеча догорела. Очевидно, он только начал делать запись в журнале, когда его догнали, и он оцепенел от сильного холода. Последнее свидание, написанное его пером и которое он, казалось, назвал последним поступком в своей жизни, было всего за год до того, как мы взяли его на abordаж!

В судовом журнале говорилось, что команда израсходовала все имеющиеся на борту дрова и что некоторые части судна уже были распилены для снабжения их топливом, в чем мы могли убедиться достаточно быстро, и что холод был почти невыносимым, и что в то время судно было сковано льдами. Мы нашли кое-кого из команды в своих каютах такими же окоченевшими, как и их товарищи на палубе.

Все рассказали страшную историю о том, что их настиг сильный холод, который, судя по различным позициям и позам, в которых они находились, был очень внезапным. Все, что раньше было живым или неодушевленным на борту этого корабля, было поражено холодом и больше походило на скалу, чем на кусок льда, настолько прочным было все, скованное ледяными цепями. Это было ужасное зрелище, товарищи, этот корабль. Я повидал на своем веку немало тяжелых вещей, но замерзшая команда на борту того корабля во льдах была хуже всего.

До сих пор Брейс рассказывал правдивую историю, какой бы меланхоличной и странной она ни казалась, и он рассказывал ее с такой степенью интеллекта и языком, которые показывали, что он был хорошо информированным человеком для своего положения в жизни в те дни. Но тогда он не мог на этом остановиться; он должен был добавить к своему рассказу то, что в море и среди команды называют "решающим аргументом", иначе в нем не хватало бы одноговажного ингредиента, и его товарищи по кают-компаниии вряд ли сочли бы его завершенным. Поэтому, сделав пару глотков табаку, он продолжил свой рассказ.

‘ Ну, товарищи, на борту было не так уж много такого, что нас заботило, поскольку мы находились так далеко от дома; но я подумал про себя, что мне хотелось бы забрать собаку, просто чтобы показать команде корабля, когда мы вернемся, что все, что мы сказали, было не ерундой, а чистой правдой. Поэтому я спросил Лаффа, могу ли я забрать собаку, чтобы показать команде, и он разрешил мне; так что я взвалил ее на плечо, и это тоже была нелегкая ноша; это был крупный чистокровный ньюфаундленд, но я сам нес его всю дорогу до корабля, и когда я поднял его на борт, могу вам сказать, что он вызвал немалое любопытство, будучи своего рода образцом того, что мы нашли на борту "Незнакомца".

- Ну, я отнес собаку в нашу кают-компанию, чтобы обсудить это ночью с командой, и, наконец, мы легли спать, выслушав несколько историй, и лежали достаточно тихо почти до полуночи, когда низкий, дрожащий стон пробудил меня ото сна.

Я вскочил, потому что это прозвучало ужасно, и огляделся; но, обнаружив, что все остальные спят, я подумал, что мне это приснилось, и поэтому снова лег, но едва я это сделал, как звук повторился, и на этот раз громче, чем раньше; я снова вскочил, но не мог сказать, что было причиной, пока случайно мой взгляд не остановился на туше собаки, которая лежала как раз

рядом с большими корабельными котлами, где постоянно поддерживался огонь, и товарищи по команде, что, по-вашему, я увидел? Я тебе скажу. Ньюфаундлендское животное *двигалось*. Я вскочил в мгновение ока, и будь я проклят, если нам не удалось *разморозить его* так засветло, что капитан послал гардемарина прекратить шум под палубой, так громко лаял голодный негодяй.

- Смотри сюда, Брейс, - сказал один, - это паларвер.

- Нет, нет, - сказал Брейс, - все верно, честное слово, товарищи.

- Вы действительно хотите сказать, что эта собака снова ожила? - спросил другой член команды.

- Конечно, знаю: в этом нет ничего особенного.

- Что ж, - добавил Терренс Муни, - у вас было утешение в том, что вы таким образом спасли *жизнь* товарища кратура. Трот, и на такое действие "нельзя чихать, так что дай нам свою ласту, товарищ по кают-компании".

- Твоя история очень хороша, Брейс, - сказал один из его товарищей по кают-компании, - но эта собачья часть- *доза*.

- Не обращай на это внимания, - сказал Брейс, - и теперь, Марлинг, я думаю, что теперь твоя очередь.

- Да, да, следующая твоя очередь, - сказали полдюжины голосов одновременно.

- Если уж на то пошло, я верю, что с тобой все в порядке, - добродушно сказал Марлинг. - Оставайся там.

И после того, как он несколько минут перекачивал монету во рту и на мгновение заколебался, сказал:

- Послушайте, товарищи, вы должны отпустить меня песней; дело в том, что я сейчас не могу придумать ни одной байки, как это подойдет?

- О да, песню, песню, подарите нам песню! - закричали они все вместе.

- Ну что ж, тогда я спою песню старому седому Нептуну.

ПЕСНЯ МАРЛИНГА.

Хо—хо, товарищи, мы споем

Слава Нептуна, царя океана,

Он правит водами, его дом - широкое море,

Хо—хо-хо, мы бродим по его королевству.

Он расстилает голубой ковер по всему морю,

Над которым изящно прогуливается наша кора —
Хотя внизу старый монарх приветствует,
Он наполняет свежим ветром наши паруса.

Сухопутные жители, живущие на унылом, безжизненном берегу,
Любим их дома, но наш мы любим больше:
О! корабль и соленая вода, товарищи, для меня —
На земле нет ничего лучше открытого моря.

У меня такое представление, что сухопутные войска - зеленые юнцы
Они не знают, как весело было в океане;
Но довольные, они всю свою жизнь живут на одном месте,
Как медоносные пчелы, товарищи по столу, они прилипают к своим ульям.

А что, если у нас бывают штормы? У них на берегу землетрясения,
И хотя у нас есть проблемы, у них, несомненно, их больше;
Мы собираем редкую пищу на морских островах.
Когда вырастут тропические фрукты, появятся мы, мальчики.

Ах! дайте нам океан; ничего, кроме моря
Это подходящий дом, товарищи, для свободных сердец.
Хо-хо, мальчики, хо-хо! тогда давайте все споем
Во славу Нептуна, царя океана.

Эта песня, написанная Марлингом в оригинальном исполнении под популярную в то время песню, была встречена бурными аплодисментами его товарищей, которым ему пришлось петь

ее снова и снова, прежде чем они остались довольны. Терренс Лунатик поклялся "силой грязи, что она полностью уничтожает все".

- И ты все это сам придумал? - спросил Терренс.

- Он мой, такой, какой есть, Терренс, мой мальчик.

‘ Похоже, ты настоящий гинтильман, ибо разве не такие же авторы стихов, как пчелы? Арра, а у нас в столовой нет гинтильменов?’

Но пусть стихи Марлинга покажут читателю, что кубрик не совсем лишен вкуса и что многие отважные сыны океана таят в себе запас остроумия, да, и гениальности тоже, которым нужен только повод, чтобы проявить его.

Словно с общего согласия, все теперь набросились на Терренса Муни и обвинили его в чудовищном проступке, заключающемся в том, что он не сплел ни одной пряжи с начала путешествия. Терренс не обладал даром рассказывать истории и поэтому довольно нервничал под остротами своих товарищей по столу. Но, наконец, его глаза прояснились, и черты лица стали действительно красивыми, с выражением ума и энтузиазма, которые озарили их, когда он сказал: "Как видите, друзья, у меня нет такого поворота событий, но не так давно со мной случилось одно небольшое обстоятельство, я скажу "да".

И Терренс по-своему рассказал о доброте, которую капитан. Ченнинг проявил к своей умирающей матери. Он никогда раньше не упоминал об этом подробно, хотя его товарищи по кают-компании знали, что капитан когда-то оказал Терренсу услугу в виде какой-то необходимой благотворительности. Вы бы видели, как слезы выступили на глазах этих грубых морских волков, когда Терренс рассказывал свою историю с чувством, которое невозможно было перепутать. Это показало, что кубрик скрывал такие же по-настоящему добрые и чувствительные сердца, как и шканцы.

Открытых аплодисментов после рассказа Терренса не последовало, но он произвел свое действие, и один или два грубых, но искренних шлепка по плечу показали ему, что руководство заведения хотело, чтобы он понял, что он в целом очень умный парень, и сами эти удары были предназначены для выражения неизгладимого характера их отношения.

Что касается капитана Ченнинга, то на месте было принято решение, что другого такого никогда не существовало, хотя вряд ли требовалось новое доказательство доброты их командира, чтобы побудить их к такому заявлению, поскольку они давно питали к нему подобные чувства; и они вполне могли это сделать, поскольку тот, кто ими командовал, заботился обо всех их удобствах, а об их благе постоянно заботился тот, кто ими командовал. Как легко завоевать любовь и уважение тех, кто зависит от нас, обращаясь с ними так, как мы сами хотели бы, чтобы обращались с нами в подобной ситуации. На этот счет существует золотое правило.

Я не знаю, почему так происходит, но общеизвестно, что моряки славятся рассказыванием историй, или, как они это называют, прядением пряжи. Их приводят туда отчасти для отдыха, поскольку нет более монотонной работы, чем работа матроса на фок-мачте на борту корабля. Ограниченный узкими рамками судна, он видит лишь несколько лиц, и те, с кем, возможно, связан месяцами, ни разу не приземлялись. Таким образом, обитатели кубрика, редко располагающие книгами, в основном полагаются на свои собственные ресурсы для

развлечения в то время, когда они могут найти себе занятие. Рассказывание историй - очень естественный и увлекательный способ развлечения; и его они повсеместно используют при любых обстоятельствах. Я иногда слышал, как сухопутные матросы замечали, что красиво рассказанные истории, опубликованные в печати как рассказанные моряками, когда они пряли пряжу своим товарищам по кают-компани, были всего лишь самогоном; что матросы на фок-мачте не могли так разговаривать. Это ошибка — постоянная привычка делает их очень совершенными, и в течение целой вахты я слушал историю, рассказанную одним из членов экипажа торгового судна, настолько хорошо, насколько я когда-либо читал; рассказанную с совершенно неожиданной степенью утонченности. Таким образом, команда "Констанцы" была теперь занята, и мы не можем удержаться от описания еще одной пряжи, которую пряли на баке по этому случаю. Песня, казалось, вдохновила их всех, и они принялись шумно рассказывать друг другу очередную историю.

- Пойдемте, Дженнингс, теперь ваша очередь, ошибки быть не может, - сказали двое или трое мужчин одному из своих товарищей, сидевшему у сундука.

- Да, да, товарищи, подождите немного, пока я не пересмотрю свои расчеты.

- Вот оно, пряжа от Дженнингса, пряжа от Дженнингса! - закричали все.

Дженнингс был настоящим образцом янки: высокий, мускулистый и симпатичный, в чертах его лица сквозил большой интеллект.

Как и все представители его расы, он умел зарабатывать деньги, и высокое предложение британского капитана в виде жалованья настолько разожгло его алчность, что побудило отправиться в то, что он считал простым торговым путешествием в Вест-Индию.

‘Ну, товарищи, вы говорили о соленом море; я собираюсь сплести вам сказку о суше, это будет новая ниточка, так что поехали. Но позвольте мне просто сказать вам для начала, что это несобачья история, а реальный факт.

- Большинство из вас родом из тех же краев, что и я, но я не думаю, что вы слышали эту историю, поскольку она произошла за много миль от вест-энда города Бостона, неподалеку от того места, где я родился. Видите ли, я родился на Хэдли-флэтс в Массачусетсе, недалеко от излучины Коннектикута, хотя вскоре, став достаточно взрослым, чтобы уехать из дома, я перебрался на берег моря, и вскоре мне приглянулся океан, за которым я следую до сих пор. Я был не так молод, когда уехал из дома, но я помню, что единственное место на всей земле, где я хочу оставить свою тушу после того, как жизненный круиз закончится, это окрестности зеленых лугов и извилистых излучин Коннектикута, который плавно протекает у самого подножия Маунт-Тома и Маунт-Холиок. Я родился недалеко от этого места. Прямо над нами, недалеко от подножия этих двух самых высоких гор штата, жило племя индейцев — друзей поселенцев, с которыми они общались как с братьями.

Мальчишкой я бродил среди их хижин, взбирался по крутым тропинкам в горах и прогуливался среди рощ и полей, окаймляющих берега реки, и, друзья мои, иногда во сне я задавался вопросом, можем ли мы быть счастливее на небесах, чем я был тогда, и может ли рай быть более мягким и желанным местом, чем это.

‘ Ну, товарищи, видите ли, я собираюсь рассказать вам историю об одном индейском племени, вернее, об одном из них. У старого вождя племени было всего двое детей, обе девочки, стройные и хорошенькие, как косуля с холмов; они были гордостью сердца старика, да и всего племени.

Самую старшую звали Келмонд, что на их диалекте означало ‘Дитя гор", они называли ее так потому, что она родилась в одном из их домиков на склоне того холма Холиоок, который смотрит вниз на долину Коннектикута, как могли бы вы, товарищи, смотреть на палубу брига, когда стоите на верхушке мачты. Ее сестру звали Комеоке, что на их языке означает "Прекрасная". Они всегда называют своих женщин именно так, каким-нибудь мягким и симпатичным именем.

‘ Ну, самая старшая была самым красивым и нежным созданием, которое ты когда-либо видел, и во всем племени не было ни одного воина, который не взял бы ее в жены, если бы мог заполучить. Но так или иначе, ей нравилось проводить дни в лесу, связывая полевые цветы и лежа у ярких чистых ручьев, которые тысячами берут начало на склонах холмов и в рощах, и она никогда не слушала ни одной из этих диких песен о любви и знаков привязанности.

Ее сестра была очень хорошенькой девушкой, и если бы кто-нибудь не видел старшую, он действительно мог бы подумать, что младшая - самое прелестное создание, которое он когда-либо видел, хотя ее красота была совершенно иного рода. Она была вся, до последнего дюйма, индианкой, смелой, бесстрашной и больше походила на мужчину, чем на женщину. Они любили друг друга со всем пылом привязанности, на который были способны их девичьи сердца, даже несмотря на то, что их нравы были такими разными.

‘В нашей деревне, если я могу так назвать дюжину домов, составлявших это место, около блочного дома остановился молодой англичанин, который приехал туда со своим ружьем, гончими и одним слугой с целью поохотиться просто ради развлечения. Это был прекрасный мужчина, принадлежавший к какой-то знатной семье в Англии, и ему было около двадцати двух лет. Его не было с нами всего несколько недель назад, во время каких-то своих странствий он встретился с Келмондом, старшим из двух красивых детей вождя. Я не думаю, что когда-либо был человек, у которого был лучший способ быть приятным, товарищи по команде, своего рода способ побеждать, как у нашего капитана. Я имею в виду своего рода способность завоевывать всеобщее расположение. Что ж, ему не потребовалось много времени, чтобы познакомиться с красивой индианкой, и они часто встречались наедине в лесу, и англичанин полностью покорила ее сердце. Я узнал об этом, проследив однажды за ним, чтобы посмотреть, куда он мог так регулярно ходить каждый день, и вскоре я понял запах. Ну, было ясно, что по какой-то причине он не хотел, чтобы кто-нибудь знал об этом бизнесе, поэтому, когда я намекнул на это, понимаете, он сказал мне ничего не говорить об этом деле и дал мне доллар, чтобы я помалкивал, в то время как он по-прежнему регулярно, каждый день, ходил в то место, где они встретились, и часами сидел вместе.

‘ Я ничего не знаю ни о тех историях, которые он рассказывал девушке, ни о том, что обещал ей, но этот негодяй обманул ее, я знаю так много. Рэндольф, так звали англичанина, жил в больших городах, где практикуются всевозможные пороки и зло, как мы с вами знаем, товарищи, возможно, он не считал это таким уж преступлением, каким это показалось бы некоторым другим; но это неважно, вскоре после этого он предал ее и бросил, и я не заставил себя долго ждать, потому что, хотя я был мальчиком, я знал кое-что, чего, как думал англичанин, я не знал, и когда я увидел, что он начал покидать поляну другой тропой, я понял, что это не так. Я понял

все это и сказал ему об этом по секрету; он предложил мне денег, но я отказался от них и сказал ему, что индеец никогда не прощает обиды и что ему придется за это пострадать. Я сказал ему, что если она не отомстит за себя, то есть сотня ножей, которые сделают это за нее, да, и найдут его, спрячут, где он будет. Но, видите ли, он совсем не обращал на меня внимания и по-прежнему оставался поблизости.

- Ну, шло время, и однажды я вышел со своим ружьем поохотиться и оказался совсем рядом с тем местом, где обычно встречались Рэндольф и Келмонд, и, внезапно подойдя к нему, я увидел на месте индейскую девушку, которая плакала так, как я никогда раньше не видел индейцев, потому что они суровая раса, вы знаете, товарищи по команде; ну, я не мог не предложить ей все утешения, какие только умел, и, видите ли, она знала, откуда я родом, и поэтому спросила меня о здоровье Рэндольфа и тому подобном, но я не мог не утешить ее. никогда, ни единым словом не упрекнула его за весь его обман. Ты бы разрыдался, увидев, как эта бедная, убитая горем девушка расспрашивает о том, кто ее предал, со всей теплотой привязанности, которая никогда не сможет угаснуть. Есть что-то странное, товарищи, в женской любви; Я никогда много не плавал в этих широтах, но я видел тех, кто плавал, и я могу сказать, от себя лично, что я никогда не мог найти способы сам, бросать инициативу так часто, как хотел бы. Так было и с этой прекрасной индианкой; ее сердце по-прежнему было привязано к тому, кто превратил ее путешествие на всю жизнь в сплошное страдание.

Так вот, с того часа дикий цветок гор увял, как сломанный тростник, пока у ее сестры Комеоке не пробудились подозрения, и она наконец не рассказала ей обо всех своих страданиях. Она выслушала это без единого слова мести и сделала все, что могло подсказать ее доброе сердце, чтобы сделать так, чтобы ее дорогой сестре было как можно удобнее. Так вот, через несколько дней после того, как она рассказала свою тайну сестре, бедная, красивая, но с разбитым сердцем девушка, как корабль без компаса, говорят, сошла с ума; во всяком случае, она забралась на самую высокую часть Холиока, где длинная острая скала выступает из склона холма и смотрит в сторону долины, и бросилась с огромной высоты на камни внизу. Ее отец нашел ее тело на следующий день искалеченным и разорванным на куски. Ее сестра тоже посмотрела на ее мертвое тело, а затем произнесла глубокое, ужасное проклятие своего племени в адрес того, кто стал причиной этих разрушений. Она не пролила ни единой слезинки, так сказал мне впоследствии краснокожий воин, но ее дух не спал — она была возбуждена, и индейская кровь текла в ее жилах.

Перед заходом следующего солнца, товарищи, Рэндольф упал возле дверей дома, где остановился, пронзенный в сердце отравленной стрелой, и через несколько мгновений сестра Келмонда встала рядом с ним и рассказала, зачем была послана эта стрела — сказала ему, что он предстанет перед индейским Богом вместе с Келмондом, что он будет изгнан в грязные, душные болота, в которых обитают злые, в то время как добрые бродят по счастливым охотничьим угодьям благословенных. Что ж, товарищи, Рэндольф умер от этой смертельной раны, и я, со своей стороны, могу смело сказать, что он не заслуживал жизни. Сестра была отомщена, и Комеоке стала женой великого храбреца.

Вскоре после этого я покинул окрестности, приехал в Бостон и вышел в море; но я видел людей из поселения, которые говорят, что история на этом не закончилась, потому что в любую ясную лунную ночь в полночь можно увидеть фигуру индейской девушки на той высокой скале, что племя часто приносит жертвы ее духу, но все же каждую ночь он появляется на скале.

- Вот, товарищи, моя правдивая история об индианке из Холиока.

Фортуна - непостоянная богиня, и теперь она угрожала покинуть Фанни в величайшей нужде. Маленькая флотилия быстро приближалась к берегам Кейп-Кода, когда впередсмотрящий прокричал обычное сообщение о появлении судна. Все на борту "Констанцы", а также призы, баркас и корабль, знали о ненадежности своего нынешнего положения, поскольку теперь они приближались к побережью, которое буквально кишело крейсерами противника. Были приняты все меры предосторожности, какие только подсказывало благоразумие, чтобы усилить это небольшое вооружение, но восемь бойцов на судне, будь оно даже так хорошо вооружено, мало что могли дать против обычного военного корабля самого маленького класса с его полным набором людей. Это они прекрасно знали, и ни одно усилие, какое только могла придумать изобретательность, не оставалось неиспробованным, чтобы сделать доступным все, что могло бы помочь им в случае нападения. Все оружие было заряжено в два раза больше, и было сделано все, что могла сделать бдительность. Услышав крик, который мы объявили, на наблюдательном посту все были настороже. Было утро, дул свежий и попутный ветер, и все надеялись бросить якорь этой ночью в тихой маленькой гавани Линна, где команда убедилась, что капитан бросит свои сухопутные снасти. День был ясный и холодный, и ледяные ветры северной зимы вдвойне ощущались теми, кто находился на борту "Констанцы", и призерами, которые так недавно покинули более мягкие южные широты.

Странный парус оказался бригом примерно того же тоннажа, что и "Констанция", и, очевидно, судном, находящимся в ведении короля, с британским флагом на гафеле. Она смело вступилась за "Констанцию", которую ее люди, по-видимому, обнаружили примерно в то же время, когда ее заметили американцы, и вскоре открыла огонь из пистолета неповиновения. Ловелл, видя надвигающуюся опасность, подошел к бригу на расстояние оклика, когда Фанни приказала ему, а также Герберту отделиться друг от друга, но стоять в своем порту, не замечая королевского судна, сказав, что нет смысла рисковать потерей своих призов, и что она каким-нибудь образом выберется из беды или, во всяком случае, отвлечет внимание врага от барки, пока они не уберутся восвояси.

Ловелл оказался перед дилеммой — он не осмеливался ни послушаться приказа ради примера, ни даже на мгновение усомниться в правильности приказа, и ему не оставалось ничего другого, как подчиниться ему, что он и сделал с большой неохотой, и все же с полной уверенностью, что Фанни все устроит к лучшему.

Таким образом, барка и корабль взяли курс на порт, в то время как Фанни, приказав поднять руль, повернула бриг по ветру в надежде обогнать крейсер. Враг уже приблизился на такое расстояние, чтобы показать свою силу, а также ясно показать ей, каков был ее враг. Бригом оказался "Дельфин" с двенадцатью пушками и примерно пятьюдесятью матросами. Ей не хватало полного состава, так как по приказу адмирала несколько человек были отправлены на один из самых больших кораблей на станции.

Капитан "Дельфина", увидев, что суда разделились, понял, что он должен выбрать одно из них в качестве цели для своих амбиций и что он не может поставить все три в такое положение, чтобы их поимка стала вопросом вероятности. Некоторое время было потеряно на выбор, но в конце концов он решил, что "Констанция" наиболее достойна его почестей, и немедленно пустился за ней в погоню.

Одна из самых захватывающих вещей, которые только можно себе представить, - это погоня в море. Моряк никогда не перестает желать большего ветра, забывая, очевидно, что та же сила, которая толкает его собственное судно, помогает и судну его противника; и когда два судна примерно одинакового тоннажа, увеличение их скорости в зависимости от силы ветра должно быть почти, если не точно, в одинаковом соотношении. В то время дул очень свежий ветерок, и все же Фанни не переставала желать большего.

Таким образом, два судна проверяли свои ходовые качества в течение почти трех часов, когда стало ясно, что противник, более способный быстро управлять своими парусами, имел значительное преимущество перед "Констанцией" и что он быстро ее догонял. Ветер усилился до резких порывов, и Фанни пришлось сворачивать парус за парусом, пока бриг не понесся вперед, как стрела, по ветру, под плотно зарифленными марселями, кливером и гротом, в то время как "Дельфин", способный в любой момент убрать паруса, был более отважен, и парус держался, и таким образом шел рука об руку с "Констанцией".

Теперь было очевидно, что спасения нет или, по крайней мере, без боя, и Фанни решила, что сделает это, хотя против пятидесяти у нее было всего восемь человек. Море теперь поднялось так высоко, что, к счастью, о посадке на борт не могло быть и речи. Сообразительная Фанни прекрасно понимала это, и она надеялась, что, возможно, это обеспечит ей безопасность, позволив сражаться на расстоянии, где восемь ее людей смогут получить некоторое преимущество перед тяжелым оружием в средней части корабля.

Ветер усилился, и "Констанция" теперь летела над морем только с двойным зарифленным марселем, чтобы выровнять курс и занять место рулевого. "Дельфин" приближался с едва ли менее устрашающей скоростью и бежал почти под голыми шестами; но, обнаружив, что его враг теперь увеличивает дистанцию, капитан "Дельфина" сбил риф со своего единственного распущенного паруса и вскоре снова догнал "Констанцию". Фанни не заставила себя долго ждать, убедившись, что преимущество, которым она обладала над своими бывшими врагами, в равной степени имело место и в настоящем случае, ибо, хотя на "Дельфине" было двенадцать пушек, ни одна из них не соответствовала по калибру оружию "Констанции" в средней части корабля, а на данном расстоянии от нее вообще не было никакой пользы.

Это было ужасное зрелище - видеть, как эти два судна несутся вперед по бушующему океану, невзирая на противоборствующие стихии, и, по-видимому, нацелены только на уничтожение друг друга. Почти любой другой офицер на службе его величества предпочел бы позаботиться о безопасности своего собственного судна в такую бурю, какая царила сейчас; но капитан "Дельфина" был из тех, кто так легко не сдавался. Он гордился своим мастерством морехода и, хотя устраивал все поудобнее, все же не спускал глаз с погони, полный решимости не терять ее из виду, чтобы, по возможности, избежать ее. Время от времени, по мере возможности прицеливаясь, "Дельфин" вел огонь по "Констанце", но с небольшим эффектом или вообще без эффекта, в то время как команда американского брига стреляла только в те моменты, когда они были вполне уверены в своей цели, и, таким образом, они уже учинили ужасную расправу над корпусом и такелажем "Дельфина". Для этого требовалось два человека у руля "Констанс", таким образом, Фанни оставалось всего шесть человек из команды, чтобы управлять судном и обслуживать оружие в средней части корабля. Столкнувшись с этой дилеммой, Фанни остро ощущала нехватку дополнительных мужчин и в течение некоторого времени сама занималась всеми легкими делами на палубе. В этот момент, когда этот факт сильно врезался ей в память, на

палубе появилась дородная фигура помилованного англичанина, которому разрешили спуститься вниз по его собственной просьбе, чтобы он не участвовал в войне против своих соотечественников.

"Капитан Ченнинг, - сказал он, - я не могу сражаться против моего короля, но если вы прикажете этим двум людям отойти от штурвала, я буду служить вам верой и правдой".

Это была важная должность, и Фанни с благодарностью приняла щедрое предложение от человека, чью жизнь она так недавно спасла, и он принял назначенную ему должность, беспрекословно подчиняясь пожеланиям Фанни. Это было немалым подспорьем для нее, и, переложив управление постановкой на него, она сама руководила постановкой пьесы.

Если бы Ловелл мог видеть ее там, с этим благородным презрением к опасности, сияющим на ее лице, когда она наблюдала за подъемом и зыбью моря, прицеливаясь в Дельфина, и прикладывая спичку собственными руками; если бы он увидел ее тогда, с обнаженной головой навстречу бушующей стихии, но хладнокровно отдающую приказы людям, он бы подумал, что она вдохновлена Небесами. "Длинный том" под руководством команды "Констанцы" уже нанес смертельный удар по борту противника; по удивительному везению, было произведено почти ни одного выстрела, и эта устрашающая точность поразила даже капитана "Дельфина", который, хотя и вел непрерывную стрельбу, все же причинил мало вреда преследователям на том расстоянии, на котором они находились друг от друга.

- Вот бы мне иметь на борту двадцать человек, Брейс, - сказала Фанни тому, кто теперь был ее помощником, - чтобы мы могли захватить вон тот бриг; мы могли бы это сделать, сэр, если бы он только продержался до тех пор, пока шторм не утихнет, если бы у нас было столько людей, - и глаза Фанни заблестели при мысли о "еще одном призе".

- Ему не нравится эта пушка, сэр, потому что, видите ли, капитан Ченнинг, он отклоняется от курса так далеко, как только осмеливается, из-за северо-западного ветра и шторма.

— Левый борт, сэр, - сказала Фанни своему верному рулевому. - Мы находимся на нужной для нашего удобства дистанции и должны ее сохранять, мистер Брейс.

- Мне тоже так кажется, сэр, - сказал помощник капитана, наводя ружье.

Таким образом, "Констанция" фактически начала занимать позицию преследователя, в то время как "Дельфин" пытался убраться из досягаемости разрушительного длинного тома. Фанни Риэлти начала испытывать гордость победительницы, несмотря на опасности, которые все еще окружали страшную бурю.

Давайте посмотрим, что происходило на борту "Дельфина".

‘ Мистер Миллман, ’ сказал командир королевского корабля своему второму помощнику, ‘ держите его подальше на один-два румба; эта проклятая единственная пушка мятежника потопит нас, если мы не уберемся за пределы ее досягаемости. Еще немного, сэр, успокойтесь, чтобы она это перенесла — держите ее так - это хорошо.

‘ Трое моих лучших людей убиты, и дюжина попала в руки хирурга от этих проклятых осколков и железной дробы, ’ размышлял капитан вполголоса. ‘ Кто мог все это предсказать? Эй, там, кто-

нибудь еще ранен? - обратился капитан к офицеру, который подошел доложить об эффекте последнего выстрела с "Констанцы", поразившего "Дельфин" прямо посередине борта.

- Пара лучших коек освобождена для круиза, сэр, а на главной палубе есть желоб глубиной в два дюйма, и все это одним шариком!

Это был второй выстрел, о котором ему доложили; пятеро его лучших людей погибли, а хирургическая палата наполнилась ранеными.

- Черт бы побрал этого пирата-мятежника, - сказал командир "Дельфина". - Кто когда-нибудь знал, что выстрел может произвести такой эффект при таком волнении и в такую проклятую бурю?

‘ Держите ее подальше еще на одно очко, мистер Миллман, ’ сказал капитан своему помощнику. - С такой скоростью этот негодяй убьет всю команду, а я не смогу нанести ни единого удара.

- Боюсь, она не выдержит еще одного замечания, сэр, - рискнул вмешаться лейтенант. - она и так ужасно напрягается, сэр.

- Тогда держите судно таким, какое оно есть, сэр, если сможете, - прорычал капитан, - и этот чертов негодяй не потопит нас до наступления ночи.

В выстреле с "Констанцы" действительно была ужасающая точность, и в каждом выстреле присутствовала та исключительная удача (если мы можем назвать удачей то, что приносит в жертву человеческую жизнь), которая иногда следует за бросками игрока, который какое-то время кажется уверенным в каждой партии и высоких цифрах — так было при выстреле с американского брига. Почти все они были рассказаны с пугающей точностью на палубе "Дельфина". Казалось почти чудом, что артиллерия может быть такой точной в таком море, но так оно и было, и это было фатально.

Капитан "Дельфина" бушевал, как самая настоящая буря вокруг него, при таком необъяснимом положении вещей, пока, наконец, не подошел к мистеру Миллману, стоявшему у руля, и сказал: "Мистер Миллман, мы должны спустить вон ту штуковину", указывая на английский флаг, который хлопал и потрескивал, как пистолетный выстрел, на грот-мачте. - бриг уже дает течь от одного из этих проклятых выстрелов. И к тому же в такую бурю.

-Забастовка, сэр? - изумленно переспросил лейтенант.

- Только на время.

‘ А! Я понимаю, сэр; уловка, вот и все, я полагаю.

- Мистер Миллман, - продолжал капитан, - они не могут подняться на борт, если бы, ради Бога, они могли попытаться это сделать, - сказал он, сжимая кулак.

- Скоро наступит ночь, сэр.

- Верно, тогда мы сможем идти своим путем.

Необходимые приказы были отданы, и гордый флаг старой Англии был снова смиренно спущен на простую сосну, которая все еще развевалась на мачте "Констанс", она прекратила свой

огонь, и все заботы команды были направлены на то, чтобы сохранить бриг в безопасности до тех пор, пока шторм не утихнет.

Вскоре густая тьма скрыла Виктора и приз друг от друга, в то время как шторм все еще бушевал со своей дикой яростью почти до утра, когда постепенно утих. Утро выдалось ясным и холодным, и Фанни смогла разглядеть своего недавнего противника примерно в трех милях с наветренной стороны от "Констанции", и с этого расстояния она легко могла разглядеть, в каком изношенном состоянии ее мачты.

- Если бы он знал, - сказала она мистеру Брейсу, - что ему придется сражаться всего с полудюжиной человек, мы бы все равно заставили его напасть на нас в поисках ближней каюты; но я думаю, что с него довольно нас, а эта железная штуковина посреди корабля заставит его держаться подальше, если сможет.

Едва эти слова прозвучали на борту брига, как реи "Дельфина" были выровнены, паруса подняты, и через несколько минут он быстро рассекал воду по направлению к тому месту, где стояла "Констанция".

- А, мистер Брейс, враг приближается из-за очередного кустарника, - сказала Фанни, - и снова развевается Георгиевский флаг, или у меня нет глаз; этот парень видел в свою подзорную трубу, как слабы мы здесь, на борту.

‘ Верно, сэр, на этот раз парень настроен серьезно, и скоро мы доберемся до него вплотную. Тогда все будет кончено, капитан Ченнинг.

- Отойдите и присмотрите за пистолетом, мистер Брид; мы будем держать его подальше как можно дольше, сэр.

На "Констанце" также были подняты все паруса, чтобы попытаться вырваться из страшной тесноты, которая должна была сделать победу врага несомненной. Она легко отскочила под воздействием свежего бриза, и ее враг медленно приближался к ней, в то время как длинный том снова совершал экзекуцию на палубе "Дельфина". Плохо обстояло дело с малочисленной командой "Констанс", которая не смогла должным образом выровнять свои паруса, чтобы воспользоваться ветром; и хотя "Фанни" пыталась перерезать такелаж своего врага и таким образом замедлить его скорость, все же "Длинный том", достаточно необычный корабль, который совершал такие замечательные поступки во время шторма, теперь, когда наступил относительный штиль, оказался гораздо менее эффективным, хотя, как мы уже говорили, выстрел все же произвел некоторое впечатление на палубу "Дельфина". Вскоре выстрел из более мелкого металла противника начал отдаваться на снастях "Констанс", и, следовательно, ее плавание сильно замедлилось, в то время как "Дельфин" быстро приближался к ней.

‘ Мистер Брейс, ’ сказала Фанни, подзывая к себе помощника капитана, ‘ скоро мы окажемся в непосредственной близости от врага. Теперь у меня и в мыслях нет уступить бриг даже тому большому количеству людей, с которыми нам приходится там сражаться, не продав наше право и титул за солидный аванс.

- Я готов и желаю, сэр, сделать все, на что способна пара рук, - сказал усердствующий помощник.

‘ Я знаю это, сэр, ’ последовал ответ. "У меня есть план, с помощью которого мы сможем, по крайней мере, уменьшить количество наших врагов, если не избавиться от них полностью — возможно, мы сможем прогнать их этим путем, если он полностью увенчается успехом".

- Что вы хотели сделать, сэр?

- Прикажете перенести все эти шесть карронад на корму, прямо сюда, на подъем шканцев, выстроить их в линию, направленную вперед, так, чтобы они полностью охватывали палубу.

‘ Зарядите их пулями, и по паре мелких в каждую, и убедитесь, что они хорошо заряжены; зарядите их до дула, сэр. Повесьте поперек палубы прямо перед ними большую полосу брезента, которая полностью скроет их из виду; убедитесь, что вы закрепили ее так, чтобы ее можно было сбросить в любой момент, будьте осторожны, сэр.

- Я понимаю, сэр, - сказал мистер Брейс.

- А теперь будь живее, нельзя терять ни минуты.

‘Ay, ay, sir.’

Пока выполнялся этот приказ, "Дельфин" быстро приблизился к "Констанции", все, что он мог сделать в своем искалеченном состоянии, было хорошо подготовлено; и Фанни могла видеть по курсу, которым управлял ее капитан, что он намеревался поставить суда вдоль борта, на нее. Это подтолкнуло ее к осуществлению своего плана, и она крикнула помощнику капитана: "У вас все готово, мистер Брейс?"

‘Ay, ay, sir.’

Курс "Констанцы" был изменен, и, смело лавируя, она шла прямо на "Дельфин", пока не перевернулась на четверть правого борта, проводя своим бушпритом по палубе противника. Через мгновение было видно, как капитан королевского корабля поднимается на бушприт "Констанс", а за ним почти два десятка членов его команды, вооруженных абордажными пиками и саблями. Как только два судна сцепились друг с другом, Фанни спрыгнула за только что возведенный брезент, где уже собралась небольшая команда брига и была скрыта от врага.

Капитан и команда "Дельфина" сразу же бросились на бак "Констанции", но там они остановились, так как видимого врага, с которым можно было бы бороться, не было, и, опасаясь какого-то тайного нападения, они собрались поближе друг к другу, как бы для большей безопасности, но тем самым невольно увеличивая собственную опасность.

По слову Фанни, пока они находились в таком положении, полотнище холста было отброшено, и в тот же момент к шести пушкам были поднесены спички! Опустошение было огромным! По меньшей мере две трети неприятеля, взошедшего на борт брига, были убиты на месте, в то время как из остальных едва ли один остался без ран. Тот, кто получил выстрел из шести пушек, заряженных до дула порохом и дробью, действительно произвел ужасающий опустошение! Те из врагов, кто мог удержаться на ногах, видя, что вокруг них убито и умирает так много их товарищей, опрометью бросились обратно на палубу своего корабля, но, заметив слабость команды "Констанс", возобновили атаку и захватили палубу в рукопашной схватке.

Пистолет Фанни унес жизнь одного из врагов, а другой был приставлен к груди капитана "Дельфина", чья шпага тоже была занесена для удара, когда оба остановились в изумлении, уставившись друг на друга. Рука Фанни, державшая пистолет, опустилась, и меч ее врага выпал, не причинив вреда! - Фанни Кэмпбелл!

-Капитан Бернет!

- Воскликнули оба, произнося имя друг друга.

Изумление обоих было полным.Присутствие духа ни на минуту не покинуло Фанни, но, подойдя к капитану "Дельфина", она сказала:

- Ради Бога, не принимайте меня за женщину.

- Но могу ли я верить своим глазам? - изумленно спросил Бернет.

- Им незачем тебя обманывать, - сказала Фанни.

- А вы здешний капитан? - спросил он.

- Была, пока ты не поднялся на борт, - сказала Фанни, галантно отдавая свой меч победителю.

— Но... но... — нерешительно начал Бернет.

- Я все объясню, когда мы останемся одни, - сказала Фанни.

Ее провели в личную каюту капитана Бернета, а призовую команду всего из четырех человек разместили на "Констанце", в то время как все пленники были освобождены, и большинство из них доставили на борт "Дельфина". Эти заключенные из-за необходимой суровости своего заключения не могли работать и даже едва могли ходить. Таким образом, четверо мужчин, помещенных на борт "Констанцы" вместе с двумя заключенными, которые были признаны трудоспособными, под присмотром помощника капитана "Дельфина" составили весь экипаж, который можно было сохранить. Бернет не мог позволить себе большее количество людей, поскольку его недавнее столкновение стоило ему более двух третей всего его личного состава. У него осталось всего десять матросов для управления его собственным судном, и поскольку они находились так близко от порта, он не сомневался, что бриг будет легко загнан в гавань. Поэтому он отплыл и оставил ее следовать за ним в Бостон.

Едва "Дельфин" отбросил свою добычу так далеко за корму, что практически потерял ее из виду, как барка и корабль, изменив курс, вернулись посмотреть, как "Констанция" преодолела шторм и скрылась из виду. Они быстро разобрались в положении дел и снова стали хозяевами брига! Ловелл узнал подробности всего дела от англичанина, которого Фанни простила.

Свидетельства ужасной резни на баке "Констанции" все еще были видны, и Ловелл и Герберт рассматривали их с немалым интересом.Первый очень боялся за Фанни и действительно был наполовину обезумевшим от сожаления; но им не оставалось ничего другого, как взять курс на Линн-харбор, что и сделали все три судна, причем у Ловелла и Герберта было тяжело на сердце из-за того, что им предстояло нести победу; и первый с радостью отказался бы от всего, чтобы снова безопасно заключить Фанни в свои объятия.

Так нить нашей богатой событиями истории плелась по широким водам моря, в то время как на суше и в маленькой деревушке Хай Бок, Линн, друзья и родственники Фанни Кэмпбелл, за

исключением ее родителей, никогда не переставали гадать об истинной причине ее отсутствия. Ее родители, хранившие этот предмет в строжайшей тайне, придавали этому делу еще больший оттенок таинственности, что заставляло нервничать добрых старушек и деревенских сплетников в целом. Действительно, мистер и миссис Кэмпбелл сами, не колеблясь, выражали чувство страха, как бы с ней не случилось чего-нибудь плохого, но при этом делали вид, что они действительно не знают, куда она ушла, поскольку таково было прямое желание Фанни, и обещание, полученное от ее родителей, что они не раскроют ее тайну, было свято соблюдено, когда она покидала свой дом. Один или двое, зная о факте заключения Уильяма Ловелла, проницательно предположили, что ее отсутствие каким-то образом связано с этим делом; но каким именно образом, никто не знал.

"У меня каждый день возникают предчувствия, что бедняжка Фанни никогда больше не увидит своего дома"5, - сказала ее мать своему супругу однажды вечером, когда обе тихо сидели с открытой перед ними Библией, которую они, как обычно, читали вслух, "прежде чем отправиться отдыхать на ночь".

- Давай уповать на Небеса, жена, это святое дело, которым она занимается, но я тоже опасаясь за ее безопасность.

— Бедное дитя, она даже не рассказала нам, как ей предстоит совершить путешествие, - сказала мать, - хотя, конечно, без защиты.

‘ Ну, жена, я бы доверил Фанни там, где не хотел бы, более старшей и опытной руководительнице. Она странная девушка и, помимо своих книжных знаний, имеет хорошее представление об обычных вещах. Я очень верю в ее рассудительность, иначе я бы никогда не согласился, чтобы она покинула нас, хотя она была так настойчива и полна решимости в этом вопросе.

- Да хранит ее Небо! - воскликнула мать, подняв глаза к небу.

- Аминь, - горячо добавил отец.

"Это была бы романтическая история, если бы ей это удалось", - сказала мать, и ее лицо озарилось новой надеждой, хотя для этого не было ни малейшей причины, кроме ее собственных мыслей.

"Да, провинция Бэй никогда не давала такого хорошего сюжета для романа, даже во времена древних индейцев", - сказал отец.

- Прошло два месяца с тех пор, как она ушла от нас, - сказала мать.

- Да, и, возможно, мы надеемся получить от нее весточку хотя бы до истечения следующей недели.

- Насколько я помню, она назначила срок своего возвращения через три месяца.

‘ Что, в конце концов, займет совсем немного времени, ’ продолжал отец, ‘ даже если бы судно находилось исключительно в ее распоряжении. Но, видите ли, она в любом случае должна провести какое-то время на острове, а затем, независимо от того, добьется ли она успеха или нет, она должна дожидаться какого-нибудь судна, идущего в Бостон из этого порта.

- У нас много шансов против нее, - серьезно вздохнул старик, вороша угли в очаге.

-О! это было безумное предприятие", - сказала мать Фанни, сейчас такая же удрученная, какой она была несколько мгновений назад в приподнятом настроении, и по такой же веской причине, как и прежде, и никакой другой.

- Это еще предстоит выяснить, жена.

— Ты говоришь это, чтобы утешить меня, такую робкую, вот и все, Генри.

"Я не знаю, - сказал муж серьезно и отчасти самому себе, - но я все еще очень верю в Фанни".

- даруй ему Небеса истинную веру.

- Аминь, - снова сказал отец.

И после обычной молитвы к престолу благодати, в которой часто и горячо упоминалось имя Фанни, добрая пожилая пара удалилась в свою скромную кроватку отдохнуть после дневных трудов и вскоре погрузилась в спокойный и освежающий сон, который трудолюбие и бережливость обеспечивают скромным людям.

ГЛАВА VIII.

ВЫСОКИЙ СКАКАТЕЛЬНЫЙ СУСТАВ. ГАДАЛКА МОЛЛ ПИТЧЕР. ПРИБЫТИЕ ПРИЗОВ. ФАННИ И КАПИТАН "ДЕЛЬФИНА". ЗАЯВЛЕНИЕ. ОСКОРБЛЕНИЕ. ЗАЩИТА. УДАЧНЫЙ ПОБЕГ. ПРИБЫТИЕ ДОМОЙ. ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ.

Ни один американец не может или, скорее, должен быть незнаком с основными событиями, которые побудили парламент Великобритании в 1774 году наложить те ограничения на бостонский порт, которые так разрушили его торговлю и пробудили у жителей Колоний истинное чувство их угнетения. Хорошо известно, что города Линн, Салем и Портсмут с благородной решимостью отказались воспользоваться положением своих соседей, поскольку Бостонский порт находился фактически в блокаде. По этой причине уже в только что названную нами дату и до весны 1776 года, когда британская армия эвакуировала Бостон, редко можно было увидеть полотнища какого-либо другого судна, кроме того, которое носило королевский

вымпел и бороздило воды Массачусетского залива. Фактически прекратились все отрасли торговли, и перспективы провинции Бэй, как назывался Массачусетс, носили самый мрачный и зловещий характер.

Это было ясное холодное утро ранней весны, всего через несколько дней после эвакуации Бостона приспешниками короля и парламента, изгнанными из своих кварталов пушками континенталов, установленных на Дорчестерских высотах. Ясный пронизывающий холод нашей северной зимы все еще сохранялся, словно не желая уступать место более теплоту сезону, который вскоре должен был последовать. Рыбаки из деревушки Хай-Рок с нетерпением ожидали возвращения сезона, который снова призвал бы их к активной службе. Зимний запас провизии начал казаться опасно малым, и все вокруг напоминало мужчинам, что время возобновить свое смелое ремесло быстро приближается. Все сети были починены, лески обновлены, и все их рыболовные снасти находились в хорошем состоянии. Лодки, затянутые во временные укрытия, воздвигнутые для этой цели на берегу, были заново натянуты, их швы хорошо просмолены и надежно защищены от стихии, которая должна была нести их на своей груди, — все было готово к открытию сезона, которое должно было скоро наступить.

Как мы уже говорили, было ясное холодное утро, когда группа этих рыбаков, нетерпеливо ожидавших наступления указанного нами времени, была замечена поднимающейся по крутому склону Высокой Скалы. Едва они достигли его вершины, как их взоры устремились к морю, где они, очевидно, увидели какой-то объект, представляющий интерес и удивление для всех них.

‘ Какое судно, находящееся на службе Конгресса, - спросил один из рыбаков, - может быть здесь в это время? Их не так много в действии, чтобы позволить им совершать увеселительные круизы вдоль побережья.

‘ Это чистая правда, - сказал тот, к кому обращались, - и я не могу сказать, что это за суда. Ты можешь разобрать цвета?

- Бриг поднят под континентальным флагом, - сказал первый оратор.

- А ее спутники - вообще никто, - сказал другой.

- Я бы сказал, бриг - вооруженное судно.

- Да, и барка с кораблем, я бы сказал, тоже, - заметил другой, отодвигая от глаза маленькую подзорную трубу.

‘ Что-то эти британские негодяи затевают, - сказал первый оратор. "Но Вашингтон завладел городом, и они не получают его снова в спешке, это совершенно очевидно".

‘ Этот бриг бывалый, - сказал он, приложив к глазу подзорную трубу. ‘ Его рангоут и такелаж сильно изрезаны. Я бы скорее предположил, что два паруса с ней были призами; она похожа на военного человека, а? что вы думаете, соседи?

"Да, да, немного не в себе, с этими граблями на мачтах, конечно", - сказал один.

— Полагаю, вы правы, полагаю, вы правы, - сказал другой.

Три судна — бриг, барка и теплоход — по-прежнему стояли в бостонской гавани. Резкий, холодный воздух, казалось, придавал более глубокий оттенок синевы морю, над которым в этот

момент ярко и тепло сияло солнце, словно пробуждаясь от своего долгого зимнего сна. К маленькой группе, которая первой увидела странные паруса, теперь присоединилась половина деревни, и все они сгорали от любопытства при виде открывшегося перед ними зрелища.

Среди остальных стояла необычно выглядящая женщина. Она была обычного роста, хорошо сложена, с довольно красивыми чертами лица, и ей было около двадцати шести лет. Ее платье свидетельствовало об необычности ее фантазии, и пока вы не увидели чистоту ее красивого лица, вы могли бы принять ее за служанку-индианку, но частично цивилизованную; ее костюм представлял собой странное сочетание индейской одежды Америки и цыганской одежды Европы. В ее кротких карих глазах была, так сказать, пустота, в ее манерах чувствовалась бездумность, безразличие, что указывало на определенную степень умственной абстракции. Ее лоб уже был слегка наморщен от заботы, и в целом она представляла собой в высшей степени необычный объект.

Вскоре рассказывается ее история. Она была скромного, но благородного происхождения и, будучи в нежном пятнадцатилетнем возрасте непревзойденной красоты как фигурой, так и лицом, английский офицер высокого ранга, но распутница в душе, увидел ее и был очарован ее красотой.

Он влил яд маслянистого красноречия в ее юное и ничего не подозревающее ухо; он завоевал ее доверие и сердце, погубил ее, а затем бросил! С этого часа она стала другим существом, она ушла из своего дома и, в конце концов, в своем полубезумном состоянии прибегла к гаданию и благодаря своей проницательности и странностям обрела достаточную жизненную силу.

Это была широко известная Молл Питчер, предсказательница судьбы Линн!

Ее маленький коттедж находился совсем рядом, и, движимая тем же духом, который привлек сюда стольких других людей, она взобралась на вершину высокой скалы и смешалась с остальными. Многие бостонские красавицы более позднего времени слушали ее странные и, конечно, правдивые истории о тех временах, о которых мы сейчас пишем, или с трепетом слушали ее предсказания о благе или горе. В частности, моряки на протяжении многих миль вдоль побережья охотно отдавали дань уважения линнской ведьме, в своей простоте веря, что по ее доброй воле они приобрели для себя безопасность от опасностей моря. Во время осады Бостона Молл Питчер несколько раз оказывал существенную помощь в получении информации об операциях противника, его целях и планах, а затем передавал ее в Вашингтон. Конечно, ей хорошо платили золотом за информацию, полученную таким образом на личный риск, но часто слышали, как генерал Вашингтон говорил, что Молл не будет работать за *британское* золото, хотя она и не отказывалась от оплаты колонистам секретной службы, которую она оказывала американской армии. Последующая история и жизнь этой необычной женщины слишком хорошо известны среди нас, чтобы требовать дальнейших комментариев.

- Молл, - фамильярно обратился к ней один из группы, - кто эти незнакомцы там, в сосудах?

- Время покажет! - последовал ответ.

- Да кто в этом сомневается?

- Насколько мне известно, нет, - последовал рассеянный ответ предполагаемой ведьмы.

‘ Но разве ты не можешь сказать нам, Молл, своим искусством, кто они на самом деле? друзья или враги, негодяи или честные люди?

"Дай мне золото, и я попробую!" - последовал ответ.

- Нет, нет, Молли, мы всего лишь задали тебе дружеский вопрос, как другу, а не в связи с твоим ремеслом.

- И я ответил как друг.

‘ Ну же, ну же, Молл, ты сегодня какая-то унылая. Выскажи нам свое мнение сейчас, и я обещаю тебе первое блюдо из свежей рыбы; за тебя заплатят; теперь будешь говорить, женщина?

"Этот бриг стоял в бостонской гавани пару месяцев назад, - сказал один старый рыбак остальным. - Я знаю его по оснастке".

- Как тебе это, сосед? - вмешался кто-то рядом. - бриг есть бриг, и чтобы отличить один бриг от другого на таком расстоянии, потребовались бы глаза получше, чем у тебя или у меня.

‘ Да, но разве вы не видите, какая короткая грот-мачта по сравнению с носовой? Она была именно такой, когда я заметил ее в Бостонской гавани, в тот день, когда мы заходили туда, сосед Кэмпбелл.

‘ Все это, без сомнения, чистая правда, ’ продолжал спрашивающий. ‘ но что она здесь делает, если это так? Должно быть, тогда это был британский бриг, а теперь на нем поднят флаг колоний.

- Это, конечно, странно, - сказал другой.

Три судна, которые так возбудили любопытство людей на скале, при попутном ветре и развевающихся парусах направились к Грейвсу, как тогда назывался бостонский нижний фонарь, служивший входом во внешнюю гавань.

Внезапно все трое, словно движимые инстинктом или ведомые одной рукой, смело взяли курс на Север и направились к полуострову Нахаут. Это вызвало еще большее удивление у тех, кто наблюдал за ними со скалы.

Но прошло всего полчаса, прежде чем три судна обогнули скалистый берег окованного железом полуострова и вскоре бросили якорь в маленькой гавани Линна, на расстоянии кабельтова от берега. Паруса были свернуты, обычная рутинная работа выполнена, и каждая веревка уложена на свое место. Стебли изящно покачивались в сторону берега вместе с набегающим приливом, и там стояла "Констанция" и два ее приза, в безопасности в порту. Цель путешествия была достигнута, по крайней мере, в освобождении пленников; но был один, чья свобода была принесена в жертву.

Вскоре берега были запружены любознательными жителями, которые, не видя никаких проявлений враждебности, смело спустились к берегу, чтобы выяснить, какое дело могло привести чужаков в их тихую маленькую заводь для якорной стоянки. Велико было изумление добрых людей, когда они увидели, как с первой лодки высаживается Уильям Ловелл, долго отсутствовавший заключенный, которого все они считали потерянным для них навсегда. Он всегда был их любимцем, и теперь, когда он приземлился, воздух огласился приветственными

криками. Теплыми и искренними были поздравления этих издававших виды моряков и рыбаков. Ни одна рука не сжала тогда руку Уильяма Ловелла, но охотно пошла бы далеко, чтобы оказать ему услугу.

Давайте теперь поднимемся на борт "Дельфина" и посмотрим, как поживает наша героиня.

Вскоре Бернет вернулся в свою каюту и завел с Фанни разговор о ее странных и почти необъяснимых приключениях. Фанни покраснела до краев, когда капитан Бернет увидел ее в мужском наряде, потому что он сказал, как это сделал Ловелл, что никогда не видел ее более интересной. Ни один из них с трудом осознавал факт своего прежнего дружеского положения и своего нынешнего отношения друг к другу. Это казалось сном, слишком диким и призрачным, чтобы быть правдой.

- И все твои вопросы и размышления в тот вечер, когда ты рассказал мне о заключении Ловелла, были связаны с ожиданием всего этого?

- Мне показалось странным, что вы так подробно разбираетесь в вопросах навигации и курса, которым следует следовать к Кубе, а также во многих других вопросах.

- В то время я предложил себе сделать то, чего с тех пор добился, - захватить бриг и освободить Уильяма.

- Ты в высшей степени необычная девушка, Фанни.

- Ты часто говорил мне это раньше, - ответила она.

‘ Но я никогда не говорил тебе, как сильно я тебя любил, ’ с воодушевлением сказал Бернет. ‘ Ты доказал, что способен справиться с любыми трудностями. Что ж, Фанни, твоя история - романтика; никакая сказка не превзойдет ее по экстравагантности, и все же все это правда. Ты освободила Ловелла, пусть это тебя удовлетворяет. А теперь, Фанни Кэмпбелл, ты станешь моей женой? ’

‘ Это великодушно, мистер Бернет? Разве я не ваша пленница? ’

- Нет, Фанни, я *твой* пленник, ибо в твоих руках мое будущее счастье.

Бернет, который сначала искал Фанни просто как игрушку, как нечто, радующее его воображение, теперь действительно любил ее и с радостью сделал бы своей законной женой. Его положение и чин, а также большое состояние, которым он обладал, давали ему право на союз, выходящий далеко за рамки сферы, в которой работала и родилась Фанни; но восхищение ее героизмом и его прежнее знание ее характера, а также красота ее внешности определили его, и он с радостью сложил бы все к ее ногам.

‘ Мистер Бернет, ’ сказала Фанни, ‘ я уважала вас, нет, испытывала к вам искреннее расположение, но я никогда не смогу любить вас так, как подобает жене. Мне есть за что, очень за что вас поблагодарить; вы поступили очень благородно по отношению ко мне, предоставив мне преимущество вашей обширной информации, потакали всем моим фантазиям и были мне больше, чем братом. Вы высокородны, имеете звание капитана от короля и богаты, удостоены чести; такой мужчина заслуживает соединения с женщиной, которая будет всецело предана

ему, которая сможет подарить ему свою безраздельную любовь. Мистер Бернет, я не та женщина!"

- И все же ты ангел, - пробормотал капитан, опускаясь на стул и, закрыв лицо руками, рыдал, как ребенок.

‘ Вставай, Бернет, - сказала Фанни. ‘ перед тобой открыт путь к славе. У тебя есть ранг, возможности, все необходимое, что приведет тебя к почестям и отличиям. Фанни всегда будет молиться за тебя.

Он взял ее послушную руку и прижал к своим губам, говоря:

‘О! каждое произносимое тобой слово все яснее показывает мне, что я потерял. Да, ты говоришь правду, - сказал он, смахивая слезу с глаз, - слава должна стать моей будущей возлюбленной; я не могу любить никого другого.

В этот момент послышался легкий стук в дверь каюты, и лейтенант "Дельфина" объявил, как ему было приказано капитаном, что они как раз заходят в бостонскую гавань. Капитан, появившийся на палубе, вскоре обнаружил, что королевский флот отчалил и что над городом развевается американский флаг. Наблюдая за этим, он пришел к очень правильному выводу, что английская армия эвакуировала город во время его круиза у побережья. "Дельфин" был поставлен на якорь во внешней гавани, и команда занялась переоборудованием судна, чтобы оно могло следовать за флотом, а также ожидать прибытия приза, который они оставили, чтобы следовать за ними. Бернет почти не думал о возможности ее побега или возвращения в плен. Потратив несколько часов на переоборудование, Бернет решил больше не ждать приза, а выйти, чтобы увидеть его и познакомиться с ним.

Как раз в тот момент, когда он принял решение, ему вручили отчет хирурга. Он был готов к большим потерям в численности своего экипажа, но не к такой большой жертве, какая, как он теперь видел, была принесена; он лично изучил этот вопрос и испытывал немалый страх за свою репутацию из-за того, что с ним так жестоко обошлись полдюжины мужчин под командованием женщины. Его чувства были еще более измучены проверкой, которую он затем произвел, состояния судна, находящегося под его опекой.

Когда он проходил среди раненых и слышал их вздохи и стоны, его чувства были тронуты, а разум взволнован сильнее, чем когда-либо, во время или после начала боя с "Констанцией". По своему характеру Бернет был несколько нервным и возбудимым, и теперь он был полностью под контролем этих влияний. Он вглядывался в горизонт в том направлении, откуда ожидался приз, и который давно должен был появиться, — но тщетно; ее не было видно, и хотя он чувствовал за нее некоторую тревогу, ему и в голову не приходило, что ее могут отвоевать, главной причиной его опасений на этот счет было то, что он, возможно, упустит ее ночью, и что если она, не сознавая опасности, бросит якорь в бостонской гавани, то неизбежно снова попадет в руки колонистов, и у него не будет даже щепки, чтобы удержать ее. покажите, сколько ужасающих людей он потерял в последнем соревновании за приз.

Он не осмелился оставить свою нынешнюю якорную стоянку, поскольку уже было очевидно, что его заметили, и можно было ожидать нападения лодки с берега ночью, если бы он попытался дожидаться прибытия своей добычи. В свою подзорную трубу он увидел, что для этой цели уже делаются приготовления, и поэтому решил, как мы уже говорили, отплыть и, если возможно,

встретить "Констанцию" или, возможно, спрятаться в гавани на безопасном расстоянии до утра. Казалось, все сбивало его с толку и раздражало, и он действительно едва приходил в себя.

Ночь была темной и холодно окутала "Дельфина". Слуга зажег лампу в каюте, и Фанни сидела, листая книгу, которую нашла на столе, когда вошел Бернет. Он был похож на другое существо, не похожее на него, которое покинуло ее совсем незадолго до этого. Его разочарование от того, что город оказался в руках колонистов, его собственная добыча не прибыла, отчет врача о слабом и неполноценном состоянии экипажа, разочарование в его привязанностях - все это вызывало угрюмое и ожесточенное состояние чувств, которое сразу же проявилось на его лице и в манерах.

- Фанни, - сказал он, фамильярно приближаясь к ней, - я не могу расстаться с тобой без какого-либо знака твоей доброты.

- Мистер Бернет, - сказала Фанни, с удивлением глядя на него.

- Иди сюда, сядь, - сказал он, фамильярно увлекая ее к кушетке, стоявшей в углу каюты.

Фанни посмотрела на него с величайшим изумлением. Она увидела холодное, намеренное злодейство на его лице; она прочла и правильно перевела выражение его глаз и сразу поняла, какой может быть ее судьба.

‘ Мистер Бернет, отпустите меня, ’ попросила она, пытаясь высвободиться из рук, обхвативших ее за талию. "Я и мечтать не мог о таком от человека, которого я так сильно уважал; более того, относился как к брату".

- Говорю тебе, Фанни, я нуждаюсь в твоей благосклонности, - сказал Бернет, все еще прижимая ее к себе.

- Бернет, - сказала Фанни, - я умоляю тебя освободить меня.

- Клянусь Небом, я не могу, - страстно возразил Бернет.

- Помни, - сказала Фанни, все еще сопротивляясь, - помни, что я твоя *пленница*— полностью в твоей власти. Нет, тогда, - продолжала она, - хотя я и женщина, я не беззащитна!

Собрав все свои силы, она отпрыгнула от него и добралась до дальней части каюты.

- Держись подальше, - сказала Фанни, боясь поднять тревогу, чтобы не выдать себя команде "Дельфина", и оглядываясь по сторонам в поисках спасения; наконец глаза ее заблестели, когда, казалось, ее осенила какая-то мысль.

‘ Я честно прошу тебя держаться на расстоянии, ’ сказала Фанни, когда он снова приблизился к ней. - Потому что я способен и буду защищать себя сам!

Но Бернет снова схватил ее и попытался сковать ее руки. В то же мгновение ее правая рука поднялась над головой и быстро опустилась на грудь Бернета, который тут же отшатнулся и упал на кушетку. Фанни с минуту смотрела на него, заперев дверь каюты, затем вернулась к окнам, выходящим на море, пролезла в одно из них, бесшумно спрыгнула в лодку, прикрепленную к корме, и, отвязав ее, тихо взялась за весла. К счастью, прилив благоприятствовал ей, и она быстро плыла к городу, которого вскоре благополучно достигла.

Рана Бернета была серьезной и едва не оказалась смертельной, потому что кинжал Фанни был острым и вонзился глубоко. Его корабль немедленно отплыл к месту встречи в Нью-Йорке, где находилась остальная часть флота. Здесь у него началась опасная лихорадка из-за раны. Но часто он втайне благодарил Небеса за то, что пострадал он сам, а не Фанни. Он глубоко сожалел о безрассудстве, которое руководило им и послужило причиной того поведения, которое он проявил; это было глубокое и горькое разочарование. Теперь, когда он пришел в себя, он глубоко сожалел о своем поведении и написал Фанни Кэмпбелл, заявив об этом и попросив у нее прощения. Он также сказал ей, что должен по-прежнему любить ее так, как любил с тех пор, как они впервые встретились.

Мы уже говорили, что Фанни быстро понесло в сторону города, когда она покинула "Дельфин", и что она благополучно добралась туда. Она добралась до берега и в поисках транспорта направилась к своему дому. Той ночью она встретила друзей, родителей, возлюбленного и всех остальных. Более счастливой встречи еще не было, можете нам поверить.

"Разве я не говорил тебе, жена, - сказал отец, - что я очень доверяю Фанни и что я доверился бы ей там, где не захотел бы оказаться?"

- Да, и здесь самый подходящий сюжет для романа, какой только могла предложить провинция Бэй, даже во времена индейцев или французской войны.

‘Верно, верно; конечно, как мы счастливы; и подумать только, что девушка переоделась в мужскую одежду и обманула их всех, даже самого Уильяма на какое-то время, и это было странно, хотя они так давно не виделись. Теперь, если бы мы прочитали это в романе, мы бы сказали, что автор рассказывает очень неправдоподобную историю; но здесь все это правда, и от этого никуда не деться’.

‘О, она замечательная девушка, наша Фанни; и Уильям говорит, что вся команда любила ее так же, как того ирландца в соседней комнате, и он готов согласиться с тем, что она святая, а вовсе не мужчина. Он не знает о ее маскировке и тоже об этом не подозревает.’ Терренс Муни лежал на удобной кровати в соседней комнате, еще не оправившись от тяжелого осколочного ранения, полученного в последнем бою на борту "Констанс"; но он был в надежных руках и быстро поправлялся. По его собственным словам, это стоило того, чтобы по крайней мере раз в год получать осколок в бедро, жить с таким комфортом и получать такое доброе отношение.’ Заключенные, содержащиеся на борту судов, были доставлены в Бостон и переданы главнокомандующему как военнопленные. Вместе с ними Уильям Ловелл как агент Фанни, или, как он был обязан представлять ее в штабе, капитана Ченнинга, также передал большое количество оружия и боеприпасов, которые были взяты у врага для использования врагом и в качестве подарка. Однако было сохранено достаточное количество вооружения и амуниции, чтобы приспособить бриг для использования в качестве капера, поскольку таким образом он намеревался присвоить его после получения каперских свидетельств от Конгресса.

Фанни и ее семья испытывали некоторые опасения, касающиеся совершенных ею захватов, поскольку, строго говоря, она привлекла себя к ответственности за пиратство, а Фанни, в глазах закона, на самом деле была Женщиной-капитаном пиратов. Но никто не выдвинул такого обвинения, а если бы и выдвинул, капитана Кэмпбелла нигде не могли найти, потому что только ее семья знала эту тайну.

Мы уже говорили, что заключенных этапировали в Бостон. Нам следовало бы исключить помощника капитана, получившего вторую премию, — помилованного англичанина, который был принят в семью Кэмпбеллов до тех пор, пока не представится благоприятная возможность отправиться домой.

Удивлению Теренса Муни, который не смог найти своего горячо любимого капитана после выздоровления, не было предела; но он рассказал обо всем в своем обычном стиле, и это также оказалось совершенно удовлетворительным, по крайней мере, для него самого.

‘ Я всегда говорил, что капитан - святой дух, ’ сказал Терренс, ‘ так оно и было, в конце концов, а не человек. Конечно, он не выполнил работу, за которой пришел, и какой смысл ему оставаться здесь дольше? Хотя он мог бы просто пожать мне руку и попрощаться с тобой, Терренс Лунатик, мой мальчик. Да, мне совершенно ясно, что он приехал прямо из хивена, чтобы помочь мне похоронить старую женщину и освободить американцев.

"Терренс, он был настоящим *джентльменом*, не так ли?" - спросил англичанин, которому было адресовано вышесказанное и который случайно узнал секрет относительно Фанни, но был связан клятвой хранить тайну.

- Послушай, друг, - сказал Терренс, хлопая его по плечу и лукаво оглядываясь, не подслушивают ли его кто-нибудь еще, - я верю, что этот дух вселился в жену мистера Ловелла, потому что она такая красивая, что моим глазам становится приятно смотреть на нее, и это так напоминает мне о доброте и всем остальном, присущем капитану Ченнингу, как его звали, что, черт возьми, если бы однажды я не обнаружил, что плачу, когда она давала мне овсянку, когда меня тошнило от этой маленькой царапины на бедре, и лежит вон в той маленькой комнатке".

‘ Это была довольно серьезная рана, Терренс, и ты перенес ее как мужчина, и ошибки быть не могло’, - сказал его друг, англичанин. "Я видел, как пожилые мужчины вздрагивали под ударами меньших размеров и гораздо менее болезненно".

‘ Спасибо вам, хотя это ваши друзья дали мне его, - сказал ирландец. Для нас это была довольно хорошая работа, каждый человек получил двести долларов призовых, не говоря уже о подарках. Завтра мы все снова отправляемся на бриге с дюжиной человек в придачу. Миссис Ловелл собирается остаться со своим мужем, а я, как вы знаете, выступаю кем-то вроде квартирмейстера. Уверен, что с бригам ничего не случится, пока эта роскошная дама Капитана на борту.

- Надеюсь, что нет, - сказал англичанин, задумчиво отворачиваясь.

- О, на это точно нет никакой надежды, - сказал Терренс.

Здесь мы можем заявить, что англичанин добрался до своего дома и семьи в течение двенадцати месяцев.

Так оно и было, и добрый бриг "Констанция", ныне "Фанни" (так Ловелл назвал ее в честь своей жены) был переоборудован и укомплектован полным экипажем, а Ловелл стал его капитаном. Фанни, по ее собственным просьбам, было разрешено сопровождать его, и она была не только его спутницей, но и советчицей во многих упорных состязаниях. Фанни взяла несколько ценных призов и, к счастью, спаслась сама, не причинив серьезных повреждений. Таким образом, во время объявления мира стоимость захваченных трофеев и разумно вложенные деньги

обеспечивали солидный доход, после чего Ловелл и его благородная жена на некоторое время удалились, чтобы насладиться сладостями семейного счастья.

ГЛАВА IX.

ПОКОЙ, ПРОГУЛКИ НА ЯХТЕ ДЛЯ УДОВОЛЬСТВИЯ, БАРК FAIRY, ЕГО НАЗНАЧЕНИЕ И УБРАНСТВО. ПОСЕЩЕНИЕ МЕСТ, СВЯЗАННЫХ СО СТАРЫМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ. ОСТРОВ МЭН И ИРЛАНДСКОЕ МОРЕ. ФАННИ И ЛОВЕЛЛ СЛУШАЮТ РАССКАЗЫ КУБРИКА, КОТОРЫЕ ЗАИНТЕРЕСУЮТ ЧИТАТЕЛЯ, ОБ ЭТОМ РАНДЕВУ ЗНАМЕНИТЫХ ФЛИБУСТЬЕРОВ АНГЛИИ И КОНТИНЕНТА. ЗАПЛАНИРОВАННАЯ ЭКСКУРСИЯ По СУШЕ.

Мир пришел со всеми его улыбками и прогнал мрачный дух войны, который так долго хмурился над колониями Северной Америки, ныне признанными свободной и независимой нацией. Узы были разорваны, ребенок сразу же достиг зрелости и всех связанных с ней обязанностей и забот; но он находился под божественной опекой духа мира и особым руководством самой Свободы; с такими покровителями она, несомненно, процветала, и о том, как она процветала, пусть свидетельствует нынешнее состояние Союза. Пусть двадцать миллионов свободных людей, которые сейчас населяют эту землю, скажут свое слово. Из нежного растения мы выросли в большой и могучий дуб, ветви которого раскинулись далеко и близко и под защитой тени которого могут укрыться миллионы людей.

Мы можем сказать, что снова воцарился мир со всеми его улыбками; Фанни и ее муж наслаждались домашним хозяйством и были трижды счастливы в любви друг к другу, любви, которая была доказана в бурях и затишьях, в мире и раздорах. Привычка, насколько сильную власть она приобретает над самой нашей природой; насколько незаметен, но несомненен прогресс, который она постепенно совершает, привязывая нас к своим путям, и насколько она уверена в своем конечном успехе в приведении нас, к добру или ко злу, к своей высшей и неоспоримой воле. Фанни, вкусившая волнений жизни в море, много месяцев жившая на его груди как дома, прониклась к нему горячей любовью, как, кажется, всегда бывает к морякам. Это чувство отразилось в груди ее мужа, ибо Уильям Ловелл был моряком во всех смыслах этого слова и тоже тосковал по волнениям, к которым привык.

- Уильям, - сказала Фанни в один прекрасный вечер, когда они сидели у собственного камина, - я думаю, мы могли бы любить друг друга так же сильно, если бы принадлежали к той стихии, в которой мы оба добились такого успеха.

- Я не вижу причин для обратного, Фанни, - сказал Ловелл.

- Тогда давай еще раз выйдем в море, муж мой, хотя бы для того, чтобы совершить прощальный круиз по владениям старого седого Нептуна.

- От всего сердца.

-И когда это произойдет?

- В любое удобное для вас время.

- О, это будет прекрасно, теперь не нужно остерегаться врагов, но я так хорошо к этому привыкла, что не знаю, стала бы я сожалеть, если бы это было так.

- Как мы поедем, Фанни? - спросил я.

- Это должно быть наше собственное ремесло, потому что я бы отправился именно туда, где нам может показаться приятным.

- Верно, нам нужно обзавестись яхтой.

- Пусть это будет что-нибудь маленькое, такое, с чем справятся несколько рук, Уильям; мы будем сами себе хозяева.

- Да будет так.

- Ты же знаешь, какое судно я люблю; я бы сделал его опрятным, как леди в воскресенье, и таким же изящным, как любое прогулочное судно; доверься нашему суждению в вопросах безопасности.

- Я куплю тебе такую, которая своей красотой станет настоящим домашним животным.

Таким образом, было решено, что они снова отправятся в морское путешествие; прошло около шести лет с тех пор, как они оставили свою морскую жизнь, и они долго и часто думали о том, чтобы вернуться к ней снова, о своей жизни в океане, но ни разу они не заговаривали об этом до того, как Уильям Ловелл немедленно занялся надлежащими приготовлениями к приобретению красивой прогулочной яхты для этой цели, и, поскольку у него ни в коей мере не было недостатка в средствах, это было легко достигнуто. Был предоставлен маленький катер, похожий на фею, который сидел, как птица на воде, и почти так же быстро прокладывал себе путь в своей родной стихии, как птица в своей собственной. Мало найдется предметов более красивых, чем красивый сосуд. Один груз весом около двухсот тонн может быть изготовлен таким образом, чтобы сочетать в себе все изящество и красоту формы и любой необходимый комфорт, не будучи слишком громоздким или тяжелым для того, чтобы легкие и нежные зефиры разлетались веером над морем, или таким большим, чтобы выглядеть громоздким.

Это был как раз тоннаж яхты Фанни, и она назвала ее "Видение", настолько сказочной и красивой она была во всех отношениях.— Буровая установка была несколько живописна и в некоторых отношениях сочетала в себе странную, но изящную и своеобразную оснастку Средиземного моря с более естественным и надежным устройством наших собственных вод. Она сразу показала, какой у нее характер, прогулочная яхта, и она была из тех, кто получает удовольствие во всех смыслах этого слова. Это была парусная шхуна с некоторыми

дополнениями особого характера, о которых мы уже упоминали. Видение было обставлено со всей роскошью, какую только могло обеспечить богатство Ловелла, и все помещения были приготовлены для той, кто должна была стать его Хозяйкой. Диваны и подушки с богатыми и изящными драпировками были расставлены так же богато и с таким же хорошим вкусом, как и в ее гостиной дома. О кладовой хорошо заботились, и такие грузчики, включая этого честного парня Терренса Муни, были лично выбраны Фанни за их аккуратные привычки и опыт. Экипированный таким образом, "Вижн" в один прекрасный день отплыл из гавани Линн в неизвестном направлении.

Океан — это место для волнений - там нет монотонности, но достаточно перемен; в тот момент, когда вы доверяете себя его груди, вы становитесь искателем приключений, и ваш опыт начинается. Вам нужно бороться со штормом, и вы счастливы, если справитесь с ним, не став его жертвой. Вам нужно следить за приливами и течениями, подстраивать паруса под ветер и нередко отражать натиск какого-нибудь отважного вездехода. Все это превратности океана, и насколько глубоко моряк привяжется к непостоянной стихии, как Фанни и ее муж.

Мы посетили мягкие тропические моря Вест-Индии, еще раз осмотрели замок Моро, еще раз посетили старую якорную стоянку без гавани и саму тюрьму, в стенах которой содержался Ловелл, и каждое посещение вызывало новый интерес и возросшее желание исследовать.

После обновления своего волшебного корабля "Вижн" смело направился через великий океан на северо-восток и не убирал парусов до тех пор, пока не бросил якорь в Гибралтере. Оттуда она вошла в великое внутреннее море - Средиземное. Они посетили ее порты и древние достопримечательности, вместе побродили по этой классической стране щедрой природы, мягкой, солнечной Италии и таким образом вместе провели много месяцев за приятным занятием.

Появление американской прогулочной яхты в тех далеких морях вызвало немалое восхищение. По сравнению с большими громоздкими судами, бороздившими воды вокруг нее, она выглядела всего лишь жалкой ракушкой, птицей. Она расстелила большое количество брезента, который, выступая над ее низким и изящным корпусом, скрывал его по большей части из виду, когда она была на ходу.

Подобно бриллианту в броши, остров Мэн расположен в самом центре Ирландского моря, на полпути между смелыми берегами Англии, Шотландии и Ирландии. Это жемчужина Острова, и даже в те дни, о которых мы пишем, он мог похвастаться одним или двумя столь же прекрасными замками и старинными поместьями, как и сама старейшая часть Англии. В то время он не зависел ни от одной из окружающих держав, но казался нейтральной территорией, где все могли встретиться по амнистии; и только сравнительно поздно он полностью перешел во власть и владение английской короны, которой он сейчас принадлежит. В те дни это было романтическое место, ставшее пристанищем самых отважных контрабандистов и флибустьеров того времени. Стимулы для контрабанды из этого хорошо известного места были велики и давали работу нескольким отважным личностям, чьи большие прибыли от их опасного ремесла с лихвой компенсировали им постоянный риск, с которым они сталкивались в своих ночных путешествиях от острова к берегам Солуэя, где контрабандисты обычно выгружали свои товары.

И здесь мир и время сотворили почти чудо. В наши дни место, некогда служившее местом встречи флибустьеров, стало местом немалого коммерческого значения, превратившись в

военный и военно-морской склад для многочисленных рядовых и многочисленные квартиры британской армии и военно-морского флота. Его плодородная почва и высоко возделанные земли, аккуратные коттеджи и замечательные дороги являются образцом современного благоустройства. С самой высокой точки этого острова в Ирландском море в ясную погоду посетителю открывается вид на три объединенных Королевства Великобритании. "Вижн" проплыл вдоль побережья и, желая увидеть это широко известное место, направился к его западной стороне и теперь стоял на якоре в одной из его тихих бухт.

Была ясная лунная ночь — Ловелл сидел на палубе, вдыхая аромат своего сигара; рядом с ним сидела Фанни, увлеченная созерцанием прекрасного пейзажа вокруг, освещенного серебряными улыбками луны. "Видение" мягко поднималось и опускалось на волнах Ирландского моря, стоя на якоре.

Внезапно на корме послышались голоса команды, примерно восьми прекрасных, энергичных парней, которые разговаривали вместе. Ловелл слышал, как они предложили одной из них сплести пряжу, на что он согласился.

- Жена, - сказал он Фанни, - давай выйдем вперед и послушаем рассказ, это скоротает час.

- От всего сердца, Уильям.

Они вдвоем придвинули свои шезлонги поближе и, усевшись, выслушали следующую историю. Это было рассказано старым обветренным моряком, который, очевидно, много повидал соленой воды и обладал немалым умом.

"Давай, Скребок для неба", - сказал один из них. "Вперед, все чисто". Команда называла его так из-за того, что он был намного выше своих товарищей, мужчина около шести футов.

- Да, да, товарищи по столу, - сказал он, первым делом пополняя свой фунт.

"Небесный скребок" после нескольких предварительных раздумий наконец приступил к работе. Мы не приводим его точный язык, который был настолько перемежен морскими иллюстрациями и лексикой, что, если бы мы это сделали, читатель не смог бы его понять".

‘ Что ж, товарищи, вы видите, как мы стоим здесь прямо сейчас, и луна смотрит на нас, и эта бухта, и земля неподалеку, и количество склянок, которые мы только что сосчитали, — все это напомнило мне дни, когда я ночь за ночью отплывал с этой самой якорной стоянки к Солуэю на самом надежном судне, какое когда-либо ходило по морю. Настоящим снортом был дерзкий маленький Дельфин, скажу я вам, товарищи по столу.

— Ну, вот видите - могла быть именно такая ночь, как эта, и так оно и было, и мы лежали как раз здесь, где сейчас находится наземная снасть Видения, примерно в этот час, где-то около 1772 года. Это был трехмачтовый люггер "Дельфин", и он был одним из самых милых существ, которые когда-либо плавали, всегда сохраняя Видимость, ’ сказал старый деготь, приподнимая свой брезент в честь маленького суденышка, на котором он плавал. ‘ Она весила около ста пятидесяти тонн и сидела низко и глубоко в воде. Она была выкрашена в черный цвет, а по талии проходила единственная белая полоса, прерываемая с обеих сторон парой портов. Наш капитан был благородным парнем, и я помню, как он выглядел, когда прогуливался по шканцам в тот вечер. Он был несколько ниже обычного роста, товарищи, но выглядел капитаном с головы

до ног. Вокруг талии у него был широкий пояс, за которым он всегда носил пару абордажных пистолетов и короткую саблю для рубки и колющего удара.

- Корабль снят с якоря, - сказал капитан в свою трубу.

Пятьдесят самых прекрасных парней, которые когда-либо управлялись с "марлинспайком", бросились выполнять приказ, в то время как свисток боцмана разносился в тихом ночном воздухе, а капитан расхаживал по шканцам.

"Мы пришли в себя, сэр", - говорит первый Лафф капитану.

"Разворачивайтесь, сэр. Поворачивайте и тяните", - сказал капитан, поскольку все на борту делалось по правилам военного человека.

Якорь был поднят и уложен, широкие крылья, которые всегда носят с собой люгеры, были расправлены одно за другим, и милое суденышко, грациозно изгибаясь, словно кокетка, семенящая перед своим возлюбленным, взяло курс под облаком парусины на Солуэй.

- Я был четвертым канониром, и мое место находилось недалеко от шканцев, и я слышал, как капитан сказал своему второму помощнику сразу после того, как мы обогнули вход в бухту неподалеку отсюда:

"Мистер Меррик", так звали Парня.

"Мистер Меррик, - сказал капитан, - я думаю, что у нас, вероятно, возникнут проблемы в этом ночном путешествии. Как я понял от моих агентов, поступили разведданные относительно характера нашего быстроходного судна, и я боюсь, что на борту "Дельфина" произошло предательство.

"Я с трудом верю в это, капитан, - сказал Лафф, - хотя у людей было достаточно свободы на берегу". И так, конечно, и было, поскольку большинство из нас побывало в Карлайле и Кесуике.

- Они знают правила поведения на корабле, мистер Меррик, - сказал капитан, - и знают, как вознаграждается предательство. Пусть команда спит с открытыми глазами, сэр, возможно, у нас найдется для них работа.

На палубе была выставлена вахта, и я был среди них; остальные легли спать, все были готовы к немедленному отправлению на службу. Наш груз был контрабандой, причем ценной, и целью капитана было благополучно высадить его ночью и вернуться с большой земли на остров до наступления утра.

‘ Итак, товарищи, вы видите, что люггер держался прежнего курса, пока не обогнул северную оконечность острова, когда капитан, который еще не покинул палубу, обнаружил по правому борту судно, неясные очертания которого едва можно было различить вдаль, так как оно было наполовину скрыто ночным туманом; но вскоре мы разглядели, что это небольшой военный шлюп под легкими парусами. Курс "Дельфина" был изменен на один или два пункта севернее, чтобы держать парус на таком расстоянии, если это возможно, чтобы он не мог обнаружить нас. Это было достаточно просто, потому что, видите ли, люггер был очень маленькой штукой по сравнению со шлюпом, и к тому же, я думаю, на его палубе было не так уж много вахтенных. Наш

капитан сказал, что это произошло раньше, чем они ожидали, и поэтому мы благополучно сошли на берег, соблюдая тишину.

“Мистер Меррик, ” сказал капитан после того, как он отошел довольно далеко и больше не было необходимости молчать, “ мистер Меррик, отведите всех по местам. Мне нужно сказать им несколько слов”.

Не было особого смысла будить команду, учитывая, что в это время почти все они были на палубе. Ибо, как только они узнали, что в поле зрения появился странный парус, они бросились вверх, чтобы взглянуть на него, думая, что, возможно, мы можем столкнуться с ними: Что ж, нас отвели по трубам в каюты, и все было тихо, как мертвая — каждая маленькая команда стояла у своего орудия, и наконец капитан заговорил.

“Ребята, ” сказал он, именно так он всегда обращался к нам, “ ребята, большинство из вас видели тот странный парус, мимо которого мы прошли в течение часа. Знаете ли вы, что ничто, кроме предательства, не могло привести ее туда, прямо на ночной курс "Дельфина"? кто-нибудь из вас может высказаться.

“Это действительно выглядит очень подозрительно, ваша честь, - сказал я, - но я содрогнусь, если поверю, что у нас на борту есть кто-то, кто слишком любит ”дерзкого дельфина“ и вашу честь, чтобы сыграть с ними злую шутку”.

“Имело место предательство, - сказал он, - есть ли кто-нибудь из моей команды, кто может назвать наказание?”

“Смерть на рее”, - говорили матросы, съеживаясь под взглядом капитана, потому что он привык видеть человека насквозь.

“Мой долг, - сказал капитан, “ ревниво следить за вашими интересами и за своими собственными. Я никогда не обманываю вас, мои люди; предатель понесет свое наказание, даже если я буду преследовать его до подножия трона. Достаточно — теперь за ваш долг. Вскоре мы достигли берегов Солуэя, и нескольких часов было достаточно, чтобы выгрузить наш груз такими умелыми руками, какими нам пришлось это сделать, и вскоре весь груз был на пути вглубь страны, далеко от досягаемости этих наземных акул, налоговых инспекторов.

Но самая большая опасность была еще впереди, товарищи, потому что, видите ли, хотя груз и был выгружен, люгер должен был каким-то образом укрыться в маленькой бухточке, где мы сейчас стояли. Луна, казалось, действительно светила вдвое сильнее, чем обычно, как будто просто для того, чтобы побеспокоить нас; потому что, видите ли, если бы не было так светло, ночной туман, который всегда висит над морем и здешними берегами, скрыл бы нас от врага. Но едва люггер был снят с якоря, как крейсер снова был обнаружен, лежащим почти на полпути между английским и ирландским побережьями, на том самом курсе, которым должен был следовать "Дельфин". Капитан нашего люггера был спокоен и собран, как священник, и матросы, видя это, тоже были весьма отважны, и им было наплевать на королевский корабль. Теперь мы быстро приближались друг к другу, как вдруг с моря донесся оклик: —

“Что это за судно?”

Наш капитан знал, что все время, которое он мог выиграть, стоило нам очень дорого, потому что ему пришлось выдержать испытание широким бортом крейсера, и, таким образом, все, что он

получил до того, как он начал стрелять, - это, скорее всего, спасенное множество жизней на борту люггера. Поэтому, чтобы выиграть время, он пробормотал в ответ на приветствие что-то непонятное, но, судя по всему, вполне добросовестное. Ну, видите ли, это было бесполезно, только для экономии времени, как я уже сказал, поэтому шлюп окликнули снова.

“Какой у тебя ответ?”

Мы двигались по воде со скоростью десять узлов и уже почти поравнялись с крейсером, который, сменив курс, теперь шел тем же курсом, что и мы.

“Что это за судно?” — спросил командир шлюпа. - “отвечайте, или я выстрелю в вас?”

На этот оклик ответа не последовало, и выстрел из пушки крейсера, пробивший грот нашего люггера, показал, что он действовал серьезно. В ответ на это наш капитан собственноручно нацелил наше тяжелое орудие в середину корабля, и пуля снесла фок-мачту "Йорка", так был назван крейсер. Ответом на выстрел был яростный бортовой залп с крейсера, и он произвел ужасный опустошительный эффект среди легких и красивых рангоутов и такелажа "Дельфина". Наше вооружение состояло всего из четырех небольших орудий и тяжелого орудия в середине корабля, вращающегося на оси, и оно было сделано из более тяжелого металла, чем любое орудие на борту "Йорка". Наш капитан сам управлял этим орудием и наводил его, и вскоре он своим выстрелом снес фок-мачту "Йорка", приведя в замешательство команду противника и беспокоя их из-за пушек. На борту "Йорка" было шестнадцать пушек и около ста человек личного состава. Теперь она некоторое время не могла отвечать на наш огонь, потому что фок-мачта завалилась на борт вместе с большей частью своего снаряжения вдоль батареи левого борта, где мы лежали, и то, как мы тем временем обстреливали их, не было медленным.

Мы оба были так запутаны в наших снастях, что почти не продвигались вперед, и теперь нас поднимало и опускало на морских волнах, вплотную друг к другу. Несколько наших тяжелых снарядов попали в "Йорк" около ватерлинии, и большая часть команды была занята откачкой, так как он очень быстро давал течь. Примерно в это же время наш капитан обнаружил одного из наших матросов на фок-мачте на борту врага, и через минуту вся тайна была раскрыта; правда открылась всем нам сразу, предательство было раскрыто, и перед нами стоял предатель. Были брошены крючья, и наши жильцы ушли по трубам. Капитан в нескольких словах рассказал нам всем эту историю, и, лично возглавив нас, мы все бросились вверх по борту крейсера.

- Возьмите этого предателя, и возвращайтесь на люгер, каждый из вас, - сказал капитан, прокладывая путь к тому месту, где стоял человек. Чтобы рассказать об этом, товарищи, требуется некоторое время, но все это было сделано очень быстро, могу вам сказать, за меньшее время, чем мне требуется, чтобы сплести эту часть пряжи.

‘ Ну, видите ли, вскоре мы снова оказались на своей палубе, потому что крейсер был слишком силен, чтобы мы могли его захватить, и если бы мы захватили его, это не принесло бы нам никакой пользы, потому что мы не смогли бы справиться с ним в нашем деле. Для нашей цели "Дельфин" стоил двух таких, как она. Итак, как только мы поднялись на палубу люггера, в то время как враг все еще был сбит с толку нашим абордажем, наш капитан поднял верхние паруса, в то время как паруса "Йорка" оставались полными, а бриз как раз в этот момент посвежел, и два судна разделились. Оказавшись за кормой врага, мы дали по нему один прицельный выстрел из нашего большого ружья, заряженного картечью и мелкой дробью,

который отправил не одного бедолагу в его последний приют, а осколки разлетелись, как снежные хлопья.

Мы направились прямо к этой бухте здесь, на западной стороне, получив серьезные повреждения корпуса и такелажа в результате столкновения с королевским крейсером, в то время как он причалил к ближайшей суше на английской стороне, и выбежали на берег в затонувшем состоянии, так быстро он дал течь от нашего выстрела.

Итак, прошло совсем немного времени, прежде чем мы вернулись на нашу якорную стоянку, и вскоре, как раз в сумерках следующего дня, нас вызвал свисток боцмана, весьма нежеланный.

“Все готовы стать свидетелями наказания, эй!”

‘Человек, который предал нас, признал свою вину, расплата за его предательство была найдена при нем. Вся команда была на своих местах, все, кроме шести матросов, выбранных по жребью, которые стояли отдельно от своих товарищей; им предстояло стать палачами своего товарища по кают-компани. На корабле царила мертвая тишина; раненые внизу перестали стонать, и тиканье капитанских часов можно было услышать в любой части шканцев. Несчастный человек, которому теперь предстояло страдать, стоял, опираясь на ружье, со связанными за спиной руками и веревкой на шее. Вережка была пропущена через блок на конце рукава носовой реи и, снова спустившись на палубу, другой конец был передан в руки шести человек, выбранных по жребью.

Наш капитан посмотрел на приготовления, и через несколько мгновений, когда мы все это время ожидали, что это слово заставит его замолчать, он сказал: —

“Мои люди, после мятежа я не знаю более черного и омерзительного преступления, чем предательство. Этот человек предал нас — пусть Небеса простят его, как это делаю сейчас я. Его отвлекли от исполнения долга в недобрый час, когда он был под действием алкоголя; теперь он раскаивается, и вы увидите, как храбро он умрет — вам рассказали все особенности дела, в котором, я думаю, есть много смягчающих обстоятельств; вы его присяжные заседатели — умрет ли он? Отправим ли мы вашего старого товарища по кают-компани в вечность? Говорите, мои люди!

“Нет, нет! ” в один голос воскликнула команда. - Если капитан простит его, этого будет достаточно. Пусть его пощадят”.

“разрази меня гром, - подумал я, - если я не думаю, что человек, который мог предать такого командира и такой корабль, должен понести достаточное наказание в том, что исправит журнал своей собственной совести, а не в том, что мы отправим его на зондирование подобным образом”.

- Этот человек был прощен, и, черт возьми, товарищи по столу, если он тоже этого не почувствовал, - с немалым чувством сказал Небоскреб.

‘ Видите ли, капитан прекрасно понимал, что этот последний бой с королевским крейсером положит конец нашей игре, поэтому мы направились к французскому побережью, и симпатичный маленький Дельфин был продан Монсерам за довольно кругленькую сумму, которую поровну разделили между нами всеми. Что ж, теперь вы видите, после этого я кое-что узнал о нашем капитане, хотя больше никогда с ним не плавал. Он любил море, поэтому

отправился в Лондон и нанялся капитаном в вест-Индскую торговлю, а через несколько лет обосновался в Америке.

‘ Видите ли, товарищи, он был шотландцем по происхождению и не питал особой любви к Англии, поэтому, когда началась долгая война, которая только недавно закончилась, он предложил свои услуги Континентальному конгрессу, дело которого он поддерживал. Вскоре он был назначен капитаном благородного судна, первого в американском военно-морском флоте. С этим судном и другими, которыми ему доверили командовать, он одержал несколько самых блестящих морских побед. И позвольте мне сказать вам, товарищи, что за всю его службу у него был один верный последователь, который никогда не покидал его, и чья рука защитника дважды спасла ему жизнь в достопамятной битве "Бон Хомм Ричард" и "Сераписа", первым из которых командовал наш старый капитан. Итак, товарищи, этот человек был помилованным преступником с "Дельфина Люггера".

О капитане — Конгресс вынес ему вотум благодарности за его услуги и присвоил ему высшее звание в его профессии, в пределах его дарования, и его имя еще долго будет помнить нация в ее будущем процветании.

"Эй, Небесный Скребок, кто, черт возьми, был этот капитан?" - спросил один.

- Да, как его зовут? - спросили несколько человек одновременно.

- Вот что я вам скажу, товарищи, - сказал старый деготь, благоговейно обнажая голову при упоминании этого имени. - Это был адмирал ДЖОН ПОЛ ДЖОНС!

Фанни и ее муж выслушали эту главу из жизни великого героя военно-морского флота с немалым волнением. В этом был момент, который почти затронул их собственные чувства, и ей вспомнились обстоятельства, связанные с помилованным англичанином на борту ее собственного брига "Констанция".

Поездка по острову была запланирована на следующий день. Ловелл и его жена обещали себе это удовольствие несколько дней назад.

ГЛАВА X.

Был прекрасный, ясный день, в который они отправились на прогулку по этому прекрасному острову. Целый день прошел в осматривании его диких и романтических пейзажей, мягких и зеленых полей, развалин старых поблекших замков, и, короче говоря, время пролетело для них так быстро, пока они были заняты этим, что ночь застала их далеко от берега, да и вообще на дороге, где они оказались в полном замешательстве относительно правильного курса.

"Я поступил опрометчиво, - сказал Ловелл, - позволив времени пройти так незаметно, и вы нашли меня здесь в такой час".

- О, здесь нам, конечно, нечего бояться.

- Я не знаю, дорогая, в давние времена, да и совсем недавно, этот остров был местом сборища беззаконных и порочных личностей.

В этот момент из зарослей выбежал мужчина и направил пистолет на Ловелла.

- Чего ты хочешь от меня? - спросил он.

- Тогда отдавайте деньги и идите своей дорогой, - сказал грабитель, подходя к подножке экипажа, как будто для того, чтобы взять их.

Ловелл подождал, пока тот окажется достаточно близко, чтобы до него можно было дотянуться, после чего бросился со своего места всем весом своего тела на грабителя, внезапно повалив его на землю. Однако, падая, он разрядил свой пистолет, но тот пролетел мимо цели в направлении Ловелла, лишь задел голову Фанни, что вместе с выстрелом, поскольку он был очень близко от ее головы и направлен прямо на нее, оглушило ее настолько, что на некоторое время лишило чувств.

Борьба между Ловеллом и грабителем длилась всего мгновение. Мощное телосложение первого было слишком сильным для его противника, который, оглушенный и истекающий кровью от падения, вскоре потерял сознание. Ловелл был человеком со своеобразным темпераментом; он был не из тех, кто отпускает обидчика в любом случае, когда мог воздать ему по заслугам. Поэтому, приведя Фанни в чувство и убедившись, что она серьезно не пострадала, он связал все еще бесчувственного грабителя по рукам и ногам и бросил его в заднюю часть повозки, что-то вроде фургона, в котором они ехали, а затем поспешил дальше, счастливый, чтобы найти убежище.

Вскоре он столкнулся с этим в виде аккуратного и удобного коттеджа, где у него не возникло проблем с получением помощи и такого жилья, в котором он так нуждался. Добрая хозяйка дома любезно оказала Фанни помощь, сказав, что ее муж скоро будет дома, что он рыбак и еще не вернулся домой из двухдневного круиза. Ловелл также оказал помощь грабителю и при осмотре обнаружил, что он был ранен даже серьезнее, чем он сначала предположил, поскольку при падении получил сильный ушиб головы. Он сам перевязал его раны, будучи несколько сведущим в подобных делах, и оставил его отдыхать до утра.

Фанни вскоре оправилась от своего легкого ушиба; действительно, уже на следующее утро она была внизу, в нижней комнате коттеджа, окруженная розовощекими детьми и взрослыми мальчиками, которые называли верховную мать и этот дом своим домом. Бережливость и

трудолюбие, царившие там, вызвали у Ловелла и его жены большой интерес, поскольку это было поразительно. Дети, которых было пятеро, были одеты грубо, но с предельной опрятностью, а комнаты представляли собой само воплощение чистоты и благоустроенности. По-видимому, добрая мать действительно намекала на занятие своего мужа - рыбацкий домик; но Фанни сказала мужу: "Где можно найти истинное довольство и счастье, как не в таких обстоятельствах, как эти".

Муж и отец еще не вернулись, хотя был полдень следующего дня, когда они прибыли в коттедж. Фанни, очевидно, была достаточно здорова, чтобы уехать, но Ловеллу не терпелось увидеть отца этих ясноглазых и розовощеких детей и в какой-то степени отблагодарить его за гостеприимство, которым они пользовались под его счастливой крышей. И в дополнение к этому побуждению задержаться еще дольше, грабитель, которого он поймал и который теперь лежал, не в силах пошевелиться, в одной из комнат дома, был объявлен врачом, услуги которого были приобретены ценой немалых усилий на большом расстоянии, умирающим, и Ловелл хотел, чтобы дело было доведено до конца либо в отношении его вероятного выздоровления, либо в отношении должного внимания, оказанного ему после смерти. Несколько соседей, которых было совсем немного, позвонили, чтобы повидаться с ним, но никто не смог его узнать, и было совершенно очевидно, что он чужой в этом районе. От него нельзя было получить никаких разведанных, потому что у него было мало моментов просветления, поскольку его травмы были в основном нанесены мозгу.

Наконец, в один из таких просветлений, когда Ловелл встал рядом с ним, он посмотрел на него и, узнав, сказал: 'Я причинил тебе зло — прости меня. Шаг за шагом я шел к этому поступку, это был мой первый поступок — но разве я не слышал рядом с тобой голос, который я знал? Это прозвучало очень знакомо и навело на воспоминания о давно минувших годах.

'Я не думаю, что это может быть так,' мягко сказал Ловелл. - Дама, которая была со мной, была моей женой.

'Могу я ее увидеть?' спросил страдалец. - Я бы тоже попросил у нее прощения, потому что чувствую, что вот-вот умру.

— Я хотел бы попросить у вас прощения за то зло, которое я совершил - можете ли вы простить того, кто умирает и раскаивается?

- Я прощаю тебя от всего сердца, - сказала Фанни. - Ты просила об этом своего Создателя?

'Нет, я не смею!' сказал мужчина, содрогаясь. - Но он простит всех, кто искренне раскается, - сказала Фанни. - Я буду молиться за тебя.

И она вознесла свой низкий и музыкальный голос к своему Создателю в благочестивой христианской молитве, прося прощения для своего врага. Это было прекрасное зрелище, и Фанни никогда не казалась Ловеллу более прелестной, чем в этот момент.

- Мы ничем не можем быть вам полезны? - спросила Фанни наконец. - никаких сообщений вашим друзьям или семье?

'Никаких, у меня их нет. Мои близкие родственники мертвы — мои давние друзья давно отказались от меня! Как странно, что я так хорошо помню ваш голос, леди. Где мы могли встречаться раньше?'

‘ Ты чувствовала то же самое? ’ спросила Фанни. ‘ Первые же твои слова вызвали у меня ту же мысль. Я даже еще не выучил твоего имени.

- Это Бэннинг! - сказал мужчина.

Нескольких слов было достаточно, чтобы удовлетворить любопытство обоих относительно прошедших лет их жизни. Бэннинг впал в распущенность и постепенно пришел к тому, кем он был сейчас. Он отправился на остров, чтобы спастись от преследования своих кредиторов и полиции, и он говорил правду, когда сказал, что это был его первый шаг к жизни грабителя с большой дороги. Странная судьба, таким образом, снова свела их вместе, но таковы ее своенравные причуды, что нет ничего невозможного.

Фанни до последнего стояла у его постели и внушала ему *надежду*. Он тепло сжал руки Ловелла и его жены в своих, тех самых людей, которыми совсем недавно пожертвовал бы ради своей низменной цели, и вскоре испустил дух.

Обернувшись в этот момент, она увидела добрую хозяйку коттеджа в объятиях своего мужа, который только что вернулся и направлялся к тому месту, где она сидела с детьми.

Как только она отчетливо увидела его, она сразу же *узнала* его, в то время как он, со своей стороны, также казался смущенным внутренними воспоминаниями. Наконец, словно внезапно на него снизошел свет, он воскликнул, тепло пожимая ей руку.

‘ Капитан Ченнинг! Приветствую вас.

Читатель, это был помилованный англичанин, которого Фанни пощадила на борту "Констанс"!

После нескольких дней счастливого общения Ловелл и Фанни снова отправились на поиски колоды Vision.

Не прошло и трех недель с того дня, как "Вижн" покинул остров Мэн, как он уже спокойно стоял на якоре в маленькой гавани Линна.

Фанни и Ловелл обе были сыты по горло приключениями, по крайней мере, на какое-то время, но, тем не менее, они держали яхту в готовности к частым прогулкам по стихии, к которой оба так сильно привязались. Их состояние было достаточным, и им не было необходимости отказывать себе в этом или любом другом желанном развлечении, которое могла предложить фантазия.

Именно во время экскурсии со своим мужем, вдали от вида суши, Фанни родила своего первенца, благородного и крепкого мальчика, чье морское происхождение, несомненно, повлияло на выбор им профессии. "Вижн" был известен в нашей гавани еще несколько лет назад, и нам сказали, что не так давно он был переоборудован и продан военно-морскому флоту Венесуэлы, поскольку славился скоростью и отличными мореходными качествами. Она все еще работает там, с небольшим вооружением и командой, в качестве грузчика или разновидностигuarda costa.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Терренс Муни работал до тех пор, пока его не свела с ума преклонная старость в поместье Уильяма Ловелла, и он умер счастливым, окруженный всеми удобствами, о которых только мог мечтать, и в окружении собственных детей, которые гладили его подушку и сожалели о его уходе.

Есть еще один персонаж, которым читатель, несомненно, заинтересовался и о котором мы должны кое-что сказать, прежде чем закончить; наши собственные чувства также побудили бы нас добровольно сослаться на него, поскольку в его характере было много смягчающих обстоятельств. Мы имеем в виду сэра Ральфа Бернета из Королевского военно-морского флота.

Вскоре после того, как он оправился от последствий тяжелого ранения, он подал заявление о смене места жительства, не желая быть врагом народа, который, по его искреннему мнению, был прав и которому в глубине души он желал успеха в деле, которое их занимало. Вскоре ему приказали отправиться к английскому побережью, и он там сильно отличился в войне с французами и в нескольких других важных сражениях, пока постепенно не стал адмиралом и за какой-то доблестный поступок не был посвящен своим королем в рыцари. Он был верен своему обещанию, данному Фанни Кэмпбелл, и женился только на славе, но при этом выбрал выдающуюся любовницу, оказавшую ему полную честь.

У Ловелла было двое сыновей, которые унаследовали воинственный характер своих родителей и теперь служат своей стране в качестве офицеров в правой руке ее защиты, нашем доблестном военно-морском флоте. Эти сыновья тоже прошли действительную службу, но мы больше не будем о них говорить.

Потомки деревушки Хай-Рок все еще существуют и, как и их родители в первые времена Революции, заняты трудолюбивым и честным трудом рыбаков. Жители деревушки переместились примерно на две мили восточнее Скалы и влились в сообщество рыбаков-болотников Линна, выносливых и трудолюбивых людей. Высокая скала, твердая и непоколебимая, все еще возвышается над пейзажем, и наши путешественники часто посещают ее, чтобы насладиться обширным и прекрасным видом, который открывается с ее возвышенной вершины как на сушу, так и на море.

Я мог бы придать немалый интерес этой заключительной части моего рассказа, если бы мог провести читателя по шоссе, ведущему из Линна в Салем, где до сих пор стоит старинный особняк семьи Ловелл, окруженный благоустроенными и высоко возделанными землями, вестник прошлого. Он был построен Ловеллом, и его стиль лишь немногим уступает самому раннему образцу архитектуры в колониях; но это по-прежнему крепкий и просторный дом, со всеми удобствами, какие только может пожелать сердце. Мы знаем, что читатель, внимательно прочитавший наш рассказ, с немалым интересом посмотрел бы на то место, где Фанни, наша

героиня, завершила свои дни и где честный Терренс Муни демонстрировал свое мастерство в садоводстве, пока седая старость не отправила его на покой. Когда дела или развлечения снова призовут вас в эти окрестности, проезжая через город Линн, сверните с коммон и поезжайте по 'верхней дороге' у подножия Хай-Рока, а с его вершины вспомните "место действия" нашего рассказа; затем пройдите через ныне густонаселенную часть города под названием Вуд-Энд и, свернув на северную дорогу, снова сверните на грейт-Истерн-тернпайк, которая проходит через Салем, и вскоре вы окажетесь в поместье Ловелл. Я достаточно тщеславен, чтобы думать, что, возможно, кого-то можно побудить совершить это путешествие исключительно из-за интереса, который я, возможно, вызвал; если это так, я могу заверить их, что им щедро заплатят за этот труд. Если вы сделаете это, откажитесь от железной дороги, возьмите лошадь и повозку и будьте сами себе хозяином; езжайте, куда хотите, и возвращайтесь, когда захотите. Это независимость; к черту все железные дороги, говорю я, когда дело касается романтики, потому что, пока человек охвачен каким-то очень тонким чувством, он может очнуться от своей летаргии и обнаружить, что вагоны очень тихо тронулись и оставили его.

А теперь мы должны расстаться, любезный читатель, и терпеливый тоже, если ты следовал за нами до сих пор.

В конце нашей плохо спряденной пряжи нам остается поблагодарить вас за огромное терпение, которое привело вас к написанию этих строк. В "Фанни Кэмпбелл" мы попытались изобразить героиню, которая не должна быть похожа на любую другую, созданную фантазией; мы стремились сделать ее такой, которая вызвала бы интерес читателя, и в то же время постарались в картине не переступить скромных границ натуры. Мы стремились показать, что среди низших классов общества больше зародышей истинного интеллекта и мужества, благородства цели и силы воли, чем можно найти среди избалованных и богатых детей фортуны. Мы дали вам всего лишь скромных и настоящих людей в лице Уильяма Ловелла и Джека Герберта. В лице Терренса Муни мы лишь продемонстрировали безудержную щедрость и теплоту привязанности, которые характеризуют его соотечественников. В "Помилованном англичанине" мы нарисовали картину, которую были бы рады показать сторонникам смертной казни; и здесь мы не преувеличиваем; она верна настолько, насколько о человеческом сердце можно судить по прошлому и долгому опыту.

В лице капитана Бернета мы придали форму духу, подлинность которого мы все можем засвидетельствовать. Теплый, пылкий, легкомысленный человек полностью меняется в сердце и целях под действием странной силы любви. Мы видели в нем противоречия, из-за которых те, кого это обуревает, будут в одно время опрометчивыми и своевольными, в другое - спокойными и раскаивающимися. Из таких людей получатся великие морские герои, но плохие отцы семейств.

А теперь еще раз прощай, дорогой читатель, дорогая читательница, и на этом заканчивается наш рассказ о Фанни Кэмпбелл, женщине-капитане пиратов.

КОНЕЦ.